

ОТ АВТОРА

Андрей Андреевич Евдокимов, несмотря на многочисленные ипостаси своей жизни, был удивительно цельным человеком.

В век коммунистических и нацистских лагерей уничтожения суть его личности определялась библейской заповедью «Не убий». Народник, один из первых русских социал-демократов, основоположник профессионального движения, теоретик и практик кооперации, исследователь европейского Севера России, он был назван выдающимся экономистом А.В.Чаяновым — великим пророком.

А. А. Евдокимов был арестован в 1938 г. в Архангельске и после двухлетнего «следствия» сослан в Красноярский край. Он умер от голода в селе Большая Мурта в январе 1941 г. О каждой ипостаси его жизни можно писать отдельную книгу. Он был активным участником многих событий российской истории конца XIX — начала XX века. Иваново-Вознесенск, Харьков, Москва, Архангельск — четыре города, с которыми связана его судьба.

В дореволюционной России А. А. Евдокимов поднялся по социальной лестнице от мальчика на побегушках в винной лавке до лидера рабочего движения, члена Правления крупнейшего в России и в Европе банка, известного писателя, редактора столичных журналов.

История этой книги такова. Впервые я узнал о русском «великом пророке» из американской энциклопедии «The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History» летом 1995 г. в Urbana-Champaign (Illinois). Вернувшись зимой 1996 г. на берега Северной Двины, я прочитал трехтомное уголовное дело А. А. Евдокимова, хранящееся среди десятков тысяч других в архиве управления ФСБ по Архангельской области.

Уже тогда я отметил стойкость А. А. Евдокимова. В январе 1998 г. внук Андрея Андреевича — Владимир Тюрин — ознакомил меня с предсмертными письмами деда. Дальше все было просто. Весна ушла на работу в петербургской «публичке», лето — на московские и украинские архивы. Осенью в Мюнхене были написаны две первые главы книги, а завершена она была весной 1999 г. в Петербурге.

Благодарю за помощь и поддержку в работе В. А. Тюрина (Архангельск), Г. Д. Музыченко (Москва), С. К. Пирогова (Мюнхен), А. Иванова (Москва).

26 июня 1999 г.

Юрий Дойков

Старый Петергоф

ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСК

Историки, занимающиеся проблемами рабочего движения в России, пишут, в основном, о рабочем движении в столицах — Петербурге и Москве. Почти совсем не уделяется внимания истории профессионального движения в России, особенно его дореволюционного периода¹.

Единичны случаи, когда исследователи обращаются к реконструкции биографий деятелей профессионального движения². Правда, в последние годы российские историки опубликовали ряд политических биографий наиболее известных деятелей рабочего движения: Г. В. Плеханова, Ю. О. Мартова, Д. Б. Рязанова³.

По этой теме существует несколько работ авторов-эмигрантов⁴.

В СССР в 20-е гг. был опубликован ряд ценных книг по истории проф-движения, но в конце 20-х — начале 30-х гг. авторы этих изданий — П. Колокольников, С. Айнзафт, Ю. Крейзель, В. Святловский, Ю. Милонов, Д. Антошкин, М. Балабанов и др. — были объявлены «махровыми меньшевиками» и политическими врагами. А сами книги отправили в «спецхраны».

Иваново-Вознесенск был крупнейшим после Москвы промышленным центром России. В 1892 г. здесь, по инициативе Федора Алексеевича Кондратьева (1871—1942), был создан нелегальный Иваново-Вознесенский рабочий союз⁵.

Зимой 1894—95 гг. в Союз вошел А. А. Евдокимов и быстро занял в нем руководящее положение.

Ф. А. Кондратьев и А. А. Евдокимов принадлежали к поколению народовольцев 90-х гг., в отличие от своих предшественников, пошедших в «рабочий народ». Их дружба, зародившаяся в юности, оказалась прервана на десятилетия, но первым, к кому обратился за помощью А. А. Евдокимов, оказавшись в Большой Мурте, был Кондратьев.

Ф. А. Кондратьев родился в городе Светиков Владимирской губернии. Был внуком крепостного. По окончании реального училища в Иваново-Вознесенске учился в Петербургском технологическом институте. Участвовал в деятельности социал-демократических кружков. За участие в демонстрации во время похорон И. Шелгунова был исключен из института и вернулся в Иваново-Вознесенск. С 1897 г. жил в Харькове, где, по-видимому, и умер в 1942 г., пережив своего друга на один год⁶.

В различных изданиях⁷ мы находим краткие, часто противоречивые сведения об А. А. Евдокимове.

В одном из петербургских архивов сохранилось письмо Евдокимова, в котором он сообщал биографические сведения о себе С. А. Венгеру,

«Харьков. 4 июня 1913

Милостивый государь, Семен Афанасьевич,
в ответ на Ваш запрос.

Родился 23 сентября 1872 г. в г. Владимире на Клязьме, в право-славнo-купеческой семье. Дед был крепостной крестьянин, но выкупился — до “воли”. В том же 1872 году умер отец Евдокимова — семья разорилась и распалась. Воспитывался в г. Суздаль, матерью. Мать родом из г. Суздаль. Ее отец — дед Евдокимова, — купец г. Сузда-ль, был большим любителем литературы, после него осталась хорошая библиотека. Воспитание двух малолетних детей для ма-тери было нелегко. Жили без острой нужды, но со всеми признаками строжайшей бедности.

Учился в Суздальском городском трехклассном училище. По окончанию училища поступил в колониальную торговлю, там же в Сузда-ле “мальчиком” с платой по 30 рублей в год на одежду. Стол хо-зяйский. Рабочий день с 7 утра до 9 вечера. Воскресного отдыха не бы-ло. Магазин закрывался в год лишь на один день. 1-й день Пасхи. Торговля, за исключением базарных дней, была никакой. В отсутст-вии хозяина много читал. Брал книги в общественной библиотеке.

Влияли преимущественно толстые журналы 70-х и 80-х годов. Чи-тал “Русские ведомости” в одном трактирчике, куда посылали ежедневно за кипятком. Из современников более других влияли писатели Г. И. Успенский, Н. Н. Златовратский, В. Г. Короленко, М. Е. Салтыков, Н. К. Михайловский.

В то время писал стихи. Повесть посылал в печать, но безуспешно.

В 19 лет оставил службу у купца. Бродяжничал по фабрикам Вла-димирской и Ярославской губерний. В 1893 году торговал книгами по фабрикам и деревням в разнос с целью вести культурную работу. Имел книжный киоск в г. Иваново-Вознесенске Владимирской губернии. Захвачен был волной марксизма. Участвовал в первых марксистских кружках иваново-вознесенских рабочих. Работал на фабриках и занимался переплетным ремеслом. Сидел в тюрьме. Высылался под надзор полиции.

В 1901—1902 годах определился как “профессионалист” — сто-ронник осуществления профессиональных рабочих Союзов в России.

Работал на постройках в качестве рабочего и техника. Первые работы в легальной печати касались быта и положения строитель-ных рабочих. С 1905 года принимал участие в органах рабочей профессиональной прессы. С 1907 года начал работать в органах кооперативной прессы. С 1908 года по преимуществу занят вопросами жизни крестьянства и развития сельскохозяйственной кооперации в России»⁸.

В московском архиве сохранилась неопубликованная биография Евдокимова, написанная Э. А. Корольчук для словаря «Деятели революционного движения в России». В ней есть сведения, дополняющие сообщение Евдокимова С. А. Венгерову.

«До 19 лет служил приказчиком в винно-бакалейном магазине. Пристрастившись к чтению, бросил торговлю и поступил ткачом на фабрику Баженова близ станции Ундол, где проработал около двух лет. Зимой 1894—95 годов попал в Иваново-Вознесенск. Познакомился с Н. Кудряшовым⁹ и вошел в социал-демократический кружок, во главе которого стоял Ф. А. Кондратьев. Продавал и раздавал свои книги, поступил на ситце-печатную фабрику, но из-за слабого здоровья бросил и занялся на дому переплетным мастерством. С начала 1895 года занял руководящую роль в организации. Ездил в Шую, где организовал рабочий кружок и вел там занятия с рабочими»¹⁰.

Наиболее полное представление об иваново-вознесенском периоде жизни А. А. Евдокимова дают хранящиеся в Ивановском госархиве, воспоминания Ф. А. Кондратьева. Написаны они были в Харькове, примерно в 1910 г. Не во всем содержащиеся в них сведения совпадают со сведениями, приведенными выше.

Ф. А. Кондратьев вспоминал следующее: «Перед рождеством 1894 года наша организация пополнилась весьма полезным членом А. А. Евдокимовым. Так как потом он играл видную роль в Ивановском движении, то я подробнее сообщу историю знакомства с ним. Н. Кудряшов, торговавший тогда в книжной лавке, через своего любителя почитать хорошую книжку Н. Г. Грачева, узнал, что на базаре появился новый торговец книгами, у которого есть хорошие книжки, и даже Беллами “Через сто лет”. Книги он не только продает, но и дает даром, конечно, дешевые издания “Посредника”. Кудряшов сейчас же по окончании торговли пригласил его в трактир попить чайку, а в следующее воскресенье и я был знаком с А. Евдокимовым. Свою биографию он тогда же мне рассказал. Родился он в городе Суздале. Отец был трактирщиком, впоследствии разорившимся. Окончив городское училище, А. Е. поступил мальчиком в винно-бакалейный магазин своих родственников в Суздале и пробыл там до 19 лет. В свободное от торговли время он много читал. Книги попадались хорошие, в том числе “Отечественные записки”. Под влиянием их он бросил торговлю и поступил на ткацкую фабрику Баженова близ станции Ундол Москов.-Нижегородских ж. д., где и проработал около двух лет ткачом. Когда ему исполнился 21 год — совершеннолетие, — он получил около 1000 рублей, положенных в банк давно какой-то его тетушкой до совершеннолетия. На эти деньги он купил в Москве книг и пошел торговать ими с коробом на спине по городам и весям России. Был на Волге, в Киеве, был в разных деревнях, забредал и в Иваново, везде разнося хорошую книжку. В перерыве торговли летом он работал чернорабочим

на ремонте железнодорожных путей. В то время направление его было скорее народническое, однако его неудовлетворявшее. Наша вера в возможность переворота путем организации фабричных рабочих увлекала и его, и почти без спора он решил идти по одному пути с нами. А когда он побывал в наших кружках — то для него уже не было возврата к прошлому. Он продал и роздал свои книжечки и поступил рабочим на ситцевую фабрику Дербенева...

Маленькие средства, оставшиеся по ликвидации торговли, давали ему возможность делать прогулы, а затем совсем бросить фабрику и заняться переплетным мастерством, которое кормило плохо, но зато не измучивало физически его недостаточно крепкий организм и давало свободное время для работы в нашей организации. Громадная начитанность его, умение быстро ориентироваться во всех вопросах, умение излагать свои мысли в простой понятной форме, задушевность, аскетизм жизни сделали его весьма популярным среди рабочих членов кружка¹¹. Он быстро сделался всем близким человеком. Его скромная комнатка скоро сделалась клубом, куда шли товарищи отвести душу в остроумном разговоре и выпить водянистого чаю “с утесом” (так называли тогда бывший в почете местный белый хлеб).

В эту зиму мы совместно встречали Новый год на квартире Обухова. Он был кассиром нашего кружка. Собирались почти все наличные члены кружка. Говорились молодые речи о будущем господстве рабочего класса. Пьянели от собственных слов. Не все говорили хорошо. Особенно мудрено толковал Обухов, но мы хотя и досадовали, но все же терпеливо выслушивали его хотя и путанную, но благонамеренную речь. Под конец, впрочем, не избежали и выпивки, распили две бутылки водки, закусив солеными огурцами. Впечатление этого торжества на присутствующих было громадно. Им мы закрепили свое единение, и Полонников своим восклицанием “Я теперь чувствую, что я не один” лишь выразил общее настроение.

С нового года мы выписали на общие средства газету “Русская жизнь”, казавшуюся нам тогда либеральной. Собирались, как и прежде, по квартирам. Теперь в чтении участвовал кроме меня и А. Евдокимов. Так прошла зима и наступила весна. На окраине соснового бора за речкой, в воскресенье, состоялась наша первая митинг¹². Собралось около 25 человек. Патентованных и даже каких-нибудь ораторов среди нас не было. Я написал свою речь и прочел ее плохо — просто сробел перед такой громадной аудиторией. Не особенно удалась речь и А. Евдокимову. Пожалуй, удачнее вышла речь тогда впервые выступившего ткача Н. Махова¹³. Дальнейшая задушевная беседа сгладила шероховатости, и мы справили как подобает сознательному пролетариату свой рабочий праздник. Относительно слов “пролетариат” и “товарищ” должен оговориться — в ходу они у нас не были отчасти по неприязни к иностранным словам, по

непривычке, а “товарищ” мы с успехом заменяли “друг” и др. Летом с будущим, а иногда и меньшим успехом мы устраивали собрания в лесу, и дешевле и безопаснее.

В это время по совету полицеймейстера я был уволен с фабрики Но-викова и после короткой безработицы поступил опять чертежником на чугунолитейный завод Н. и А. Смоляковых, с понижением, однако заработка до 25 рублей в месяц. За мной уже следили, но мы этому предупреждению не дали цены.

Наступила осень. Опять была нанята квартира для собрания — на этот раз отдельный домик Кукина, где поселились Шаров, Талантов и Курочкин, новые молодые члены нашего кружка. Пожилой домо-владелец рабочий Кукин тоже был нашим членом. Маленькая избушка набивалась плотно. Сидели по лавкам, на печи, на припечке и просто на полу. Теперь наши собеседования велись более систематично. Наперед намечались темы, и поручалось кому-нибудь заготовить рефераты. Больше всего, конечно, писали я и А. Е. Каждый из нас зорко следил, чтобы аудитория наша все понимала. На казавшихся непонятными словах останавливались. Среди реферата завязывались разговоры. Наиболее удачные рефераты переписывались и ходили по рукам. Наибольшую удачу имел реферат А. Е. о женщинах-работ-ницах, написанный с большой теплотой. Рефераты были на разнообраз-ные темы: и о прибавочной стоимости, нормальном рабочем дне, вреде пьянства, о нравственности, о религии, о теории Дарвина, о происхождении мира, о социализме. Мы выворачивали себя, все свои знания и целиком, насколько умели, отдавали слушателям. Бывали и удачные словесные импровизации, и тогда надо было видеть восхищенные лица слушателей, чтобы понять наше одушевление. Во всех рефератах проводилась мысль, что рабочий — естественный хозяин промышленной жизни; будущее принадлежит ему; как таковой, он должен высоко нести свое знамя, будучи чистым и телесно, и нравственно. Надо помнить, что мы тогда умели своеобразно соединять почтение к Марксу с поклонением теоретикам критической личности, Лаврову и Михайловскому.

Этой осенью в Иванове на ткацкой фабрике Т-ва Иваново-Вознесенской мануфактуры, рабочими называвшейся просто “Компанией”, возникла стачка. Причиной забастовки, насколько я помню, были низ-кие расценки и плохая <основа> (слово написано неразборчиво. — Ю. Д.). О стачке и причинах ее мы были осведомлены хорошо, т. к. многие члены кружка были ткачи, имевшие хороших знакомых среди компанейских ткачей и ткачих. Немедленно на квартире Кукина собрались почти все члены кружка, чтобы обсудить, в какой форме мы можем принять участие в стачке¹⁴. В нашем совещании принимали участие и двое ткачей от “Компании”. С их слов были сформулированы требования к администрации фабрики и фабричной инспекции. М. Ба-

гаевым было предложено изготовить прокламации, и даже было приступлено к написанию, хотя технические средства к напечатанию у нас были весьма первобытны — самодельный плохой гектограф. Однако при дальнейшем обсуждении от прокламации отказались ввиду возможности порчи дела указанием на постороннее вмешательство, а главное — опасностью в смысле последствий для участников забастовки, да и для нашей организации. Решили ограничиться посылкой для переговоров с администрацией 2-х наших членов: ткача Махова и рабочего Багаева. Они вмешались в толпу рабочих, разъясняя требования и необходимость стойко держаться. Затем Махов прочел требования рабочих фабричному инспектору и вел с ним переговоры, находясь, однако, в приличном от него отдалении в толпе рабочих, чем чрезвычайно удивил администрацию, чуть ли не первый раз слышавшую толково составленные и аргументированные требования. Стачка тогда окончилась для рабочих довольно удачно, хотя приезжали казаки и жандармы. Были и избиения. После стачки казаки так и остались в Иваново, на содержании фабрики. Для нас это был пробный камень, убедивший всех в пользе организации.

Приток новых членов в нашу организацию был настолько велик, что было невозможно вместить всех в небольшом домике Кукина. Было и другое неудобство.

Новички являлись в квартиру Кукина, часто в дни собраний, приходилось отрываться от бесед с остальными и посвящать их в основу нашей деятельности.

После стачки мы стали думать и о безопасности и решили разделиться на три кружка. Один остался у Кукина, здесь квартировали постоянно Шаров, Курочкин и Багаев, другую квартиру наняли в Иконникове, где поселились Махов и Таланов, сюда направляли новичков. Третий кружок приютил на своей квартире А. Евдокимов, и он сам вел с ним занятия. В первом кружке из старых работников занятия вел я и гравер Масленников, а во втором Багаев и Махов. Собрания кружка назначались 2—3 раза в неделю, фактически они велись ежедневно, только без главных работников. Руководители кружков тоже собирались 1 раз в неделю у меня или А. Евдокимова. Кроме того, мы с Евдокимовым в это время заканчивали энциклопедический словарь для рабочих. В него должны были войти все слова, встречающиеся в нашей пропагандистской работе. К рождеству он был готов, и мы собрались отпечатать его на нашем примитивном гектографе. Около рождества 1895 года мы уже насчитывали более 50 человек членов организации, и приблизительно не меньше этого числа считалось сочувствующих и подготавливаемых. Кроме того, мы вели занятия с рабочими в городе Шуче, куда по очереди, по субботам, ездили Евдокимов, я и Багаев. Были сделаны шаги завязать сношения с фабричными рабочими села Тейкова и Кохмы. Мы довольно ожив-

ленно справили Новый год, на квартире Кукина. Среди нас даже оказался поэт, прочитавший стихотворение собственного производства, — Н. Махов. И некоторые лелеяли тогда горячую мечту: Ивановой пойдет впереди всей России в смысле силы и сознательности рабочего движения. Но уже надвигалась гроза... В отношении предосторожности от нашествий полиции мы были довольно беспечны. Полагали, что полиция ничего не знает. Разговоры о необходимости конспирации были, но серьезно к ним мы не относились. Когда-то что будет. Началось с того, что у моей квартиры стали замечаться жандармы, замечались они и у квартиры А. Евдокимова. Стали ходить слухи, что жандармы нами интересуются. Передавались они со слов родителей наших членов, которые это слышали непосредственно от жандармов, имеющих в Иванове, в количестве четырех человек. Слухи эти были и раньше в связи с открытием книжной торговли, но тогда мы ограничились сменой продавцов. Н. Кудряшов еще в 1895 году познакомился с мальчиком, сыном умершего железнодорожного машиниста В. Заксом. Мать его с трудом добывала средства существования, Кудряшов, чрезвычайно сердобольный, хлопотал о приискании ему работы, обращался ко мне, а потом как-то ухитрился определить его учеником слесаря в железнодорожное депо. Бывал он тогда с ним у меня, и Закс производил впечатление мальчика не глупого, пытливого, но болезненного, возбуждающего жалость. И тогда Закс рассказывал, что к его матери заходит один жандарм. Как-то в мае он один раз прибежал к нам экстренно и сообщил, что жандармы подозрительно относятся к книжной лавке и продавцу в ней Кудряшову. Тогда мы спешно заменили Кудряшова и на некоторое время прекратили хождение в лавку по кружковым делам. Затем Закс скрылся с горизонта и не появлялся до начала 1896 года. Его отсутствие Кудряшов объяснил забитостью и нуждой.

Новое появление Закса и интерес к нашим делам Кудряшов встретил радостно, проводил на квартиру А. Евдокимова и ко мне. Мне он теперь не особенно понравился, однако, по его просьбе, я дал ему нелегальную брошюрку “Что нужно знать и помнить каждому рабочему” и посоветовал Кудряшову ввести его в кружок Махова. Это было в воскресенье перед масленицей, а в понедельник я, Евдокимов и Махов были арестованы и препровождены в Шуйскую уездную тюрьму, пройдя через местную арестантскую — “Юдинские номера”. При обысках у меня и у Евдокимова было найдено по два или три экземпляра нелегальных брошюр и наши рукописи, в том числе и наша энциклопедия. Кудряшов отделался обыском, потому что успел сжечь все нелегальное. Работая в депо, он утром заметил суету жандармов, увидел приезд жандарма генерала Воронова и подполковника Добржанского; почуя опасность, ушел с работы, забежал на квартиру Евдокимова — но там уже был обыск, — тогда он бросился домой и

уничтожил все компрометирующее. Были допрошены также Муравьев, Грачев и Бутин. Эти трое числились в кружке Евдокимова, и их фамилии он запомнил. На квартире Махова во время обыска его соквартирантов не было, а фамилии Закс не мог знать, т. к. накануне в воскресенье они были в своих деревнях. Квартиру Кукина Закс не знал, и она уцелела, и никто из того кружка не был привлечен. Закс выдал нас за 50 рублей, как мы потом узнали, предлагал он свои услуги жандармерии и в дальнейшем, но от него отказались, так как его роль нами была уяснена при первых же допросах и пользы жандармам он принести не мог.

Через семь с половиной недель нас троих освободили под надзор полиции впредь до решения дела. За время нашего ареста организация в Иванове в расстройство не пришла. Наоборот, появились новые работники с новой энергией, взявшиеся за дело; отмечу особо выдающегося Александра Орехова, токаря по металлу <...>. Это был очень умный и талантливый работник, поэт, впоследствии в тюрьме услаждавший и потешавший нас пародиями на жандармов.

Проживая в Куликове, я был в курсе всего происходящего в Иванове. Товарищи навещали меня здесь и советовались о дальнейшей судьбе нашей организации. Совместно с Ореховым мы пополнили спи-сок книг, которые, как минимум, должен прочесть каждый рабочий нашей организации. Список этот был составлен нами еще до ареста. Затем был выработан ряд тем, на которые каждый рабочий должен был написать реферат <...>. Также была написана инструкция, как вести себя на допросах.

Полицейские условия в Иванове в это время сильно ухудшились. Сейчас же после нашего ареста в Иванове количество жандармов с 4-х было доведено до 12-ти, и во главе их был назначен жандармский ротмистр.

Весною опять начались собрания наших членов в лесу около Иванова; была устроена маевка, на которую удалось попасть и мне.

Около того времени из Петербурга были доставлены в большом количестве прокламации “Союза борьбы для освобождения рабочих”, выпущенные в Петербурге во время происходившей там стачки ткачей. Эти прокламации были широко распространены среди ивановских рабочих.

В начале июня начались аресты среди наших ивановских членов, а также и в Шуге. 12 июля я был вновь арестован и очутился в Шуйской уездной тюрьме, из которой был освобожден 3 месяца тому назад. Теперь все одиночные камеры тюрьмы были заполнены политическими. Всего арестов и обысков в то время в Иванове было произведено до 20 и в Шуге примерно столько.

Новый арест не затормозил дальнейшего развития рабочих организаций в Иванове. Организация пустила корни и давала новые

отпрыски. Теперь нам приходилось сидеть долго, начальство убеждалось, что мы не теоретики — любопытные, за каких себя выдавали в первый арест. Следствие кончилось, и нам стали давать свидания с родственниками. Мы опять стали в курсе Ивановской жизни. А жизнь там не прекращалась, а развивалась все шире. Оставшиеся на свободе продолжали работу. Руководителей из интеллигенции не было, если не считать Щеколдина и О. А. Варенцову, которые не могли от-давать много досугу этому делу. Пришлось и мне принять участие в организаторской работе, правда, лишь при посредстве писем и лекций, передаваемых во время свиданий.

Осенью в Иваново явился новый работник А. И. Хрящева, которая поступила ткачихой на фабрику. Дело ширилось, и в конце мая в Шуйскую тюрьму привезли: Хрящеву, Кондратьева (однофамильца), Муравьева, Бутина и др. В тот же день вечером меня, Теплякова и Кудряшова отправили во Владимирскую губернскую тюрьму. Мое соприкосновение с Ивановским движением на этом закончилось, если не считать моего посещения Иванова в 1898 году по освобождении из тюрьмы. Тогда я был лишь несколько часов в Иванове, а в Шуе мне не позволили жандармы пройти по перрону.

Теперь прошло уже более 12 лет со времени, здесь описываемого. Улеглись страсти, молодая живая воля, не знавшая удержу, стала считаться с обстоятельствами и оценивать силу “рожна”, против которого прежде перла неудержимо. Оглядываясь назад к оценке на-шей жизни, я и теперь согласен со словами А. А. Евдокимова, про-изнесенными им в одно из наших собеседований через окно Шуйской уездной тюрьмы, что “полтора года такой жизни дороже 20 прожитых им ранее”. Оставила ли наша работа в Иванове следы? В этом нет сомнений. Я уже говорил, что после нашего ареста в Иванове назначен отдельный жандармский ротмистр и усилен штат жандармов. Ежегодные аресты после нашего заключения в тюрьму свидетель-ствовали, что семена критики рабочей жизни и стремления изменить ее пали глубоко и дали плоды. Более того, много наших товарищей — учеников и сотрудников рабочих были разбросаны в разные уголки России, и там они не остались без влияния на рабочих. Более того, мы убедились, что и наш метод пропаганды путем личного воздействия был весьма целесообразен, для того времени. Мы подготовили из рабочих наиболее самостоятельных работников, сумевших без помощи интеллигенции развивать дело.

Тем более приятно было пишущему эти строки в 1905 году, во время большой стачки иваново-вознесенских рабочих, получить от стачечного комитета приветствие. Председатель комитета (Ноздрин) оказался приятелем знакомым, а секретарь (Грачев) был когда-то в нашем кружке. И депутат от рабочих Владимирской губернии Воронин был когда-то в наших кружках, а старший брат хорошо мне памятен.

Много горя и несчастий выпало на долю наших последователей от арестов и высылки, еще более горя потерпели и семьи их. Но такова уж доля всех идущих впереди на завоевание лучшего будущего. А разве мы сами и наши семьи не потерпели? Разве мы в этом не шли вперед своих последователей? И разве наши последователи теперь согласились бы возвратиться в первобытное состояние неведения.

Да цена прогресса все растет и растет»¹⁵.

В Иваново-Вознесенске в то время насчитывалось 60 тыс. жителей, а в упомянутой Ф. А. Кондратьевым Шуре – 20 тыс. В обоих городах было развито хлопчатобумажное производство. Поэтому Шуйско-Ивановский фабричный район называли «Русским Манчестером».

По описанию Никифора Махова: «Иваново в то время было грязное. Даже в центре прохожие утопали в грязи по ушки сапог. Речка Увось, мимо которой не пройдешь, не заткнувши носа от зловоний всякого рода нечистот, что выбрасывались фабрикантами “хозяевами города” из своих фабрик»¹⁶.

На маевке 1895 г. был создан Иваново-Вознесенский рабочий союз. Ф. А. Кондратьева избрали его председателем, а А. А. Евдокимова — секретарем и казначеем. Ему же поручили составить программу Союза. Этот документ впоследствии и попал в руки полиции. Уже при советской власти он был опубликован В. Невским в «Очерках по истории Российской коммунистической партии» (Петроград, 1923. Ч. 1. С. 599— 600). Автор «Очерков...» в годы сталинского террора был репрессирован, а его книга оказалась в спецхране.

Программа (Устав) Иваново-Вознесенского рабочего союза, составленная А. А. Евдокимовым, — один из первых документов российского рабочего социал-демократического движения.

Последний пункт об «Изменении существующего строя без пролития крови» вызвал возражения со стороны будущих большевиков М. А. Багаева и О. А. Варенцовой, но, как отмечал много лет спустя член Союза С. П. Шестернин, Ф. А. Кондратьев и особенно А. А. Евдокимов были непреклонны¹⁷.

С. П. Шестернин также сделал важное замечание, что, осев в Иваново и «будучи народником, Евдокимов к тому времени идеями народничества не удовлетворялся. Под влиянием Кондратьева он быстро становится марксистом»¹⁸.

В год публикации воспоминаний С. П. Шестернина А. А. Евдокимов уже второй год сидел в архангельской тюрьме как «враг народа». Но «ивановцы» Н. И. Махов, С. П. Шестернин писали с большим уважением о своем учителе. В ситуации того времени, когда дети отрекались от родителей, это было необычно и смело.

Свидетельства о незаурядности личности А. А. Евдокимова многочисленны. Член Союза Дмитрий Бутин писал: «Нужно сказать, что А. А. Евдокимов или Бельд, как он подписывал свои брошюры по-

вопросам профессионального движения, был неотразим для нас: об этом могут засвидетельствовать все, знавшие его в то время <...>. Приведу как иллюстрацию, каким авторитетом он у нас пользовался после ареста его и других; будучи освобожден, он жил в Суздале, мы ездили к нему почти за 50—60 верст только за тем, чтобы посмотреть на него и послушать, как он думает о текущих событиях, а также и поговорить о том, как вести организацию. Ездили зимой»¹⁹.

Ф. А. Кондратьев и А. А. Евдокимов отстаивали пункт о «непролитии крови».

Большевик В. Невский отзывался о «Программе» Союза так: «... вся проникнута духом мирной борьбы и достижения социализма в очень отдаленном будущем»²⁰.

Меньшевик Ю. О. Мартов в книге, изданной в 1923 г., писал: «В рядах организованных социал-демократических передовых рабочих появились единицы, принципиально не враждебные классовой борьбе в ее форме профессиональной борьбы, но находившие темп, принятый этой борьбой в России, слишком ускоренным и недовольные односторонним развитием экономической агитации виришь в то время, как не делалось попыток крепко сплотить и организовать более культурные элементы пролетариата. Кружок рабочих такого направления сгруппировался в конце 90-х годов в Иваново-Вознесенске вокруг техника Кондратьева и переплетчика Евдокимова. Считая себя социал-демократами, члены этого кружка держались в стороне от стачечного движения и искали более мирных и легальных путей экономической самостоятельности»²¹.

Ф. А. Кондратьев и А. А. Евдокимов были действительно против участия Союза в стачке ткачей 1895 г. Они были «крайними экономистами»²². Отсюда и «непролитие крови», и неучастие в стачке, а так-же аргументация к разуму и защита ненасильственных действий.

Осенью 1895 г. 23-летний А. А. Евдокимов женился на М. И. Иовле-вой. Кудряшов вспоминал: «Вопрос обсуждался в организации — не повредит ли делу? <...> Женившись, Евдокимов не только не отор-вался от организации, но и приобрел двух преданных членов»²³.

Имена Е. В. и М. И. Иовлевых с уважением упоминались в совет-ских изданиях:

«Иовлева Е. В. (кличка “Баба Мокра”) в течение целого десяти-летия являлась необходимейшим человеком для Иваново-Вознесен-ской организации по части содержания конспиративных квартир, явок и установок связи после очередных арестов»²⁴.

«Иовлева-Евдокимова М. И. — член первого женского марксист-ского кружка, созданного О. А. Варенцовой в 90-х годах XX века. Одна из активных работниц Иваново-Вознесенской организации»²⁵.

Никифор Махов писал: «Евдокимов после женитьбы на М. И. Иов-левой переехал на Шереметьевскую улицу (теперь — Ф. Энгельса. 1939 г.) недалеко от Соковского моста, где Евдокимовым был нанят

под квартиру отдельный домик. На этой квартире встречали Новый 1896 год он, Кудряшов, Грачев, Масленников, Яшин, Волков, Макар, я, другие, в том числе Муравьев — впоследствии выдавший всех и все... Жена Евдокимова — Мария Ивановна, лежала в кровати под видом больной и никакого участия не принимала. Речи (революционные) произнесли все. <...> Разошлись с квартиры Евдокимова на рассвете, преисполненные бодростью, готовностью к борьбе с врагом без страха и сомнения, веря в конечную победу рабочего класса над эксплуататорами и держимордами»²⁶.

Е. В. Иовлева умерла в 1919 г.

Следы М. И. Иовлевой теряются в 1910-х гг. В 1914 г. в одной из газетных статей А. А. Евдокимов вспоминал о смерти близкого ему человека, за которым он безотлучно ухаживал две недели. Возможно, речь шла о М. И. Иовлевой²⁷.

Полиция, однако, не дремала. 29 января 1896 г. у лидеров Союза, Ф. А. Кондратьева, А. А. Евдокимова и Н. И. Махова, был проведен обыск. Всех троих арестовали.

В «Обзоре важнейших дознаний полиции» о деятельности Иваново-Вознесенского рабочего союза в Иваново-Вознесенске и Шуе в 1895—1896 гг. говорилось: «В начале 1896 г. была обнаружена пропаганда социал-демократических идей среди фабричного населения Владимирской губ. в гг. Иваново-Вознесенске и Шуе. Главным организатором тайных кружков явился быв. студент С.-Петербургского технологического института прапорщик запаса Федор Кондратьев, служивший чертежником на одном из заводов г. Иваново-Вознесенска, деятельное же содействие ему оказывали рабочий мещанин Андрей Евдокимов и крестьянин Никифор Махов. По произведенным 29 января, как у этих лиц, так и фабричного рабочего Николая Кудряшова, обыскам было найдено значительное количество известных печатных изданий: “Царь-голод”, “Рабочий день”, “Что нужно знать и помнить каждому рабочему” и др., а также рукописи социал-демократического направления, из которых обращают на себя внимание: 1) отобранная у Кондратьева “Речь к рабочим”, призывающая их “свергнуть гнет фабрикантов путем устройства рабочих союзов и кассы” и 2) отобранные у Евдокимова рукописи, в коих оказались, между прочим, практические наставления — как устраивать между рабочими кружки и сохранять в тайне их существование²⁸, а также как вести себя членам этих кружков в случаях обыска, ареста и допросов.

Произведенным дознанием установлено, что Кондратьев и Евдокимов устраивали на своих квартирах, а также у Никифора Махова собрания рабочих, читали и раздавали помянутые выше преступные сочинения и разъясняли участникам собраний необходимость добиваться путем стачек увеличения сдельной платы и уменьшения числа рабочих часов. На одном из таких собраний было решено органи-

зывать рабочую кассу с целью покупки книг и для выдачи пособий забастовщикам, причем кассиром был избран Евдокимов, который и собирал со всех явившихся на собрания по 2 коп. с заработанного рубля. В руководстве кружком принимал участие гравер на фабрике Дмитрий Масленников, привлечением же рабочих на собрания и распространением изданий занимался помянутый Кудряшов.

Возникшая в 1895 г. в г. Иваново-Вознесенске приведенная пропаганда в скором времени проникла и в соседний город Шую, где образовался среди местных рабочих такой же противоправительственный кружок, руководителями которого были фабричные рабочие Михаил Тепляков и Андрей Леонтьев. Лица эти устраивали на своих квартирах и в загородном лесу собрания и сходки рабочих, раздавали и объясняли последним содержание приносимых ими печатных и рукописных революционных сочинений, которые доставал Василий Кудряшов и хранил в своей квартире конторщик Шуйского общества потребителей Сергей Беляков. По обыску у последнего, а также у Теплякова и рабочих Виктора Головкина и Александра Орехова найдено большое число таких сочинений, тождественных с обнаруженными в Иваново-Вознесенске. При этом у Белякова в числе рукописей оказалось воззвание, указывавшее на необходимость стачек и борьбы против существующего образа правления в России, писанное рукою Евдокимова²⁹.

Старшему из арестованных Ф. А. Кондратьеву в момент ареста было 24 года, А. А. Евдокимову — 23 и Н. И. Махову — 20 лет. Поскольку собственной тюрьмы в Иваново еще не было, их увезли в Шуйский острог. «Просидели около двух месяцев, и нам удалось доказать прокурору, что занимались “самообразованием” (ибо нелегалыщины у нас не было), нас освободили», — вспоминал Ф. А. Кондратьев³⁰.

Материалы полиции подтверждают рассказ Ф. А. Кондратьева. Дело действительно началось с заявления токаря Василия Закса, уклавшего полиции на возникновение рабочего кружка во главе с Кондратьевым, Евдокимовым, Маховым. По этому заявлению у них были произведены обыски... Евдокимов заявил, что не помнит, от кого он получил запрещенную литературу и что занимался рабочим вопросом только в целях самообразования³¹.

22 марта 1896 г. Евдокимов и Махов были освобождены из-под стражи и до окончательного дознания отданы под особый надзор полиции с выдворением Евдокимова в Суздаль³² (70 верст от Иваново-Вознесенска), Кондратьев был отправлен под особый надзор полиции в Куликово (12 верст от Иваново-Вознесенска).

С арестом и высылкой руководителей деятельность Союза не прекратилась. Оставшиеся на свободе его члены ездили за указаниями к Кондратьеву в Куликово и к Евдокимову в Суздаль.

Находясь в Суздале, Евдокимов написал прокламацию, носившую директивный характер и распространявшуюся затем в Шуге и в Иваново. В. Невский отмечал, что руководители Союза были освобождены «вероятно, для того, чтобы получше выследить их связи и остальных членов организации»³³. И действительно, «в июне 1896 года произошли новые аресты, на этот раз, кроме Кондратьева, Евдокимова и Махова, попали в тюрьму почти все активные члены Союза — Кудряшов, Орехов, Полонников, Котомин, Палычев в Иваново-Вознесенске и в Шуге — Тепляков, Леонтьев, Беляков»³⁴.

У одного из арестованных, рабочего Михаила Теплякова, при обыске была найдена написанная, как установила полицейская экспертиза, рукой Евдокимова вышеупомянутая прокламация «Товарищи, нас соединило одинаковое положение!»³⁵.

Но и эти аресты не остановили рост иваново-вознесенского Союза и его выход на арену массовой агитации.

Почти одновременно с А. А. Евдокимовым в конце 1894 г. в Иваново приехал и стал городским судьей, а также членом «Рабочего Союза» Сергей Павлович Шестернин. Еще студентом-юристом он был знаком с В. И. Лениным, Н. К. Крупской, Г. М. Кржижановским и другими членами Союза борьбы за освобождение рабочего класса. По рекомендации Ленина, С. П. Шестернин установил связь через С. И. Мицкевича и А. И. Елизарову с московской социал-демократической организацией. В дальнейшем эта связь поддерживалась через С. П. Невзорову (член петербургского «Союза борьбы...»), ставшую женой Шестернина³⁶.

Однако в июне 1897 г. последовали новые аресты. В заключении прокурора московской судебной палаты Н. П. Посникова о результатах дознания по делу о деятельности Иваново-Вознесенского рабочего союза говорилось следующее:

«Весной 1897 г. некоторые из местных фабричных рабочих, находившиеся ранее под непосредственным влиянием Андрея Евдокимова и Федора Кондратьева, образовали особый тайный кружок с целью самообразования и взаимной помощи на случай безработицы. Но вместе с этим члены кружка в более отдаленном будущем ставили себе задачей развить классовое сознание среди фабричного люда и вызвать его на активную борьбу против существующего общественного и экономического строя. Наряду с устройством библиотеки и кассы деятельности кружка выразилась в тайных собраниях на частных квартирах и загородных сходках, в распространении среди рабочих легальной, а частью и запрещенной, преимущественно социал-демократического содержания, литературы; в беседах о беспомощности положения трудящегося населения в России и о необходимости улучшения материального быта путем повышения заработной платы и сокращения рабочего дня.

Первоначальные сходки кружка устраивались на частных квартирах слесаря Ефима Соловьева и кузнеца Дмитрия Бутина. В собраниях этих принимали участие фабричные рабочие: крестьяне Василий Муравьев, Константин Шаров, Дмитрий Яшин, мещанин Николай Грачев и другие. На собраниях этих читались преимущественно книги и брошюры, сохранившиеся после ареста Федора Кондратьева и Николая Кудряшова.

В конце января месяца 1897 г. в Иваново-Вознесенске поселилась крестьянка Анна Хрящева, которая поступила ткачихой на одну из местных фабрик и, как близкая знакомая Андрея Евдокимова³⁷, вскоре приобрела популярность среди рабочих. С этого времени у нее на квартире стали устраиваться собрания, происходившие по вечерам раза два или три в неделю; самыми частыми посетителями ее, Хрящевой, были названные выше рабочие: Муравьев, Бутин, Грачев, Шаров, а также домашняя учительница дочь купца Ольга Варенцова и приказчица книжного магазина почетная гражданка Мария Капацинская. На этих собраниях главным образом обсуждался вопрос об организации рабочего союза, о средствах борьбы с капиталистами, а также читались книги, газеты и некоторые произведения нелегальной литературы.

В начале 1896 г. Хрящева совершила поездку в г. Шую и имела там свидание с упомянутым выше агитатором Федором Кондратьевым. Вернувшись в Иваново-Вознесенск, она составила программу “внутреннего распорядка организации кружка”. По этому проекту на каждой фабрике, где находится не менее трех сознательных рабочих, из среды их должен избираться выборный, на обязанности которого лежит устройство чтений, сбор денег в пользу кассы и участие в качестве представителей отдельных кружков в общих собраниях, на которых должны обсуждаться вопросы о приобретении книг, о найме квартир и о средствах борьбы с существующим экономическим строем³⁸.

13 июня 1897 г. А. И. Хрящева, Д. Л. Бутин, М. А. Капацинская, Л. В. Кулдин, И. А. Кондратьев (брат Ф. А. Кондратьева), К. Н. Отроков, О. А. Варенцова и др. (всего 11 человек) были арестованы полицией. Но и эти аресты не остановили деятельность созданного Ф. А. Кондратьевым и А. А. Евдокимовым рабочего союза.

В 1897 г. в Иваново-Вознесенске появился и стал играть видную роль в Союзе питерский ткач Ф. А. Афанасьев. Во время революции 1905 г. он станет руководителем возникшего в Иваново-Вознесенске, первого в России Совета рабочих депутатов. В том же году его убьют черносотенцы.

23 декабря 1897 г. на одной из крупнейших иваново-вознесенских фабрик — фабрике Гарелина — началась забастовка. К 30 декабря ею были охвачены почти все крупные предприятия города. Всего бастовало около 15 тыс. человек.

После двух петербургских стачек 1896 и 1897 гг., вырвавших у властей законодательное введение в России рабочего дня продолжительностью 11 с половиной часов, иваново-вознесенская стачка стала самым крупным выступлением пролетариата в России.

Арестованные же члены рабочего союза по «царскому повелению» были приговорены 7 августа 1897 г. к различным срокам наказания. Руководители: Ф. А. Кондратьев — к шести месяцам тюрьмы с последующим полицейским надзором, А. А. Евдокимов — к четырем месяцам тюрьмы и двум годам полицейского надзора, Н. И. Махов, Н. Н. Кудряшов и Михаил Тепляков — к двум месяцам тюрьмы с последующим пребыванием под надзором полиции. О. А. Варенцову сослали на три года в Уфимскую губернию. Всего по делу иваново-вознесенского Союза было осуждено 18 человек.

5 сентября 1897 г. А. А. Евдокимов был заключен в суздальскую тюрьму, 5 января 1898 г. освобожден и 11 января этапным порядком отправлен в Харьков с пребыванием там под открытым наблюдением полиции.

В Харьковском госархиве сохранился «открытый лист» на арестанта А. А. Евдокимова, составленный суздальским уездным исправником 5 января 1898 г.:

«Лет — 24

Рост — 2 аршина 6 вершков

Лицо — чистое, продолговатое

Глаза — карие»³⁹.

Еще в одном полицейском списке находим о А. А. Евдокимове следующие сведения.

Место родины — Владимир губернский

Православный

Окончил Суздальское городское трехклассное училище

Женат на Суздальской мещанке Марии Ивановне Иовлевой, 19 лет

Детей не имеется

Мать — Варвара Ефграфовна Евдокимова — 49 лет, живет в Суздале

Брат Александр Андреевич Евдокимов, 27 лет, живет в Суздале

Следует ли семейство — нет

Где семейство будет проживать после высылки его — в городе

Иваново-Вознесенске живет жена

Имеет ли собственные средства существования, и в чем они заключаются — нет

Чем до сего времени добывал себе средства существования, как сам, так и жена — занимался переплетным ремеслом, жена — чулочным

Имеют ли родители какое-либо состояние — *мать имеет в городе Суздале деревянный дом, стоящий около 500 рублей*

Срок надзора, с какого времени следует считать — *на 2 года, с 5 января 1898 по 5 января 1900*⁴⁰.

В Харьков отправился отбывать надзор еще в октябре 1897 г. и Н. И. Махов. В феврале 1898 г. отбывавший тюремное заключение в «Крестах» Ф. А. Кондратьев по собственному выбору был выслан под наблюдение полиции в Харьков. Вряд ли получилось случайно, что все трое руководителей иваново-вознесенского Союза оказались в Харькове.

В марте 1898 г. в Минске состоялся съезд социал-демократических организаций, провозгласивших на нем создание Российской социал-демократической партии. Иваново-вознесенский Союз не послал своего делегата по чистой случайности. Приглашение принять участие в съезде пришло слишком поздно, и С. П. Шестернин поэтому не смог выехать на съезд.

В июне 1898 г. общее собрание членов иваново-вознесенского Со-юза ознакомилось с итогами съезда. На собрании было принято решение переименовать Иваново-Вознесенский рабочий союз в Иваново-Вознесенский комитет РСДРП⁴¹.

«Во время отбывания А. А. Евдокимовым 4-месячного тюремного заключения в Суздале, — вспоминал М. А. Багаев, — его жена Ма-рия Ивановна приезжает в Иваново и здесь принимает большое участие в работе организации, устраивая собрания в квартире своей матери Е. В. Иовлевой»⁴².

С высылкой в Харьков Ф. А. Кондратьева и А. А. Евдокимова не прервалось их влияние на положение дел в Иваново-Вознесенской социал-демократической организации.

Влияли они в духе «экономизма». М. А. Багаев писал об этом так: «Часть ивановцев (Кулдин Л. В., Грачев Н. П. и др.), тесно связанных с проживавшими в Харькове Кондратьевым и Евдокимовым, пытаются внедрить в организации чистый экономизм без политической борьбы, считая, что рабочая масса еще не созрела до политической борьбы и что нужно предварительно легализовать рабочее движение на почве чисто экономических требований.

Высланные в Харьков первые руководители иваново-вознесенской организации Кондратьев и Евдокимов в это время явно сошли с революционного пути и превратились в “русских тред-юнионистов”, как они себя называли. Их влияние на старых ивановцев было еще очень сильно, их взгляды имели свое отражение и в иваново-вознесенской организации»⁴³.

Твердо стояли на точке зрения «экономистов» Е. А. Дунаев и Л. В. Кулдин — авторитетные и влиятельные члены иваново-вознесенской организации.

В Шуге партийная работа велась под руководством уцелевшего от полицейского разгрома 1896 г. рабочего И. Тимофеичева по кличке «Монах». В августе 1900 г. он ездил в Харьков для встречи с Ф. А. Кондратьевым и А. А. Евдокимовым.

Нелегальную литературу из Харькова в Иваново–Вознесенск доставляла М. И. Иовлева — жена А. А. Евдокимова, часто приезжавшая туда к своей матери, квартира которой продолжала служить штабом организации и явочной квартирой⁴⁴.

На маевке 1899 г. она, приехав из Харькова, была вместе с С. М. Багаевым, основным докладчиком на собрании организации близ села Талицы. Из-за полицейской слежки маевку в городе было провести невозможно. В своем докладе М. И. Иовлева рассказала, как праздновали 1 Мая рабочие Харькова.

В сентябре 1899 г. С. П. Шестернин обратился к Ф. А. Кондратьеву с поручением достать Устав только что организованного в Харькове Общества взаимопомощи занимающихся общественным трудом.

В 1900 г. при аресте Евлампия Дунаева у него была найдена полицией рукописная тетрадь «Теоретическое обоснование рабочего движения». Программа Союза, составленная А. А. Евдокимовым.

Влияние Ф. А. Кондратьева, А. А. Евдокимова и Н. И. Махова, после их высылки в Харьков, на иваново-вознесенских социал-демократов отмечалось и в официальной коммунистической историографии: «... через них распространялась литература экономистов: “Рабочая мысль” и “Рабочее дело”»⁴⁵.

Современному читателю, вероятно, не очень понятен термин «экономизм». В конце XIX в. экономизмом называли мощное течение в российской социал-демократии. Его основными представителями были П. Б. Струве, Е. Д. Кускова, К. М. Тахтарев, В. Акимов (Махновец). Это только наиболее громкие имена.

В. И. Ленин ловко использовал жупел «экономизма» в борьбе за власть в рядах нарождавшейся тогда в России социал-демократии. Он недобросовестно обвинял своих оппонентов в том, что они отказываются от политической борьбы и признают только борьбу экономическую. Это далеко не так. А. А. Евдокимов, который был «крайним экономистом», как мы видели, включил в программу рабочего союза политические требования и поставил вопрос об изменении политического строя...

Что касается Ленина и его преемников, то «метод жупела», впервые примененный в борьбе с экономизмом, использовался на протяжении всей истории КПСС. Громили «меньшевиков», «отзовистов», «ликвидаторов», «примиренцев», «троцкистов», «левых» и «правых уклонистов», «праволевых», «космополитов». Ныне громят «антинародную банду Ельцина» и «жидо-масонов»...

К 1900 г. иваново-вознесенский комитет РСДРП превратился в Комитет социал-демократического Союза рабочих Русского Ман-

честера. В печатном органе петербургского комитета РСДРП «Рабочая мысль» (1900 г., № 8) был опубликован Манифест (Воззвание) этого Комитета. В манифесте содержался призыв к созыву Всероссийского конгресса (съезда) рабочих. Приведем этот редкий документ целиком:

«Съезд рабочих».

(Воззвание рабочих Иваново-Вознесенского района).

Успешная стачечная борьба показала, какую силу имеют рабочие. Одно сильно задерживает развитие рабочих: патриархальное воспитание и надежда на правительство.

Товарищи! Оставим надежду на правительство. Воспитаем в себе мысль, что нам надо бороться с правительством и капиталистами. Объединим себя духом могучего орудия истины, и кончится час нашего угнетения, и выйдем на дорогу более широкую для борьбы за признание своих прав и защиту интересов всего рабочего класса.

Да здравствует русский рабочий народ!

Да здравствует социал-демократия!

Выборный комитет предлагает свое мнение. Товарищи! Борясь за признание наших прав и заботясь о расширении пропаганды среди рабочего класса, обращаемся к вам за содействием общему делу. Пора нам связать отдельные организации в один общий рабочий союз для ведения и расширения пропаганды в местах, где не существует еще рабочей организованной партии, для взаимного обмена средствами и литературой; для предъявления одинаковых требований в забастовках рабочих; для передачи всех сведений о рабочем движении, о действиях правительства и фабричной администрации; для присылки — в случае сильных арестов — рабочих агитаторов, чтобы поддержать разорившиеся гнезда рабочей партии. Выборный Комитет Русского Манчестера (Ив.-Вознесенска) обращается ко всем рабочим организациям России, не найдут ли возможным устроить в этом году конгресс рабочих.

Цель конгресса:

- 1) Обмен мнений представителей отдельных организаций о ходе пропаганды и рабочего движения.
- 2) Связь и объединение в общий рабочий союз.
- 3) Обсуждение вопросов текущей деятельности рабочего движения.
- 4) Суждение о мерах с.-дем. партии в действиях против правительства и капиталистов.
- 5) Об издании нелегальной литературы и передаче оной во все организации.
- 6) О всяких других возникающих вопросах. Желательно, чтобы интеллигенты не были представителями, а исключительно рабочие.

Комитет социал-демократ. Союза рабочих Русского Манчестера⁴⁶.

В официальной истории Ивановской организации КПСС, опубликованной в период «хрущевской оттепели» читаем: «Манифест, судя по его содержанию, составлен экономистами. В нем выражено пожелание, чтобы в конгрессе участвовали “исключительно простые рабочие, а интеллигенции не было”. Ни по архивным данным, ни по воспоминаниям подпольщиков не удалось установить ни состав “Комитета социал-демократического Союза рабочих Русского Манчестера”, ни его деятельность»⁴⁷.

На самом деле, то, что Союз рабочих Русского Манчестера возник при участии Ф. А. Кондратьева и А. А. Евдокимова или, во всяком случае, под их влиянием, было известно всегда⁴⁸. В исторической литературе принято считать, что идею рабочего союза выдвинул в 1905 г. П. Б. Аксельрод.

Содержание Манифеста Союза рабочих Русского Манчестера показывает, что эта идея была впервые выдвинута на 5 лет раньше в Иваново-Вознесенске Ф. А. Кондратьевым и А. А. Евдокимовым. Дадим слово самому Кондратьеву: «Марксистские догмы мне были известны — идеал наш был организация рабочих союзов на манер английских тред-юнионов»⁴⁹. Это сказано об иваново-вознесенском периоде.

А это о начальном, харьковском: «Мы с Евдокимовым оставались сторонниками профессионального объединения рабочих и их самостоятельности. К интеллигенции мы относились недоверчиво, перенеся это и на социал-демократических пропагандистов. У нас были свои сторонники. И, помню, в заграничной “Искре” нашу группу наименовали “ивановским толком”»⁵⁰.

Как известно, издаваемая Лениным в Мюнхене в 1900 г. нелегальная газета «Искра» повела яростную борьбу за привлечение на свою сторону местных комитетов РСДРП в России. Тактикой в борьбе за захват власти в РСДРП на предстоящем втором съезде партии Ленин избрал борьбу с экономизмом.

В Иваново-Вознесенске к ленинской позиции склонилась одна из участниц Иваново-Вознесенского рабочего союза 1890-х гг. О. А. Варенцова.

Английский историк Леонард Шапиро, автор лучшей книги по истории КПСС, отмечал, что натиску ленинской «Искры» «дольше всего оказывали сопротивление промышленные центры, где зарождалось массовое рабочее движение (например, Иваново-Вознесенск)»⁵¹.

О. А. Варенцова, находясь в 1900 г. в ссылке в Воронеже, «совместно с ивановцами и москвичами разработала план создания общеластной организации “Северного Рабочего союза” чисто искровского направления, которая должна была охватить Иваново-Вознесенск, Ярославль, Кострому»⁵².

Ленин эту идею одобрил. В январе 1902 г. в Воронеже прошел съезд «Северного Союза». Была принята программа Союза и избран Центральный комитет, в состав которого вошла и Варенцова. Она же была избрана ответственным секретарем ЦК. Однако даже этот Союз, созданный с одобрения Ленина и близкий с самого своего возникновения по взглядам «Искре», долгое время соблюдал по отношению к ней «организационный сепаратизм», а его Программа, принятая на съезде в Воронеже, носила много следов экономизма⁵³.

В 1903 г., в год знаменитого II съезда РСДРП, подведшего итог борьбе «Искры» с «экономизмом» и расколовшего партию на два новых, противостоящих друг другу крыла — большевиков и меньшевиков, «ультраэкономисты» Ф. А. Кондратьев и А. А. Евдокимов получили из Иваново-Вознесенска от председателя комитета очередной забастовки несколько фотографий массовых рабочих собраний и приветствие иваново-вознесенских рабочих своим учителям.

ХАРЬКОВ

§ 1

«Украинская эмиграция не занималась изучением рабочего движения и социал-демократии на Украине. Это были русские, привнесенные из России движения, и они нас не интересовали», — сказал автору этой книги в ноябре 1998 г. в Мюнхене ректор Свободного украинского университета, профессор Мирослав Лабунько.

Материалов, собранных в России, однако, было достаточно, чтобы приступить к описанию харьковского периода жизни А. А. Евдокимова, и пишущий эти строки засел в читальном зале Института по изучению новейшей истории.

Харьков в конце XIX в. входил в десятку крупнейших городов Российской империи. В нем в 1897 г. проживало 174 тыс. жителей, почти в три раза больше, чем в Иваново-Вознесенске. До Москвы — 731 версты, в два раза дальше, чем от Иваново-Вознесенска, но поезд покрывал это расстояние за 8 часов. Ночь — и вы в Москве.

Помимо не столь знаменитого, как московский, петербургский или казанский, харьковского университета, основанного гонителем А. С. Пушкина В. Н. Каразиным, в городе было еще два высших учебных заведения: технический и ветеринарный институты. Училось в этих трех вузах около 5 тыс. студентов. С Харьковом жизнь А. А. Евдокимова была связана более десяти лет.

Общее промышленное оживление, охватившее юг России в 1890-х гг., распространилось и на Харьков. Из преимущественно торгового центра он стал городом крупной промышленности с десятками тысяч рабочих, многие из которых приехали из других мест. Они привезли в сонный, мелкобуржуазный Харьков подвижный, беспокойный дух.

В одной из нелегальных социал-демократических брошюр того времени, изданной в Женеве эмигрантским Союзом Русских социал-демократов об этом пришло пролетариате говорилось так: «Среди него попадались и петербургские, и московские, и иваново-вознесенские рабочие, находившиеся уже раньше под прямым или косвенным влиянием социал-демократической пропаганды». Они «несомненно способствовали рассеянию застоявшейся атмосферы покорности, господствовавшей здесь раньше, и созданию атмосферы протеста»¹.

В 1899 г. в Харьков прибыл О. А. Ерманский (впоследствии меньшевик). В его мемуарах, опубликованных в 1927 г. в Москве, читаем: «Настроение рабочих в Харькове осложнялось влиянием так называемого “иваново-вознесенского толка”. Это было течение <...>, сводившееся к борьбе против социал-демократической интеллигенции и по своему антиполитическому настроению примыкавшее к “эко-

бочий Андрей Андреевич Евдокимов (из Иваново-Вознесенска). С ним я скоро познакомился благодаря Л. Б. Красину, который был тогда студентом, оканчивающим харьковский технологический институт, стоял в стороне от политической работы, но вел знакомство с “иваново-вознесенски” настроенным техником Кондратьевым, другом гремевшего тогда Андрея Андреевича².

Итак, А. А. Евдокимов прожил в Харькове всего год, да еще под открытым наблюдением полиции, и уже «гремел»!

Прибыв в Харьков, О. А. Ерманский вошел в созданный в 1898 г. Харьковский комитет РСДРП. В тех же мемуарах он писал: «Комитет был организационно слаб», «связи с рабочими у комитета были не мас-совые», «обострилась борьба с иваново-вознесенцами, которые прини-мали и даже требовали нелегальной литературы, но не терпели вмеша-тельства интеллигентского Комитета». «Я <...> энергично распространял номера “Искры”, когда она с декабря 1900 года стала выходить в свет, и в тоже время систематически вел борьбу с экономизмом, представи-телями которого, кроме иваново-вознесенцев, были в Харькове Грамматилов, отчасти М. П. Полякова, составлявшие маленькую организацию отдельно от Комитета»³.

Возможно, что под «маленькой организацией» Ерманский имел в виду созданный весной 1899 г. Н. И. Маховым Социал-демократический союз ремесленников. К моменту своего разгрома полицией в де-кабре того же года он насчитывал 43 члена и состоял из 5—6 кружков.

В секретном жандармском документе того времени читаем: «В де-кабре 1897 г. Н. Махов прибыл в Харьков для отбытия гласного надзора полиции. В первые дни его жизни в Харькове его знакомства ограни-чивались гласно-поднадзорными: прапорщиком запаса, бывшим сту-дентом-технологом *Ф. А. Кондратьевым* и мещанином *А. А. Евдо-кимовым*, с которыми он знаком еще по Владимирской губернии <...>. Не имея средств к жизни, Махов проживал иждивением Кондратьева, благодаря которому ему удалось пристроиться на харьковский парово-зостроительный завод в качестве фрезеровщика, хотя по ремеслу он ткач. <...> По своим убеждениям Махов представляет собой ярого последователя учения Карла Маркса... “Освобождение рабочих должно быть произведено самими рабочими” — легло в основание его убеждений в рабочей пропаганде. Он не допускает вмешательства и ру-ководительства интеллигенции в дела рабочих, и на этой почве у него неоднократно происходили недоразумения с Кондратьевым, доказы-вавшим, что рабочие, как бы они не были развиты, без руководитель-ства интеллигенции обходиться не могут. <...> В письме гласно-поднадзорному Дмитрию Бутину Махов писал: “Вопрос о рабочих и интеллигенции — далеко не пустяк. Это вопрос первойшей важности, принципиальный вопрос, и им игнорировать нельзя и непростительно. Ты должен знать, что наши интересы и интересы интеллигенции не

одни и те же, а если есть что-то и общее (политическая свобода), так это не главное. Мы не должны идти на поводу у нее, а свободно идти с ней тогда, когда это нам интересно. Иначе мы будем уведены ею на неинтересный для нас путь»⁴.

Никифор Махов был сослан в Восточную Сибирь на три года, но деятельность созданного им Союза, несмотря на арест части его членов, продолжалась до 1903 г., когда Союз, вероятно, прекратил свое существование⁵.

В 1900 г. был разгромлен и Харьковский комитет РСДРП.

Из воспоминаний видного социал-демократа В. Левицкого, относящихся к концу 1902 — началу 1903 гг.: «Я застал харьковскую партийную организацию почти совершенно разгромленную арестами. Она была слаба. Массового рабочего движения не было, его единственного значительным проявлением была Первомайская демонстрация 1900 года, которая произошла почти без всякого участия социал-демократической организации»⁶.

Спустя десятилетия в официальном советском издании утверждалось: «Первым великим массовым выступлением рабочих Харькова, подготовленным комитетом РСДРП, была харьковская политическая демонстрация 1900 года»⁷.

О том, что харьковские социал-демократы отнюдь не были организаторами прогремевшего на всю Россию выступления харьковских рабочих, писал и О. А. Ерманский: «Совершенно неожиданно для нашего Комитета 1 Мая 1900 года прошло в Харькове весьма эффектно. <...> Мы имели первое в коренной России политическое выступление рабочих на улице, да еще с красным флагом»⁸.

Действительно, малочисленному, подпольному, плохо связанному с рабочими, чисто интеллигентскому харьковскому комитету РСДРП организовать массовое выступление 50 тыс. рабочих на различных заводах и фабриках Харькова было невозможно и не по силам. (Питерский пролетариат Первомай в 1900 г. не отмечал. А в январе 1905 г. в его главе оказались тоже не большевики.) Но кто это сделал?

Ответ на это мы находим в уже цитированной книге Ю. О. Марто-ва. Продолжим цитату: «В 1898 году в Харькове основалось “Общество взаимопомощи занимающихся ремесленным трудом” (ОВЗРТ. — Ю. Д.), явившееся по сравнению с обществами более давнего происхождения наиболее близким к западноевропейским рабочим организациям не боевого типа. Это общество имело значительный успех, образовывало секции в других центрах Юга и, с развитием рабочего движения в Харькове, приобретало заметное влияние на менее увлеченные политикой и более умеренные по настроению слои заводских рабочих. Большое влияние на само общество оказывали переселившиеся в Харьков представители упомянутого выше “иваново-вознесенского толка”. К 1 января 1902 года харьковское общество насчитывало 593

члена. К 1 марта 1903 г. — 877. Выступая нередко против революционных стремлений социал-демократии, харьковские “экономисты”, тем не менее, держались вполне независимо по отношению к правительству и были всегда политически прогрессивны. Поэтому само общество нередко подвергалось преследованиям администрации, а после майских событий 1900 года его председатель (Н. И. Десняк. — Ю. Д.) был арестован»⁹.

Ю. О. Мартов знал не понаслышке то, о чем писал. После харьковского Первоя он приезжал в Харьков и просил местных «комитетчиков» РСДРП написать корреспонденцию о маевке для «Искры». Дело было поручено О. А. Ерманскому, который вместо корреспонденции подготовил целую брошюру «Майские дни 1900 года в Харькове». Брошюра была издана за границей с предисловием самого Ленина...

§ 2

Более конкретно об обстоятельствах, при которых Ф. А. Кондратьев и А. А. Евдокимов вошли в Общество взаимопомощи занимающихся ремесленным трудом, заняв в нем руководящее положение, известно из неопубликованных воспоминаний Ф. А. Кондратьева. В сентябре 1899 г. он получил из Иваново-Вознесенска от С. П. Шестернина задание достать Устав только что организовавшегося Общества. Далее Ф. А. Кондратьев вспоминает: «Через знакомых рабочих я узнал адрес бывшего тогда председателем общества или членом правления Н. И. Десняка и посетил его. Общество меня заинтересовало. Это как раз соответствовало моему экономизму. Рудняк предложил вступить мне в общество. Но, обсудив мое поднадзорное положение, согласились обождать. Вскоре, уже на почве строительства, я познакомился с М. А. Порхаевым и другими членами и стал ближе к обществу. В 1900—1902 годах мне пришлось жить в Екатеринославе при постройке зданий горного института <...>. С 1903 года вновь в Харькове, и так как срок моего надзора кончился — вступил в общество. Правление его тогда размещалось в доме ремесленного общества по Старомосковской улице. Я быстро вошел в курс жизни общества. Общество тогда было не особенно многочисленно — около 300 человек. Но жизнь здесь была ключом. <...> Состав членов был — среднего возраста — молодежи было немного. Войдя в общество, я был удивлен отсутствием интеллигенции»¹⁰.

Заняв руководящее положение в Обществе, Ф. А. Кондратьев привлек к работе в нем А. А. Евдокимова. Характерно, что во всех опубликованных материалах именно Кондратьев и Евдокимов называ-

ются лидерами Общества. Ю. О. Мартов в письме к П. Б. Аксельроду от 25 октября 1905 г. назвал А. А. Евдокимова вождем Общества¹¹.

К. Дмитриев (П. Н. Колокольников¹²) писал в статье, опубликованной в 1906 г.:

«<...> с 1900 года под влиянием пришедших в Общество сторонников т. н. “ивановского толка” в нем замечается некоторое оживление. Оно пробует взять на себя некоторые функции профессионального союза и уже в 1900 году оказывает денежную поддержку высылаемым на восток участникам знаменитой харьковской маевки.

Правда, даже эти скромные начинания происходят не без внутренних трений. В Обществе образуются партии. В конце концов, левое течение одерживает верх. Общество все заметнее приближается к типу профсоюзов и, одно время, хотя и не надолго, становится центром профессионального движения в Харькове»¹³.

В. Гриневиц¹⁴, автор классического труда «Профессиональное движение в России», изданного в 1906 г., затем дважды переизданного большевиками при советской власти в качестве ценного пособия, а затем заклеянного ими как «махровоменьшевистское» издание, писал в нем:

«Из провинциальных городов только в Харькове профессиональное движение делало попытки выйти из подполья еще до дней “свободы”. С 1898 года там было легальное “Общество взаимопомощи занимающихся ремесленным трудом”. Оно выгодно отличалось от других подобных обществ полной независимостью от каких бы то ни было посторонних рабочему классу влияний.

Взгляды русских социал-демократов того времени на легальные организации помешали местным социал-демократам не только найти почву для совместной работы, но даже создали взаимно враждебное настроение. Между тем названное Общество пользовалось немалым влиянием среди харьковских рабочих. По его образцу (оно объединяло главным образом механических рабочих) образовались общества: портных, табачников, позже строительных рабочих. В 1900 году под видом пособия безработным оно оказывало помощь, сосланным и арестованным за известную политическую демонстрацию харьковским рабочим. К 1904 году Общество было уже прочной организацией. Занималось не только взаимопомощью, но и боролось за улучшение условий труда механических рабочих и содействовало такому улучшению для всех рабочих вообще.

Общество выдвинуло вопрос о созыве всероссийского съезда. После январских событий Общество решило делать открыто то, что раньше делало тайно. Ассигнует деньги для семей убитых в Петербурге, Риге, Варшаве, Лодзи. Во время летней забастовки механических рабочих Общество отчислило 500 рублей в пользу бастующих. При содействии Общества летом 1905 г. открыто в Харькове

автономное отделение петербургского союза рабочих печатного дела»¹⁵.

О роли Ф. А. Кондратьева в ОВЗРТ Ю. О. Мартов писал: «Как человек, отточивший в борьбе с “политиками” свои взгляды на характер и методы деятельности “легальной”, чисто экономической рабочей организации, он внес в Общество ту ясность целей и ближайших устремлений, которой Обществу недоставало и отсутствие которой превращало Общество в серую, вялую и слабо оформленную организацию»¹⁶.

А. А. Евдокимов вступил в члены Общества в 1904 г. Ф. А. Кондратьев руководил тогда работой правления ОВЗРТ. Еще в 1902 г. он выдвинул перед Обществом идею созвать всероссийский съезд рабочих обществ взаимопомощи. Эта инициатива была заявлена еще два года назад в Манифесте Союза рабочих Русского Манчестера.

Находившийся в Мюнхене В. И. Ленин вел в это время борьбу за осуществление своей идеи создания партии «профессиональных революционеров». План был изложен в работе «Что делать?» (1902), ставшей на многие десятилетия большевистским катехизисом. В нем Ленин громил многих.

Вступив в Общество, А. А. Евдокимов сразу поставил дело подготовки и созыва съезда на деловую основу. В декабре 1904 г. он начал объезд обществ взаимопомощи с целью выяснения их отношения к идее съезда. Объезд был закончен в январе 1905 г., а 30 марта Евдокимов выступил в ОВЗРТ с докладом о поездке¹⁷.

За время поездки он посетил Николаев, Киев, Одессу, Петербург, Иваново-Вознесенск, Нижний Новгород, где встречался с представителями десяти обществ взаимопомощи различных профессий.

По словам А. А. Евдокимова, идея созыва съезда рабочих обществ встретила полное сочувствие в семи обществах, а в трех не было высказано окончательного мнения.

В архиве уехавшего за границу В. Гриневича (перед эмиграцией он некоторое время работал в созданной Д. В. Рязановым Социалистической академии) сохранилась записная книжка А. А. Евдокимова с записями об этой поездке.

В 1925 г. эти записи были прокомментированы и опубликованы ИСТПРОФом ВЦСПС в одном из сборников. В конце 1920-х гг. началась борьба сталинских историков с «истпрофопским наследием», которое, по полученному указанию сверху, было необходимо «разоблачить и разрушить»¹⁸. Издания ИСТПРОФа были подвергнуты «критике» и теперь являются библиографической редкостью. Приведем ту публикацию ИСТПРОФа записей А. А. Евдокимова:

«Н и к о л а е в. Общество взаимного вспоможения занимающихся ре-месленным трудом возникло в 1903 году под непосредственным влиянием примера Харьковского общества; в числе инициаторов были

члены Харьковского общества. Так же, как и в Харькове, Николаевское о-во призвано было объединять рабочих механических и машиностроительных заводов. Осенью 1904 года о-во заканчивало первый год существования в составе 50 членов. “Впечатление от деятельности николаевских общественников¹⁹ такое, как будто они и желали бы что сделать, да испытывают конфузливую робость. На вопрос, почему у вас так медленно подвигается дело, несмотря на наличие больших заводов, сознаются откровенно: публика у нас среди инициаторов пожилая, робкая, привлекать членов некому, молодежь участия не принимает. К тому же инициатива общественников раздвоилась: наряду с обществом взаимопомощи они устроили потребительскую лавочку и клуб мастеровых и рабочих. Эти начинания носят тот же недоношенный хилый характер”.

О д е с с а. “В 1904 году Одесса переживала период тяжелого промышленного угнетения. Прошедший несколько ранее эпизод организационной горячки под протекторатом зубатовца²⁰ Шаевича не оставил заметных следов. Для человека, не имеющего возможности сколь-нибудь обстоятельно заняться изучением настроений и чаяний рабочей массы, большой приморский город представлял безотрадную картину распыленности рабочей инициативы”.

Об одесских обществах взаимопомощи А. А. Евдокимов сообщает следующие сведения: “В половине 90-х годов здесь существовало общество тружеников печатного дела (год основания 1884), которое окончило свое существование вследствие каких-то промахов руководителей. Другое — Федоровское общество взаимовспоможения служащих в типографиях Одессы (год основания 1885) — всецело относится к той категории старых касс, которые фактически находились в руках хозяев предприятий и высших служащих. Член правления, владелец типографии, очень подозрительно отнесся к идее съезда, задуманного харьковцами. Эта подозрительность, однако, была уже хорошим признаком в смысле понятого предпринимателями зарождающегося нового духа. Что касается, наконец, общества взаимопомощи официантов (год основания 1881), то оно в своей деятельности совершило эволюцию в сторону товарищества (артели) по приему заказов и свои средства перевело в форму инвентаря, необходимого для устройства всякого рода торжеств, где члены об-ва могут иметь заработок”. Таким образом, идея съезда не нашла отклика в Одессе. Кроме об-ва взаимопомощи, А. А. Евдокимов ознакомился с одесскими артелями маляров и кровельщиков, переплетчиков и каменщиков, ведущими свое происхождение от работы в Одессе пресловутого артельного батеньки Левицкого.

К и е в. “На собрании членов киевского об-ва книгопечатников (основанное в 1890 г. о-во взаимного вспоможения наборщиков) можно было легко ориентироваться в тех изменениях, которые называют

внутри старых вспомогательных касс. На собрании из 200 членов присутствовало не больше 40. Очевидно, это было то меньшинство, которое представляло соль об-ва. Но это меньшинство резко делилось на две части. Небольшая группа мастеров, франтоватых, бойких и накрахмаленных, стояла во главе общественных делишек, но далеко не чувствовала себя самодержавной. Большинство же собрания состояло из средних мастеровых, не очень строптивых, но и не покладистых. Гвоздем собрания был предстоящий юбилей члена-жертвователя, владельца крупной типографии, вышедшего в хозяева из типографских подмастерьев. Прочитан был адрес юбиляру, преисполненный восхвалениями и написанный в стиле, характерном для управляющих-высочек из рядов мастеровщины. Адрес прослушали, похлопали и утвердили. Затем вносится предложение учредить стипендию имени юбиляра в школе печатного искусства. На этом вопросе большинство уперлось и ни с места. Все красноречие главарей, намекавших на то, что юбиляр, наверное, с избытком возместит ассигнованную на стипендию сумму, пропало бесследно: стипендия была провалена. Провал этот был сорганизован заранее. Полемика о стипендии внесла оживление в ряды общественников. После собрания из частных разговоров с оппозицией можно было наблюдать их ироническое отношение к юбиляру и к своим накрахмаленным лидерам. Адрес мы приняли — пускай их, а только живет рабочий у этого хозяина не больно-то хорошо, — сказал один из застрельщиков оппозиции. Борьба двух течений продолжалась и дальше. На общем собрании в марте 1905 г., привлечшем 70 членов, правление, выслушав упрёки оппозиции, сложило с себя обязанности. Собрание приняло отставку и выбрало новое правление”.

П е т е р б у р г. “Как промышленный и культурный центр, Петербург занимает особое место среди других русских городов. Близость к границе, большой наплыв иностранцев-рабочих и всегдашняя наличность интеллигентных сил создают для него роль центра новых веяний и начинаний”. Здесь Евдокимов, по-видимому, завязал сношения как с некоторыми из организаторов нарождавшегося после 9 (22) января союза рабочих печатного дела²¹, так и с группой “Союза освобождения”²², которая приступила к организации профессионально-политических союзов и союза союзов среди интеллигенции и собиралась идти с той же целью в рабочую среду. Эти встречи и дали повод Евдокимову говорить о новых веяниях. Под влиянием этих встреч, если не возникла, то укрепились идея расширить рамки съезда обществ взаимопомощи до съезда профессиональных рабочих обществ. Что касается местных обществ и касс взаимопомощи, то о них сохранились скудные и малоблагоприятные записи. “Старая петербургская касса типографщиков (основанная в 1866 году вспомогательная касса наборщиков), солидная и благоустроенная, с 900 членов, носит, однако, на себе отпечаток

той аристократической неподвижности, которая свойственна этим учреждениям”. В похоронной кассе труженников печатного дела (1900 г.), насчитывавшей 2000 членов, отмечается борьба новоюнионистов со старыми трэдиюнионистами. Еще нелестнее отзыв о музыкально-типографском кружке: “участники — мастера, метранпажи, управляющие и хозяева”. И, действительно, правление кружка уже 18 августа, “вполне соглашаясь с симпатичной целью участвовать на съезде, обсуждение вопроса отложило”. По-видимому, сочувственно отнеслось к идее съезда общество рабочих-электротехников. К организованно-му Ушаковым²³ зубатовскому обществу рабочих механического про-изводства (осн. в 1904 г.), Евдокимов отнесся очень сдержанно.

Н и ж н и й Н о в г о р о д. Об обществе взаимопомощи труженников печатного дела (осн. в 1904 г.) в записях сказано: “анкета по изучению быта; участие интеллигенции; слабые места интеллигентских об-в. Действительно, председателем о-ва был статистик Звездин, членами правления 4 сотрудника газеты, 2 управляющих типографиями и один печатник, но большая часть из 172 членов были рабочие. С первых же шагов о-во обратило внимание на культурно-просветительную деятельность и обследование быта рабочих. Оно же, как видно из печата-емой среди материалов выдержки из отчета, самостоятельно подняло вопрос о съезде о-в взаимопомощи, но, после посещения его Евдокимовым, уступило инициативу харьковскому о-ву. Найденные в архиве о-ва письма Евдокимова свидетельствуют, что интерес к съезду все время сохранялся в о-ве; то же подтверждается и участием его делегата на первой конференции. Вообще это было одно из самых живых об-ществ взаимопомощи. В 1905 г. оно — говорит историк и участник нижегородского професс. движения А. Белозеров — “оказало типографским рабочим известную услугу: оно послужило ядром, вок-руг которого рабочие, под влиянием общей политической и организа-ционной волны, начали еще более сближаться и организовываться”. (Рабочее професс. движение в Нижегородском крае 1869—1917. Нижний, 1923 г., стр. 55). С конца 1906 г. професс. союз печатников повел широкую агитацию за ликвидацию общества; последнее сопротивлялось. Но к июлю 1907 г. общество удалось ликвидировать. Ликвидационное собрание постановило передать все наличные суммы в размере около 12 тыс. професс. союзу с правом истребования членами из кассы своих сбережений (там же, стр. 57).

Помимо отчета о поездке, представленной общему собранию харьк. о-ва доклад Евдокимова в общих чертах характеризует современное состояние о-в взаимопомощи. Отношение к ним самого Евдокимова хорошо обрисовывается след. строками, которые должны были служить началом статьи для “Ежегодника”²⁴. “Каким бы тусклым и малокровным ни казалось прошлое данных учреждений, его нельзя игнорировать, ибо в прошлом всегда можно отыскать поучительные моменты,

позволяющие углубляться в природу явлений. До 1905 г. общества взаимопомощи были единственными открытыми учреждениями рабочих. И в ряду других проявлений общественной жизни они совсем не заслуживали так мало внимания, сколько им уделялось. Детали и особенности рабочей жизни вообще ускользают от обычной регистрации. Исследовать эти организационные попытки по сухим, зачастую бес-толковым отчетам, которые к тому же не всегда и печатались, — дело, далеко не исчерпывающее предмет. Пишущий эти строки в 1904 и 1905 годах имел возможность познакомиться с жизнью вспомогательных обществ во многих крупнейших городах России... Достоверные наблюдения современников представляют для общественной жизни не меньшую ценность, нежели официальные документы”.

Приводимый в докладе Евдокимова перечень обществ взаимопомощи, во-первых, является далеко не исчерпывающим, а во-вторых, смешивает в одну кучу мирные, но честные общества взаимопомощи с обществами зубатовского типа. В металлургической промышленности доклад называет общества: харьковское (см. примечан. 1), николаевское, ушаковское, петербургское и два тульских (об-во взаимопомощи при тульском патронном заводе, основ. в 1885 г., и об-во занимающихся ремесл. трудом, основ. в 1902 г.); кроме того, в этой отрасли труда имелись о-во мастеровых и машинов-стов в Астрахани (1894), о-во взаимопомощи в Борисоглебске (1898); ссудо-сберегательная касса сормовских рабочих и служащих (1896), в 1902 г. было положено начало зубатовскому о-ву рабочих механического производства в Москве; в 1905 г. намечалась организация о-в в Воронеже и Екатеринославе. В табачной промышленности известны оба упомянутых в докладе о-ва: общество служащих на табачных фабриках в Харькове (осн. в 1902 г.) и зубатовское общество табачников в Москве (1903). В текстильной промышленности — Иваново-Вознесенское о-во граверов и зубатовское общество текстильщиков в Москве (1903); Костромское о-во трудящихся (1902) допускало в свой состав и лиц других профессий; сюда же надо отнести и основанное в 1901 году о-во взаимопомощи занимающихся ремесленным трудом в Белостоке, пришедшее на смену ранее существовавшей кассе белостокских ткачей и прядильщиков (устав утвержден в 1885 г.). В наиболее организованной типографской промышленности доклад упоминает 12 вновь учрежденных за последние годы обществ. С. Прокопович в своей книжке “Крабочему вопросу в России”, СПб. 1905, дает следующий перечень типографских о-в взаимопомощи и вспомогательных и похоронных касс (стр. 8): 1814 — Варшава, 1816 — Рига, 1819 — Дерпт, 1848 — Рига, 1873 — Рига, 1891 — Ревель, и в России: 1833 — СПб (немецкая), 1851 — при Академии наук в СПб, 1854 — о-во СПб типографчиков; 1866 — о-во наборщиков в СПб ; 1868 — о-во типографов в Москве;

1881 — о-во наборщиков в Харькове; 1884 — труженников печатного дела в Одессе (закрылось); 1885 — о-во книгопечатников в Казани и Федоровское о-во служащих в типографиях в Одессе; 1890 — о-во наборщиков в Киеве; 1892 — о-во книгопечатников в Саратове; 1895 — о-во книгопечатников в Самаре; 1900 — похоронная касса в СПб; 1901 — о-во в Смоленске и Томске; 1902 — при “Волгаре” в Нижнем Новгороде, в 1903 — в Екатеринославе; в 1904 — в Нижнем Новгороде, Оренбурге, Орле. В докладе о положении союзов рабочих печатного дела на первой конференции печатников упоминаются еще о-ва в Петрокове, Житомире, Уральске, Астрахани, Таганроге, Витебске, Вильно и Вологде. Капиталы всех касс доклад определяет в 3271/2 тыс. руб. (Протоколы конференции СПб 1907 г., стр. 18). Всего Прокопович в названной книге упоминает утвержденных уставов в типографской промышленности (не считая прибалтийских и польских) — 20; среди фабрично-заводских рабочих — 17 (перечень неполный); среди ремесленников и ремесленных рабочих — 25, из них с участием рабочих — не больше 15.

Органы печати, обещавшие печатать заявления о-ва, касающиеся созыва съезда: одесский журнал “Южные записки” и газеты: “Киевские Отклики”, предшественница “Киевской мысли”, издававшаяся в 1904 году; петербургская “Русь” А. А. Суворина, в 1906 г. первая сорвавшая воскресный отдых газетных наборщиков и подвергшаяся за это резкому и длительному бойкоту рабочих, закончившемуся третейским судом не в пользу “Руси” (Гриневич. История профес. движения в России, стр. 176); “Наборщик и печатный мир” — частный журнал, издававшийся с 1903 г. в СПб одним из видных деятелей СПб кассы типографщиков А. А. Филипповым и бывший ее официозом»²⁵.

Еще в начале 1900 г. Ф. А. Кондратьев и А. А. Евдокимов начинали организовывать в Харькове заводские кассы (вместе с обществами взаимопомощи они были зародышами профсоюзов) и пробовали выпускать «Листки заводских касс».

Ленин, считавший, что рабочему классу ничего, кроме организации профессиональных революционеров, не нужно, критиковал тогда это их начинание в «Искре».

К 1905 г. Ф. А. Кондратьев и А. А. Евдокимов стали уже бывшими социал-демократами и беспартийными деятелями рабочего движения, и возглавляемое ими Общество относилось, как писал в 1920-х гг. советский историк, «активно враждебно к деятельности социал-демократов всех толков (за исключением, пожалуй, считавших себя социал-демократами “легальных марксистов” и т. д.) и особенно враждебно к попыткам провести революционные идеи внутри Общества»²⁶.

В феврале 1905 г., сразу же после первого объезда местных организаций А. А. Евдокимовым, ОВЗРТ подало ходатайство властям о разрешении съезда.

Начавшееся после расстрела 9 января 1905 г. рабочей демонстрации в Петербурге движение всех общественных сил (выступление рабочих во главе с Г. Гапоном было, в свою очередь, подготовлено «банкетной кампанией», проводимой либералами осенью 1904 г., и даже текст петиции, с которой рабочие шли к царю, был подготовлен людьми из «Союза освобождения») неуклонно нарастало.

В августе 1905 г. вопрос об общерабочем съезде поддержал один из самых авторитетных лидеров социал-демократов П. Б. Аксельрод²⁷.

В августе же южная конференция меньшевистских организаций решила принять участие в подготовительной работе по проведению съезда легальных рабочих обществ. Только большевистское руководство продолжало придерживаться формулы: «Зачем нам профсоюзы, когда есть партия».

С ответным визитом в Харьков приехал лидер петербургских печатников Иван Желудков.

В сентябре закончилась тянувшаяся с февраля процедура разрешения властями съезда. 9 сентября правлению Общества было сообщено, что министр внутренних дел А. Г. Булыгин дал добро.

В сентябре А. А. Евдокимов совершил второй объезд местных организаций. На этот раз он побывал в Саратове, Самаре, Костроме, Оренбурге, Воронеже, Екатеринославе.

В период всероссийской октябрьской стачки в Харькове возникло 13 профсоюзов²⁸. Их деятельность координировало Центральное бюро (ЦБ), во главе которого стоял секретариат из пяти человек. С весны 1906 г. ЦБ действовало на регулярной основе, но, несмотря на энергию рабочих, развернуться широко не пришлось. Репрессии при подавлении рабочих выступлений в Харькове были особенно свирепы²⁹. Однако в конце 1905 г. на революционной волне руководство ОВЗРТ решило преобразовать его из общества взаимопомощи в профессиональный союз рабочих в механическом производстве. (В 1904 г. из 1300 членов Общества около 900 работали на механических заводах³⁰.)

В 1905 г. деятельность ОВЗРТ явно вышла за рамки Устава общества взаимопомощи: в январе, не имея, естественно, стачечного фонда, оно помогло рабочим, пострадавшим 9—12 января в Петербурге, Риге и Лодзи, а в мае поддержало забастовавших рабочих железнодорожных мастерских, решило выпускать «Ежегодник» рабочих обществ, провести статистическое обследование быта харьковских рабочих, указало директору одного из заводов на неправильное увольнение рабочих после забастовки, и это имело успех. В июле Общество получило право иметь особых уполномоченных для защиты интересов его членов на фабриках и заводах.

Отметим попутно, что в Харькове, в отличие от других городов Российской империи, не было еврейских погромов и бесчинств черно-сотенцев, хотя процент евреев в городе был достаточно высок: их численность достигала 20 тыс. А ведь погромы, пронесшиеся по России после царского Манифеста 17 октября, даровавшего свободу под-данным, охватили не только ее южную часть, но и север — Вологду, Архангельск, губернии с традиционно минимальным количеством евре-ев и уравновешенной ментальностью населения. Мощным препятст-вием антисемитизму в Харькове служила организованность рабочих и позиция ОВЗРТ. Общество объявило, например, бойкот издателю «Южного края» А. А. Юзефовичу и добилось изменения направления газеты, которую до этого много лет отличал черносотенный дух.

В обстановке, когда в борьбу за контроль над выходящим на арену профессиональным движением рабочих вступили разные силы: власть, хозяева, либералы, социал-демократы, лидеры ОВЗРТ четко проводили свою установку на независимость: «Правление считает нужным заявить, что оно желало бы видеть нарождающийся союз, по примеру нашего общества, всегда *нейтральным*, то есть стоящим в стороне от *партийной* политики, но это не значит, что союз будет стоять в стороне от политической жизни нашей многострадальной родины .<...> В заключении пожелаем, чтобы наш профсоюз рабочих в механическом производстве следовал программе, намеченной Бебелем, объединил в себе всех рабочих и достиг того влияния, каким пользуются подобные организации на Западе. Да будет его девизом: “Освобождение рабо-чих — дело самих рабочих”»³¹.

Независимость лидеров харьковского Общества не нравилась. В 1905 г. меньшевистский «Социал-демократ» писал об ОВЗРТ: «Члены общества были люди отсталые, равнодушные к борьбе передовых рабочих, недоверчиво, даже враждебно, относившиеся к социал-демократии. Во главе стояли люди, косившиеся на всякие новшества и все спасение видевшие в том, чтобы из грошей рабочих создавать капиталы в кассе общества и потом из этой же кассы те же гроши выдавать тем же рабочим»³².

К 1907 г. Общество было настолько мощным, что пыталось получить от властей разрешение открыть свой филиал в столице — в Петербурге.

Наступившая после подавления революции 1905—1907 гг. реакция помешала планам преобразования Общества в профессиональный Союз, а власти, в свою очередь, воспользовавшись нарушениями в библиотеке Общества, постановили закрыть его в 1910 г.

А. А. Евдокимов, укрывшись под прозрачной подписью «Е», опубликовал в столичном журнале резко критическую статью, в которой говорилось: «Боязнь малейшего проявления общественной самодея-тельности во всех ее видах и формах, вообще, и самодеятельности демократических слоев населения, в частности, — конечно, самая

характерная черта установившегося у нас строя. Передо мной документы о закрытии Харьковского общества взаимного вспоможения занимающихся ремесленным трудом. Общество основано в 1898 году, то есть задолго до “конституции”.

За 12 лет существования Общество сплотило вокруг себя свыше 1500 человек в разных городах. Из отчета за 1908 г. видно, что в этом году Общество выдало безвозмездных пособий на сумму 13 384 рубля. Кроме того, построило свой дом, (израсходовано около 100 тысяч рублей), в котором должны были разместиться созданные Обществом культурные учреждения: театр, школа для рабочих, механическая мастерская для безработных членов, ремесленная школа для девочек-сирот членов Общества, детский сад и ясли и пр. Общество имело широкое будущее. Был театр, но его заставляют довольствоваться жалким репертуаром народных домов, и учреждение, которое могло давать большой доход и вместе с тем могло играть большую культурную роль, хиреет и прозябает. Теперь с Обществом решено покончить сразу.

В библиотеке Общества найдено несколько десятков книг, изданных в разное время главным управлением по делам печати и судебными постановлениями, и этого было достаточно, чтобы по постановлению губернатора харьковского губернское по делам об обществах присутствие постановило его совершенно закрыть.

Общество со всеми его учреждениями, создававшееся рабочими с таким трудом и такими жертвами в течение 12 лет!»³³

Правление Общества направило жалобу в Сенат. В ней находим добавочные сведения о размахе деятельности ОВЗРТ:

«Годовой оборот Общества около 150 тысяч рублей. Большая часть коих идет на помощь впавшим по каким-либо причинам в нужду членам Общества и их семьям. Одним только вдовам выдается одна тысяча рублей.

Общество приобрело солидное недвижимое имущество стоимостью около 150 тысяч рублей. Имущество, какого не имеет ни одно из существующих в России Обществ взаимопомощи. В японскую войну Общество пожертвовало 5 тысяч рублей на нужды войны, а именно, на выдачи пособий инвалидам, вдовам павших воинов и взятым на войну»³⁴.

17 апреля 1911 г. Общество возобновило свою деятельность под новым названием. Далее цитата об Обществе из советского издания: «... в годы войны было оплотом харьковских оборонцев. 29 августа 1915 года им было создано общее собрание харьковских рабочих по вопросу участия рабочих в обороне. На собрании развернулись обширные прения, закончившиеся поражением оборонцев. Наряду с новым Обществом до революции 1917 года просуществовала ликвидационная комиссия старого Общества»³⁵.

Харьковскому обществу взаимопомощи занимающихся ремесленным трудом и персонально А. А. Евдокимову принадлежит честь в выдвижении инициативы проведения съезда профессиональных союзов.

В истории российского рабочего профессионального движения это не должно быть забыто.

§ 3

В Харькове А. А. Евдокимов жил в 1898—1900, 1904—1905 1907—1913 гг. и во второй половине 1919 г.

В полицейских архивах о харьковском периоде его жизни кое-что сохранилось. Сначала это монотонные рапорты пристава I-го участка города Харькова харьковскому полицмейстеру типа: «...выбыл из дома № 96 по Старомосковской улице в дом № 67 по Конторской улице». С Конторской Евдокимов переехал на Скобелевскую площадь дом № 9, откуда, в свою очередь, перебрался в дом № 19 по Никитинскому переулку. (До декабря 1899 г. Евдокимов менял местожительство еще четыре раза³⁶). Шестого октября 1899 г. гласный надзор за ним был пре-кращен, но с 11 января 1900 г. он находился под негласным наблюдением.

Пристав II-го участка доносил 5 января 1900 г. об А. А. Евдокимове: «За время жительства во вверенном мне участке с 18 декабря и по настоящее время образа жизни и поведения хорошего. Первое время занимался переплетным ремеслом, в данное же время служит десятником над рабочими при постройках от инженера Харманского по Театральной площади дом № 5»³⁷.

Среди унылых доносов столетней давности — фотографии (анфас и профиль) молодого, бородатого А. А. Евдокимова. В полицейском досье зафиксировано: «25 декабря 1900 г. выбыл в город Покровка, Херсонской губернии». «В Харькове живет брат А. А. Евдокимова — Александр и служит приказчиком у Соколова в Суздальском ряду»³⁸.

Так же скрупулезно велось наблюдение за Евдокимовым, когда в 1901—1903 гг. он жил близ станции Борки Курско-Харьковско-Севастопольской железной дороги в Змиевском уезде и работал там десятником на постройке детского приюта при Спасском ските: «Неблагонадежных в политическом отношении сведений не получено»³⁹.

А. А. Евдокимов и Ф. А. Кондратьев были создателями и руководителями политического Союза рабочих для защиты своих прав, созданного, вероятно, летом 1905 г. Вместе с группой И. З. Желудкова, возникшей осенью того же года в Петербурге, Союз был первой в России рабочей организацией синдикалистского толка.

Союз был создан как бы в противовес существующей ситуации в

ковские «профессионалисты» (так называли синдикалистов, и так А. А. Евдокимов характеризовался в списках ОБЗРТ) ставили перед собой цель объединить рабочих вне зависимости от их партийных раз-ногласий. В одном из документов Союза говорилось: «Мы думаем, что лучше вместо ожесточенных споров каждой группе объединиться отдельно, изыскивая лишь способы для совместных действий. <...> Когда образуется единая рабочая партия, Союз войдет в нее и примет ее программу, до того же времени будет считать себя самостоятельным и независимым учреждением и будет, по соглашению, поддерживать те партийные группировки, какие найдет нужным»⁴⁰.

Программа Союза рабочих для защиты своих прав была опубликована в журнале петербургских синдикалистов «Рабочий голос», с которым А. А. Евдокимов тесно сотрудничал.

Полиция считала, что главная роль в создании Союза и его деятельности принадлежала Ф. А. Кондратьеву. Вероятно, так и было, поскольку Евдокимов почти всю первую половину 1905 г. провел в разъездах по России, а с конца сентября 1905 г. уже постоянно жил в Москве⁴¹.

В полицейском досье читаем: «В 1905 году Кондратьев состоял членом Бюро харьковского отделения Всероссийского Союза инженеров и техников, основавшего “фонд борьбы” с целью помощи как своим членам, так и другим организациям и союзам, борющимся за освобождение России; тем же союзом собирались деньги в пользу бое-вых дружин. По этому делу Кондратьев был арестован, но по освобождении из-под стражи⁴² принялся за развитие “Союза рабочих для защиты своих прав”, ранее организованного им же на началах социал-демократической программы, но впоследствии в эту программу была введена часть анархической программы. Союз этот под руководством Кондратьева стремился объединить всех рабочих с помощью профессиональных союзов с тем, чтобы впоследствии выделить от себя руководящую организацию рабочих депутатов, которая направила бы рабочую массу к слиянию с крестьянской и вместе с последней приняла бы участие в вооруженной борьбе с правительством»⁴³.

С конца 1907 г. А. А. Евдокимов вновь проживает в Харькове (12 декабря 1907 г. на его квартире и на квартире Ф. А. Кондратьева полиция произвела безрезультатные обыски) и работает секретарем комитета содействия сельской кооперации в Харьковском обществе сельского хозяйства (ХОСХ), созданном в 1880 г. для содействия развитию всех отраслей сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности в Харьковской, Курской, Воронежской, Екатеринославской губерниях и в области Войска Донского. Полиция по-прежнему следила за ним. По ее ведомостям за 1908 г. он числится членом харьковской социал-демократической организации. Весной 1910 г. он, по приговору Московской судебной палаты, отсидел два месяца в харьковской тюрьме за хранение нелегальной литературы (когда жил в Москве).

Из агентурного донесения за 1912 г.: «Живет в доме 10 по Московской улице (здесь же помещались правление сельскохозяйственного общества, редакции издаваемых им газет и журналов, другие подразделения Общества. — Ю. Д.), имеет жену Марию Ивановну 30 лет и мать — Варвару Егоровну, 64 года. Мать живет в Суздале»⁴⁴. По агентурным сводкам за 1913 г. А. А. Евдокимов числился «синдикалистом».

Что касается Ф. А. Кондратьева, то он, наряду с рабочим движением, тоже стал деятельно работать в кооперации, которая после разгрома революции являлась мощной общественной силой. В ее ряды в то время вливались многие деятельные личности.

В 1907 г. Ф. А. Кондратьев создал и возглавил потребительское общество «Труд». В ноябре 1907 г. в нем уже состояло 800 человек. А в декабре 1907 г. харьковское охранное отделение завело на Кондратьева дело. В документе от 22 января 1908 г. из полицейского досье говорилось, что Ф. А. Кондратьев «все время известен отделению как лицо весьма неблагонадежное в политическом отношении <...>. За последнее время Кондратьев проявил энергичную деятельность по участию своему в профессиональных союзах, направляя умы к борьбе с правительством, и тем самым несомненно порождает революционное направление в членах союзов <...>. Ввиду этих сведений в декабре прошлого года был подвергнут обыску»⁴⁵.

31 января 1908 г. харьковский временный генерал-губернатор признал пребывание Ф. А. Кондратьева в Харькове вредным и запретил ему жить в пределах губернии. Кондратьев, у которого было четверо детей, жил сначала в Белгороде Курской губернии, а затем работал техником на руднике С. Н. Колачевского в Екатеринославской губернии.

В материалах полицейского досье находим и имя жены Кондратьева — Харитина Венедиктовна Кондратьева (девичья фамилия — Новикова)⁴⁶.

Обыски, аресты, тюрьмы, высылки... Харьковские общественники — Ф. А. Кондратьев и А. А. Евдокимов — отнюдь не были «гасителями революционного движения», как клеймили их радикальные оппоненты слева.

Не удалось проследить, когда Кондратьев вновь появился в Харькове, но основанный им кооператив «Труд» сыграл, как отмечал в се-редине 1920-х гг. советский историк, «крупную роль не только в харьковском, но и в краевом кооперативном движении. Он был первым вообще кооперативом в Харькове, если не считать давно прошедших времен Баллина и Козлова»⁴⁷. «Труд» явился также инициатором и учредителем краевого объединения потребительской кооперации — товарищества потребительных обществ Юга России (ПОЮР), основанного 12 мая 1912 года и сыгравшего крупную роль в развитии потребительской кооперации левобережной Украины»⁴⁸.

Из «Очерка деятельности комитета содействия сельской кооперации 1908—1913 гг.», опубликованного в 1913 г. в Харькове, ясно видно, что А. А. Евдокимов в качестве секретаря Комитета играл в нем роль «мотора». Сам Комитет был учрежден при ХОСХ в 1908 г., когда среди сельского населения юга России возник широкий интерес к кооперативному делу, к устройству кредитных, потребительских и сельско-хозяйственных товариществ. В ХОСХ стали поступать запросы о содействии и возникающим сельским товариществам. Для удовлетворения этих нужд и был создан кооперативный отдел, получивший название «Комитет содействия сельской кооперации».

Председателем комитета стал профессор Алексей Николаевич Ан-цыферов⁴⁹, товарищами председателя — И. В. Веретенников и М. Ф. Крамаревский. «Очерк деятельности комитета...» читается как «Очерк деятельности А. А. Евдокимова...».

В Комитете А. А. Евдокимов с самого начала взял на себя работу консультанта потребительских обществ. В качестве секретаря он устно и письменно давал справки и указания, готовил доклады к заседаниям Комитета, вел организационную и издательскую деятельность. В течение двух лет Евдокимов собирал материалы для фундаментальной «Справочной книги для сельских товариществ». Книга была издана Комитетом в 1913 г. под редакцией К. А. Мациевича и стала коллективным трудом 32 русских кооператоров. Среди авторов сборника, кроме самого Евдокимова, такие громкие имена, как А. Ф. Фортунатов, А. Е. Кулыжный, А. В. Чайнов, А. Н. Анцыферов, В. Э. Брунст, В. А. Кильчевский, Б. С. Одер и др.

В 1912 г. А. А. Евдокимов был командирован Комитетом на съезды: Всероссийский кооперативный (Петербург) и кредитные — в Полтаву, Одессу, Чернигов.

В августе — сентябре 1912 г. Евдокимов был в командировке в Австрии и Германии для ознакомления с постановкой кооперативных учреждений, а в 1913 г. обучался в качестве практиканта молочному делу в земской школе в Кромержиже (Моравия).

В феврале 1912 г. Евдокимов читал лекции по сельскохозяйственной кооперации на кооперативно-агрономических курсах в Харькове, а в декабре — на курсах для взрослых крестьян в городе Старобельск Харьковской губернии. На ту же тему он делал доклады в Петербурге, Одессе, Чернигове.

В марте и ноябре 1912 г. он прочитал два доклада на агрономических совещаниях при Харьковской губернской земской управе. На заседаниях Комитета содействия сельской кооперации А. А. Евдокимов выступил со следующими докладами. В 1910 г. — 1) О содействии кооперативным обществам в закупочном деле; 2) О сбыте молочных продуктов на Харьковский рынок. В 1911 г. — Об учреждении Коммерческого отдела при ХОСХ. В 1912 г. — 1) Об устройстве

товарищества оптовых закупок для потребительских обществ Юга России; 2) Об устройстве в Харькове контрольной молочной станции; 3) О распространении кооперативных сведений среди сельского населения; 4) Общественно-кооперативный сбыт сельскохозяйственных продуктов в Харьковской губернии.

В 1912 г. Комитет издал в «Библиотечке сельского кооператора» три книги А. А. Евдокимова: «Сельскохозяйственная кооперация» (5 тыс. экземпляров), «О пользе и значении союзов» (3 тыс.), «О сбыте сельскохозяйственной продукции» (5 тыс.).

В 1909 г. Комитет сделал попытку объединить все потребительские общества, тяготеющие к Харькову как крупнейшему торгово-промышленному центру Юга России. Потребность в объединении ощущалась давно. Но только в 1912 г. был подписан договор о создании ПОЮР. Учредителем выступило, как уже упоминалось, харьковское общество потребителей «Труд». (Сам «Труд» в 1913 г. прекратил свое существование вследствие сильной конкуренции со стороны частного капитала.)⁵⁰ Договор был подписан представителями восьми потребительных обществ Харьковской, Курской и Екатеринославской губерний.

В 1913 г. при ХОСХ был образован еще один центр сельскохозяйственных кооперативов — «Центральное товарищество». ПОЮР создал свой печатный орган — журнал «Потребитель». 4 июля 1913 г. полицейский агент «Львович» докладывал начальству: «Около журнала „Потребитель“, издающегося в Харькове, объединилась интересная публика: <...> 3) Евдокимов, 4) Мациевич, 5) Борис Семенович Одер (всего перечислено 8 фамилий. — Ю. Д.) и другие. Из этих лиц яркое революционное прошлое имеют Александр Васильевич Григоровский, Евдокимов, Мациевич и Павлов (по профессии наборщик). Кроме своей основной задачи отражать жизнь кооперативных учреждений Юга России, журнал будет служить легальным местом объединения революционно мыслящей интеллигенции»⁵¹.

5 августа 1913 г. в агентурной сводке сообщалось: «На Всероссийский кооперативный съезд в Киев из Харькова от различных учреждений отправились А. А. Евдокимов, К. А. Мациевич, Б. С. Одер. Первые двое от Харьковского общества сельского хозяйства. Третий — от кооператива «Труд»⁵².

А. А. Евдокимов был участником первого (преждевременно закрытого властями) Всероссийского кооперативного съезда (Москва, 16—21 апреля 1908 г.) Ко времени Второго съезда (Киев, 1—7 августа 1913 г.) Комитет содействия сельскохозяйственной кооперации добился в своей деятельности настолько блестящих результатов, что его имя стало известно всей России⁵³. Не удивительно, что секретарь Комитета А. А. Евдокимов был участником и докладчиком и на киевском съезде.

Евдокимов участвовал также во Всероссийском съезде кредитной и сельскохозяйственной кооперации (Петербург, 11—16 марта 1912 г.),

который не был общекрепостным, т. к. власти не допустили к участию в нем потребительскую кооперацию из-за ее политической неблагонадежности. В сельскохозяйственной секции Евдокимов выступил с докладом о сельскохозяйственной кооперации, и секция «согласилась с мыслью о необходимости организации сельскохозяйственных товариществ»⁵⁴. Вероятно, Евдокимов же представил секции от имени харьковского Комитета содействия сельскохозяйственной кооперации доклад «О распространении первоначальных сведений по кооперации и первоначальных кооперативных знаний в сельском хозяйстве среди населения России». В отчете о съезде говорилось: «Комитет ревниво следит за развитием кооперации в районе своей деятельности, и потому доклад <...> явился тем более ценным, так как <...> опирался исключительно на опыт и практику. Тезисы, выставленные в докладе, приняты секцией единогласно»⁵⁵.

12 сентября 1913 г. полицейский агент «Львович» доносил: «В газете “Утро” сотрудничает А. А. Евдокимов. Статьи свои А. А. Евдокимов подписывает “А. Е.”. По убеждениям он социалист-революционер и является горячим проповедником идей кооператизма, которые и практически проводит в жизнь в своих частых служебных поездках по Харьковской и соседней с ней губерниям»⁵⁶.

§ 4

Как практик и теоретик кооперативного движения всероссийского масштаба А. А. Евдокимов выдвинулся в Харькове.

В 1915 г. в России отметили 50-летие кооперативного движения (первое общество потребителей было основано в 1865 г. в Риге), и по-сле 1906 г. оно бурно развивалось. В той же Харьковской губернии рост потребительских обществ по годам выглядел так: 1905 г. — 5, 1908 — 15, 1909 — 18, 1910 — 40, 1911 — 47, 1912 — 69⁵⁷.

Основными теоретиками русской кооперации были уроженец Харькова М. И. Туган-Барановский (умер в возрасте 54 лет в 1919 г. петлюровским министром. Малоизвестен факт, что и сам С. Петлюра был одним из идеологов дореволюционной украинской кооперации. О Туган-Барановском его ученик Н. Д. Кондратьев в 1923 г. смог издать книгу) и В. Ф. Тотомианц (на 10 лет моложе Туган-Барановского; после прихода к власти большевиков оказался в эмиграции и умер в 1964 г. в Париже. Тотомианц в 1897—1899 гг. учился в Брюсселе, где познакомился с будущими деятелями российской кооперации С. Н. Прокоповичем и Е. Д. Кусковой. В Брюсселе он получил степень доктора социальных наук, подружился с Э. Вандервельде и другими теоретиками бельгийской кооперации. С 1912 г. преподавал в Московском университете).

И Туган-Барановский, и Тотомианц были сторонниками теории «кооперативного социализма» французского экономиста Шарля Жида.

К числу русских теоретиков кооперативного социализма относился и А. А. Евдокимов. Современный автор пишет: «Нет сведений об одном из ранних русских теоретиков кооперативного социализма — кооператизма — А. А. Евдокимове»⁵⁸. Но в уникальном библиографическом указателе А. В. Меркулова и И. Ф. Гриценко «Систематический указатель русской литературы по кооперации, 1856—1924» (М., 1925) А. А. Евдокимов по количеству опубликованных работ стоит на третьем месте после В. Ф. Тотомианца и М. Л. Хейсина. (М. Л. Хейсин (1870—1924) был членом Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса, с 1906 г. — меньшевик. Занимался вопросами рабочей кооперации. В 1917 г. — гласный городской думы Петрограда). Работы Евдокимова сохранились. Более 50 его работ было опубликовано в Москве, Петербурге, Харькове, Одессе, Екатеринославе, Вологде, Архангельске. Многие издавались по 2—4 раза. На них откликались: А. С. Изгоев⁵⁹, В. Л. Бурцев⁶⁰, М. Книжник-Ветров⁶¹, А. Мезьер⁶² и др.

Десятки статей А. А. Евдокимова встречаются более чем в тридцати дореволюционных журналах. И, вероятно, сотни были помещены в газетах. Многие из них написаны на «злобу дня», и для историков, изучающих российскую кооперацию XX в. они представляют немалый интерес.

В одной из своих больших работ, опубликованной в Харькове в 1911 г., Евдокимов писал: «Мы бедны оттого, что мы глупы, и мы глупы оттого, что мы бедны», — это положение, отчеканенное Д. И. Писаревым, хотя и грубо, но рельефно обрисовывает заколдованный круг, в который попадает всякая некультурная страна <...>. В отношении судеб крестьянского хозяйствования на земле, русская общественная мысль бьется, как бабочка о стекло, около двух этих, спаянных в кольцо факторов: бедность и невежество. В течение полувека, прошедшего со времени освобождения крестьян от крепостной зависимости, новая деревенская Россия не может выявить свой облик из-за туч непролазного невежества и неисходной бедности. Малоземелье, податные тяготы, дефекты первоначального капиталистического накопления — это одна сторона окружности. Техническая отсталость, невежество и косность населения, отсутствие потребностей, гражданская невоспитанность — другая сторона того же круга»⁶³.

В заключительной части книги Евдокимов написал следующее: «Входящее теперь в жизнь поколение снова встречает на своем пути знакомые нам тернии правовой обстановки. Но одушевляющие людей высокие побуждения, извечные порывы к справедливости и красоте не утрачивают своей чарующей силы над молодостью, и в этом мы видим исполнение наших надежд на будущее»⁶⁴.

В Харькове в одно время с А. А. Евдокимовым жили и работали известные деятели кооперативного движения: уже упомянутый профессор экономики и статистики Харьковского университета А. Н. Анцыферов, агроном Харьковской земской управы И. В. Емельянов (в 1920 г. эмигрировал, жил сначала в Чехословакии, а с 1927 г. — в США, где стал известным представителем американской школы кооперации), агроном В. Э. Брунст и др. Спустя 30 лет после знакомства с одним из этих людей, Сергеем Сергеевичем Масловым, Евдокимов скажет на допросе в архангельском НКВД 9 июля 1938 г.: «Да, Маслова С. С. я знаю с 1908 года. Впервые я познакомился с ним в г. Харькове и встречался с ним, когда мы совместно работали в харьковском обществе сельского хозяйства. В последний раз я встретился с ним в Вологде на кооперативном съезде, где я участвовал делегатом от Московского Народного Банка»⁶⁵.

Сергей Сергеевич Маслов был на 15 лет моложе А. А. Евдокимова. Сын крестьянина Воронежской губернии, он окончил среднее агрономическое училище в Харькове. Далее биографические сведения о нем приводятся по рукописи неопубликованной статьи Г. А. Малахова (члена ТКП и секретаря С. С. Маслова):

«В 1906 г. Сергей Сергеевич вступил в партию социалистов-революционеров. Работал агрономом в имении помещика Харитоненко в Сумском уезде Харьковской губернии. Там он организовал стачку батраков и был уволен из имения. С 1907 по 1911 год работал агрономом-инструктором в Полтавской, Орловской и Житомирской губерниях. Вел среди крестьян пропаганду социалистических идей. С работы его увольняли. Был провозглашен политически неблагонадежным. Скрывался от полиции. За выступление на агрономическом съезде в Харькове в 1911 году был арестован и заключен в Харьковскую тюрьму, в которой провел 13 месяцев. Затем был сослан в город Пинегу Архангельской губернии. В 1913 году был амнистирован по случаю празднования трехсотлетия дома Романовых. Обосновался в Вологде. Сначала работал агрономом-кооператором в Обществе сельского хозяйства, а затем — заведующим инструкторским отделом и редактором журнала «Северный хозяин». Принял деятельное участие в организации новых кооперативов в Вологодской губернии. Стал одним из самых видных кооперативных руководителей и лидером вологодских социалистов-революционеров.

В марте 1917 года С. С. Маслов принимает самое деятельное участие в организации Вологодского губернского комитета Временного правительства. В апреле был избран председателем губернского комитета партии социалистов-революционеров. Принимал участие в организации первого Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов. Был избран в состав Исполкома этого съезда вместе с Н. Д. Авксентьевым⁶⁶. В это же время он был председателем губернского земского

комитета и редактором газеты “Вольный голос Севера”. 14 ноября 1917 года в Учредительное Собрание от Вологодской губернии были избраны следующие социалисты-революционеры: С. С. Маслов, П. А. Сорокин⁶⁷. В одном списке с ними шли Н. В. Расчесаев, А. Д. Корякин и И. И. Галкин⁶⁸.

С. С. Маслов стоял на демократических позициях, полагая, что социализм является необходимой формой человеческого общества, что общество в процессе совершенствования государственных форм неизбежно приблизится к нему. Он считал, что эту форму человеческого общежития построит сам народ, совершенствуя формы своих кооперативных объединений. Он был последователем Оуэна и Фурье, как и большинство дореволюционных кооператоров России. Считал, что мир угнетения и эксплуатации будет преобразован мирным эволюционным путем в мир социализма. Он не призывал к совместному сотрудничеству эксплуататоров и эксплуатируемых, но отрицал и целесообразность классовой борьбы, так как насилие всегда порождает насилие.

Именно поэтому он резко отрицательно отнесся к захвату власти большевиками и к разгону Учредительного Собрания. Над самодержавием была одержана победа, но молодая русская демократия не выдержала натиска большевиков. С. С. Маслов, как и многие другие социалисты-революционеры, вступил в защиту русской демократии, против диктатуры большевиков⁶⁹.

С. С. Маслов участвовал в борьбе с большевиками на Севере России, их власть была свергнута в Архангельске в результате переворота 2 августа 1918 г. Маслов стал военным министром в правительстве Северной области, возглавляемом известным деятелем кооперации Н. В. Чайковским⁷⁰. Затем Маслов был в Сибири. Затем «покаялся» (как и П. А. Сорокин) перед большевиками и работал в системе Совета народного хозяйства.

В Москве в 1920 г. он создал первую ячейку «Крестьянской России» — будущей Трудовой крестьянской партии. Это были в основном студенты и преподаватели Петровской (ныне Тимирязевская) сельскохозяйственной академии. Среди них близкий знакомый Маслова Н. Д. Кондратьев, а также А. В. Чайнов. По всей видимости, в эту группу вошел и А. А. Евдокимов, находившийся тогда в Москве.

В августе 1921 г. по направлению этой группы С. С. Маслов выехал за границу для пропаганды взглядов группы среди эмиграции и организационной работы⁷¹. В декабре 1927 г. на съезде в Праге «Крестьянская Россия» была преобразована в Трудовую крестьянскую партию. Ее организации к этому времени уже существовали в девяти странах.

В 1945 г. С. С. Маслов был арестован чекистами в Праге, и дальнейшая его судьба неизвестна⁷².

А. А. Евдокимова арестовали по «делу ТКП» в Архангельске в 1938 г. Но вернемся на несколько десятилетий назад.

МОСКВА

§ 1

Относительно первого (конец сентября 1905 — конец 1907 гг.) московского периода жизни А. А. Евдокимова в его неопубликованной биографии читаем: *«В 1905 году присоединился к петербургской группе И. Желудкова, Васильева и других, основавших первый синдикалистский журнал “Рабочий голос”. В 1905 году как делегат от Харькова входил в состав первой комиссии профессиональных союзов, где вел большую организационно-техническую работу. На него, как товарища председателя оргкомиссии по созыву профессионального съезда, была возложена подготовка съезда. Секретарь, и одно время председатель Московского Центрального Бюро Профсоюзов. Склоняясь к синдикализму, принял участие в создании синдикалистского журнала “Союзное дело”. Входил в группу Поссе¹, работал в журнале “Рабочий голос”. Близко стоял к журналу “Рабочий союз”, организованному Центральным Бюро Профсоюзов. В 1907 году заведовал в Москве библиотекой музея содействия труду (легальном органе Центрального Бюро Профсоюзов). В 1907 году предан суду московской судебной палаты за хранение в библиотеке музея журнала “Профессионал” и прокламаций “Группы сознательных рабочих”. 29 сентября приговорен к заключению в крепости на два месяца»².*

Как уже отмечалось, группы синдикалистского толка впервые возникли в России в Петербурге и Харькове. Ф. А. Кондратьев и А. А. Евдокимов в Харькове создали и возглавили синдикалистский Союз рабочих для защиты своих прав.

Виктория Боннелл отмечала, что А. А. Евдокимов после 1900 г. был «левым освободителем», к концу 1905 г. двинулся к синдикализму и в 1906 г. стал ведущим сторонником синдикализма в московском рабочем движении³.

Синдикализм был одним из пяти идеологических течений, выявившихся в 1905 г. в российском профессиональном движении:

1. Синдикалистское.
2. Лево-либеральное (С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова, Г. С. Хру-сталев-Носарь⁴. Журнал «Без заглавия»).
3. Тред-юнионистское (Союз Петербургских литографов. Смесовский⁵ союз).
4. Анархистское: группа махаевцев⁶ — «Рабочий заговор».
5. Независимые и дикие: а) ушаковцы⁷, б) мищенковцы — небольшая группа, вокруг издаваемого Л. П. Мищенко в 1906 г. журнала «Рабочая мысль»⁸.

Синдикалисты ставили своей целью создание классовой революционной организации на основе рабочих профессиональных союзов.

Их лозунгом было: «Дело освобождения рабочих — дело самих рабочих», лозунг Первого Интернационала.

Русские синдикалисты, в отличие от французских, считали не только возможным, но и необходимым участвовать в политической жизни страны путем посылки депутатов в Думу. Они считали, что кандидаты должны выдвигаться не от политических партий, а от профессиональных союзов. Вооруженное восстание ими отвергалось. Для успешной борьбы необходимо создать крестьянские и военные союзы. Вместо захвата политической власти синдикалисты выдвигали лозунг захвата производства.

Печатным органом московских синдикалистов, которых возглавлял переехавший из Харькова в Москву А. А. Евдокимов, был журнал «Союзное дело».

Теоретическая программа московских синдикалистов была почти целиком заимствована из французского синдикалистского движения: «Не приспособлять буржуазные учреждения к нуждам пролетариата, а создать в недрах буржуазного общества новую социальную чисто пролетарскую организацию. В основу ее должен быть положен рабочий союз. В глазах синдикалистов синдикат или рабочий союз являются не только орудием борьбы с капиталистом, но и ячейкой будущего общественного строя»⁹. У французов заимствованы и методы борьбы — «Всеобщая стачка синдикалистов — это конечный акт борьбы. К этому моменту надо готовить боевые силы пролетариата».

Синдикализм самого А. А. Евдокимова был умеренным и приближался к реформистскому. Евдокимов возражал против споров внутри профсоюзного движения, в котором выявились три линии: преобладающая меньшевистская, большевистская и синдикалистская. Он призывал к единой работе все три течения, считая, что «все виды социалистических течений спокойно уживутся на общем деле»¹⁰.

Под влиянием московских синдикалистов находился Союз архитектурно-строительных рабочих, возникший в апреле 1906 г., а также Союз водопроводчиков. Союз архитектурно-строительных рабочих в Москве насчитывал до 1000 человек и пользовался среди строительных рабочих большой популярностью¹¹. Но уже в июле 1907 г. он был закрыт московским градоначальником А. А. Рейнботом.

Под влиянием синдикалистов находился и Всероссийский союз железнодорожных служащих и рабочих¹².

§ 2

Но главное, что позволило А. А. Евдокимову прочно войти в историю рабочего движения после Иваново-Вознесенского рабочего союза и

трудом», — это его ведущая роль уже во всероссийском профессиональном движении и в созданном осенью 1905 г. по его инициативе Московском Центральном бюро Профсоюзов.

Среди московской интеллигенции всех политических направлений он оказался единственным, у кого за плечами был опыт практической деятельности среди рабочих и знание их организаций, полученное в Иваново-Вознесенске, Харькове и от поездок по России, особенно в 1904—1905 гг.¹³

Легальным прикрытием для созыва съезда обществ взаимопомощи стал Музей содействия труду (МСТ помещался в Театральном проезде в доме Хлудова), созданный в 1901 г. в Москве на средства известного предпринимателя Х. С. Леденцова при местном отделении Российского технического общества.

С начала 1905 г. руководство МСТ быстро радикализировалось. В марте того же года Председателем Правления стал член «Союза освобождения» адвокат Н. К. Муравьев¹⁴, его заместителем — большевик М. Г. Лунц¹⁵. В президиум вошли: доктор Кедров, известная московская либералка, член «Союза женского равноправия» графиня В. Н. Бобринская¹⁶ и сочувствующий «Союзу освобождения» И. Ф. Горностаев. В Музей содействия труду и обратились А. А. Евдокимов и И. З. Желудков с просьбой о помощи в организации съезда.

Для подготовительной работы по созыву съезда были созданы два районных бюро (уполномоченных профсоюзных союзов). Одно — в Харькове (его ведению подлежали южные и поволжские округа) и другое — в Петербурге (северные округа и Царство Польское)¹⁷.

В сентябре по инициативе Евдокимова было создано Московское Центральное бюро (для центральных округов). В качестве первого шага по созыву съезда А. А. Евдокимов организовал 24 сентября 1905 г. в Москве совещание 24 московских союзов, которое и положило начало созданию Московского Центрального бюро. Совещание, начавшееся 24 сентября, продолжило свою работу 1, 6 и 7 октября. Шестого, седьмого октября в совещании приняли участие работники 10 иногородних объединений.

Эти четыре заседания и вошли в историю как I-я Всероссийская конференция профсоюзов. Председательствовал на ней Н. К. Муравьев, секретарем был И. Ф. Горностаев. Только около половины ее участников были собственно рабочими.

Имена участников, как первой, так и второй конференций профессиональных союзов, десятилетиями замалчивались в СССР, а сами конференции упоминались изредка и как нечто незначительное. По советской историографии, история профсоюзов начиналась в 1917 г., а если речь и заходила о дореволюционных профсоюзах, то в них, конечно же, преобладали большевики¹⁸.

Сейчас уже вряд ли удастся установить точные имена всех участ-

вы утрачены. Остались противоречивые и не всегда надежные воспоминания. Репрессированный, но выживший при Сталине председатель комиссии ИСТПРОФа Ю. К. Милонов (1895—1980) в свое время писал, что неизвестны точные имена 14 участников Первой конференции. К большевикам Ю. К. Милонов относил только пятерых участников — Мамонтова, Бычкова, Смирнова (Московский союз булочников) и Н. И. Кузнецова (наборщик из Нижнего Новгорода). Точку зрения большевиков на конференции также формулировал представитель московского комитета партии Станислав Вольский (неизвестно, был ли он делегатом конференции). В работе конференции участвовали один монархист (фамилия неизвестна), один либерально настроенный беспартийный (И. А. Горностаев), один либерал (Ночевкин), трое левых либералов (С. Н. Прокопович и Г. С. Хрусталева-Носарь из Петербурга и сотрудник купеческой газеты «Волгарь» А. А. Яворский из Нижнего Новгорода), один эсер (Мухин), двое сочувствующих эсерам — В. М. Акимов (Махновец) и К. В. Парфemenко, один беспартийный (социалист, судя по участию в «Рабочем голосе», близкий к синдикалистам В. Н. Шимборский, рабочий Сормовского завода из Нижнего Новгорода), один беспартийный (М. Г. Гордеев¹⁹), два синдикалиста (И. З. Желудков и А. А. Евдокимов, который представлял на конференции ХОВЗРТ и Харьковское Центральное Бюро). Количественно преобладали на конференции меньшевики. Их персональный состав был такой: М. И. Чистов, В. В. Шер, Орлов, И. Круглов, Гринберг, Кошкин, П. Н. Колокольников, Виноградов. Партийную принадлежность двух представителей Московского союза табачников — Арсения (Алексеева) и Богданова (Евдокимова) Ю. К. Милонову установить не удалось. Н. К. Муравьева он определял как сочувствующего Союзу освобождения²⁰.

В своей книге Виктория Боннелл среди участников конференции называет также И. А. Исува²¹. На конференции были представлены 5 городов: Москва (24 союза), Петербург (4 союза: И. З. Желудков представлял Петербургское Центральное Бюро, Г. С. Хрусталева-Носарь — Союз текстильщиков, С. Н. Прокопович, лидер левого крыла «Союза освобождения» — Союз печатников), Нижний Новгород (3 союза), Екатеринослав (2 союза), Харьков (1 союз — Харьковское ОВЗРТ).

Один из главных вопросов конференции касался созыва съезда. Были представлены два проекта программы съезда: московский и харьковский. А. А. Евдокимов защищал харьковский проект. ОВЗРТ, выдвинувшее идею съезда, предлагало провести съезд обществ взаимопомощи. Московская программа предусматривала проведение съезда профессиональных союзов.

Детальное обсуждение¹ этого вопроса состоялось между заседаниями 1 и 6 октября на квартире Н. К. Муравьева. Принимали участие

большевики: М. Г. Лунц, И. И. Скворцов-Степанов, меньшевик П. Н. Колокольников, сам Н. К. Муравьев, синдикалисты А. А. Евдокимов и И. З. Желудков и, вероятно, С. Н. Прокопович²².

На заседании конференции 6 октября А. А. Евдокимов, от имени общественников-синдикалистов, высказался против допущения на съезд неоформленных рабочих организаций. В итоге, голосами меньшевиков и освобожденных, прошла меньшевистская точка зрения: допустить. Этим решением по разным причинам остались недовольны харьковские общественники и большевики²³.

За несколько дней до появления царского Манифеста 17 октября 1905 г. в газете «Наша жизнь»²⁴, выходившей в Петербурге, как значилось в ее подзаголовке, «Без предварительной цензуры», была опубликована статья В. Тотомианца²⁵. Откликаясь на нее, лидер меньшевиков Ю. О. Мартов писал из Вены П. Б. Аксельроду 25 октября: «Из помещенной в “Нашей жизни” статьи и цитированного там доклада вождя харьковского общества Евдокимова очевидно, что съезд ставит себе очень умеренную и очень легальную программу. Евдокимов — “иваново-вознесенец”, давно уже (с 1891 г.) участвовал в социал-демократическом движении. С 1898—1899 гг. стал “ультра-экономистом”. Фигура, кажется, недюжинная»²⁶.

Конференция решила созвать съезд в декабре и создать Центральное Бюро в каждом городе. В заключении работы конференция выразила благодарность ОВЗРТ за инициативу и «понесенные труды» по организации конференции, последнее заседание которой проходило 7 октября, когда началась уже всеобщая забастовка железнодорожников, переросшая во всеобщую забастовку рабочих России.

Вспыхнувшая в октябре забастовка всколыхнула Москву. Профсоюзы возникали один за другим. То же происходило в Петербурге, да и во всей России. Центральные бюро профсоюзов в обеих столицах внесли в эти последние месяцы революции важный вклад в рабочее движение. В Петербурге ЦБ возглавляли С. И. Сомов (И. М. Пескин²⁷), В. Гриневич, Д. Б. Рязанов²⁸ и В. В. Святловский²⁹. В Москве — меньшевик П. Н. Колокольников³⁰ и синдикалист А. А. Евдокимов.

Организационным центром профессионального движения после окончания конференции стал Музей содействия труду. Евдокимов начал работать там делопроизводителем. Работа по созыву общероссийского профессионального съезда была возложена на Исполнительную комиссию московского Центрального Бюро. В нее вошли Н. К. Муравьев, П. Н. Колокольников, И. Ф. Горностаев, М. Г. Лунц и А. А. Евдокимов, который исполнял в комиссии всю текущую работу. Размещалась комиссия в Музее содействия труду, в доме Хлудова. Из персонального состава Исполнительной комиссии видно, что количественно доминировали в ней близкие к Союзу освобождения люди. Было также по одному представителю от меньшевиков,

большевиков и синдикалистов. В Петербургском ЦБ были представлены также социалисты-революционеры. Но в массовых профессиональных союзах обоих городов преобладали меньшевики.

Одной из задач московского Центрального Бюро являлась координация деятельности московских профсоюзов. Накануне декабрьского вооруженного восстания это было очень важно.

Вернемся к А. А. Евдокимову. Он жил на квартире своей тещи Е. В. Иовлевой. В одной из ее комнат находилась устроенная большевиком Н. Н. Кудряшовым подпольная типография. В других располагались приезжавшие из Иваново-Вознесенска подпольщики, а также бежавшая из вологодской ссылки О. А. Варенцова.

М. А. Багаев, который тоже жил в это время на квартире Иовлевой, много лет спустя вспоминал: «17 октября (старого стиля), вернувшись ночью с заседания Бюро (Центральное бюро профессиональных союзов. — Ю. Д.), Евдокимов перебудил всех обитателей квартиры и, поставив на стол бутылку виноградного вина, заявил: “Товарищи, давайте выпьем за добытую политическую свободу, за которую мы так долго боролись”³¹. Товарищи повскакивали с постелей: «Что случилось?» «Евдокимов молча разлил вино по стаканам и только после того, как мы выпили, с торжествующим видом рассказал, что в Москве получен Манифест царя, возвещающий дарование всех политических свобод. <...> Мы набросились на Евдокимова с расспросами о содержании царского Манифеста, но он подлинного текста его не видел. В Бюро было получено по телефону из какой-то правительственной канцелярии краткое сообщение о даровании политических свобод и создании Государственной думы, более демократической, чем по Булыгинскому проекту. Между нами разгорелся спор, затянувшийся до утра. Евдокимов восторженно заявил, что теперь навсегда кончились наши мытарства — тюрьмы, ссылки. О. А. Варенцова, я и моя жена, не веря царскому Манифесту, возражали А. А. Евдокимову, говоря, что провокационным Манифестом нас хотят выманить из подполья и, выявив, расправиться с нами навсегда, и что скоро активные партийцы могут оказаться в тюрьмах или будут отправлены “на тот свет”»³².

В эти горячие дни Исполнительная комиссия Центрального бюро установила ежедневные дневные дежурства в Музее труда. Люди могли обратиться за справками, указаниями, советами. «Бессменным дежурным был А. А. Евдокимов, и на его плечи падала тогда значительная доля этой незаметной, но нелегкой работы по консультации и справкам»³³. В большом зале Технического общества, при котором состоял музей проходили организационные собрания новых профессиональных союзов, здесь же собирался совет рабочих депутатов. В помещении Музея содействия труду обосновывались все новые и новые союзы. А. А. Евдокимову было поручено подыскать для новых союзов боль-

шую квартиру в центре города. Такая квартира им и казначеем музея В. Н. Бобринской была подыскана по адресу Мясницкая, дом № 20: «Были распределены уже помещения для союзов и оставлена общая зала. Но тут надвинулись декабрьские события, и квартира была лик-видирована. Впрочем, в течение декабря мы ею пользовались с зад-него хода»³⁴.

События декабря хорошо известны: 16 декабря в Петербурге арестован Совет рабочих депутатов (его председатель был делегатом первой профессиональной конференции Г. С. Хрусталева-Носарь). Вооруженное рабочее восстание в Москве подавлено. В Харькове то же. Большинство профессиональных союзов разгромлено...

Оживление движения началось только в январе 1906 г. с началом выборов в 1-ю Государственную думу. После переговоров между Московским и Петербургским Бюро было решено провести вторую профессиональную конференцию с целью обсуждения вопросов подготовки съезда и решения ряда практических вопросов. Конференция состоялась в Петербурге 24 февраля (9 марта) 1906 г. Собрались 22 представителя из десяти городов. А. А. Евдокимов, П. Н. Колокольников и А. С. Орлов³⁵ представляли Москву. По предложению Д. Рязанова единогласно был избран президиум в составе: В. Гриневич — председатель, А. А. Евдокимов и А. Литвак³⁶ — товарищи председателя. Проходила конференция полулегально. О местах ее заседаний известно следующее:

«Заседания ее продолжались пять дней и происходили конспиративно на частных квартирах, заранее подготовленных секретариатом спб. центрального бюро, на долю которого выпала техническая работа по устройству конференции. Первые два заседания происходили в небольшой комнате какого-то издательства на Невском; третье, на котором обсуждался основной вопрос конференции об отношении к закону 4 (17) марта³⁷, — в квартире сотрудницы кадетской “Речи” Тырковой³⁸, четвертое и пятое — на Конногвардейском бульваре, в квартире В. В. Святловского³⁹, который и раньше несколько раз предоставлял свою квартиру для заседаний спб. центрального бюро, пока оно не перешло в помещение союза инженеров на Загородном. По требованиям конспирации заседания продолжались в течение целого дня с небольшим перерывом, во время которого участники конференции не расходились»⁴⁰.

В. В. Святловский впоследствии отмечал в своей книге, что 2-я конференция выделялась по своей серьезности и общегосударственному значению⁴¹.

Из 22 участников конференции — 13 были социал-демократами (11 меньшевиков и 2 большевика), пятеро — бундовцами, трое — беспартийными и один — внефракционный. Как и на первой конференции, рабочих было меньше половины — 9 человек. Остальные — интеллигенция.

Кроме уже упомянутых в ней участвовали: Бронислав Гроссер (партийный псевдоним — Зельцер) (1883—1912). В первую революцию был общепризнанным лидером Бунда в Польше. 2) Александров (Александр Бовшовский). В 1917 г. работал на ответственных должностях в профессиональном движении. 3) А. А. Белозеров — большевик. В 1920-х гг. работал в советских профессиональных, кооперативных, культурно-просветительных органах. 4) Новоторжинский (Марголин). 5) Семенов (по всей вероятности, ткач Шамай Войсен-блюм) — бундовец. 6) Миронов — бундовец из Киева. 7) Неволин, он же Петровский (Николай Петрович Горкин) — меньшевик из Киева. В 1924 г. работал в советской кооперации. 8) Петерс — меньшевик из Харькова. 9) Генрих Вульфович Рабинович (псевдонимы: Н. Осипов, Г. Вейс) (?—1930. Рига). Меньшевик из Харькова. В 1890-х гг. работал в Бунде. 10) Соломонов (Григорий Исакович Лурье) — старый деятель Бунда. 11) Лукин (Владимир Михайлович Турбин) — меньшевик, метеоролог.

С совещательными голосами на конференции были: 1) Леонтьев-Шиц — большевик. 2) Петр Михайлович Могилянский (1881, Чернигов — 1921, Киев). В 1905 г. в Петербурге был меньшевиком. Помощник присяжного поверенного. Умер от сыпного тифа. 3) Федор Иванович Озол (1874—1939); в 1905 г. — меньшевик; в советское время работал в ВЦСПС, в Замоскворецком районе Москвы.⁴²

На конференции были заслушаны доклады о профессиональном движении в Москве, Петербурге и других городах. О профдвижении в Харькове сделал доклад А. А. Евдокимов.

Если первая конференция выразила благодарность ОВЗРТ за организацию работы по ее подготовке, то Музей содействия труду фактически сыграл ту же роль при подготовке второй конференции. «Музей был тем адресом, по которому и при котором велась работа по созыву II Всероссийской конференции профессиональных союзов». Кроме того, «Музей был тем адресом, по которому обращались за справками по вопросу профессионального движения не только вся Москва, но и провинция. Было создано бюро объединения труда, где давали всевозможные справки»⁴³.

Секретарем этого бюро был А. А. Евдокимов. Не вызывает сомнений, что и в организации II Всероссийской конференции профессиональных рабочих ему принадлежала одна из ведущих, если не главная роль. Косвенным признанием этих заслуг стало избрание Евдокимова заместителем председателя конференции.

В годы первой русской революции значительную самостоятельную роль стали играть уже ученики Евдокимова по Иваново-Вознесенскому рабочему союзу. Е. А. Дунаев⁴⁴ был активным участником создания профсоюза текстильщиков в Москве, а Авенир Ноздрин⁴⁵ стал председателем первого в России Совета рабочих де-

путатов, возникшего в ходе революции 1905 г. в Иваново-Вознесенске.

Отметим, что на 2-й конференции меньшевики составляли уже половину всех делегатов. Это еще раз опровергает миф, что большевики руководили «всею и всею». И профсоюзами, и Советами, и т. д. Руководители крупнейших Советов рабочих депутатов, например Г. С. Хрусталева-Носарева (Петербург) и А. Е. Ноздрин (Иваново-Вознесенск) отнюдь не были большевиками.

Представителями ЦК РСДРП на 2-й конференции тоже были меньшевики: доктор Е. Г. Мунблит⁴⁶ (один из основателей социал-демократического движения в Екатеринославе) и присяжный поверенный В. П. Крохмаль⁴⁷.

Большевики только на своем V съезде (1907) приняли резолюцию о руководстве профессиональными союзами со стороны партии. (А полностью они стали под власть ВКП(б) и лично И. В. Сталина только в 1928 г., после разгрома... правого уклона).

1905-1907 г. были годами подъема массового профессионального движения. Только в Москве выходило около 20 печатных проф-союзных изданий, а в столице, в Петербурге, — около шестидесяти.⁴⁸

В апрельском номере 1906 г. петербургского журнала «Без заглавия», который издавали С. Н. Прокопович и Е. Д. Кукова, А. А. Евдокимов под псевдонимом «А. Белин» опубликовал статью о второй конференции⁴⁹. Статья представляет интерес и ценность для понимания условий становления и проблем, возникших перед молодым российским профессиональным движением.

Вторая конференция избрала организационную комиссию (ОК) по созыву съезда профессиональных союзов. В нее вошли три меньшевика — В. Гриневич, П. Н. Колокольников и А. С. Орлов, один бундовец — Г. Литвак и один беспартийный — А. А. Евдокимов (в конференции он участвовал под фамилией «Андреев»).

Кандидатами к ним были избраны три меньшевика — П. М. Могилевский, Х. Я. Гельфанд, М. Либер-Гольдман⁵⁰, Д. Кольцов⁵¹, один бундовец — Б. Гроссер (Зельцер) и один внефракционный социал-демократ — Д. Рязанов.⁵²

После конференции ОК установила связи с местными профессиональными союзами и центральными бюро, генеральной Комиссией германских союзов.

Созыв съезда, однако, затягивался: главным образом в связи с наступлением реакции в России. Профсоюзные деятели в массовом порядке подвергались арестам, профсоюзы тоже массово закрывались. 15 апреля 1907 г. ОК, для окончательного решения вопроса о съезде, провела предсъездовское совещание, получившее потом, по настоянию Д. Рязанова, название фор-конференции. Проходила она в помещении социал-демократической фракции на Невском проспекте в Петербурге. В ней принимали участие члены ОК, ряд профессиональных

организаций Петербурга, Москвы, Киева и Вильно. Из-за арестов некоторые члены ОК не смогли присутствовать на конференции. А. А. Евдокимов был среди ее участников.

С докладом ОК о Всероссийском съезде выступил А. С. Орлов. После дискуссий было принято решение поручить ОК созвать съезд в конце июля или в начале августа 1907 г. Центральным органом ОК конференция признала журнал петербургского центрального бюро «Профессиональный вестник», и постановило печатать и комментировать в нем основные положения докладов, поставленных в порядок дня съезда.

Но 3 июня 1907 г. в России произошел государственный переворот, II Государственная дума разогнана, большинство профессиональных союзов закрыто. Тем не менее «Профессиональный вестник» выходил до конца 1909 г. (с перерывом на 8 месяцев в 1908 г.).

А. А. Евдокимов опубликовал в «Профессиональном вестнике» статью, в которой настаивал на проведении съезда. Полемизируя со сторонниками проведения этой конференции, а не Всероссийского общепрофессионального съезда, он писал:

«Если ждать, пока этот съезд организационно выдвинется, как нечто необходимое для формального завершения уже налаженных связей, то, пожалуй, его придется на довольно долгое время отодвинуть. Но ведь его значение не в этой только формальной стороне дела. Этот съезд нечто торжественное, имеющее в самом себе глубокое и организационное, и воспитательное значение, как впервые очерчивающийся контур классового единства пролетариата. Здесь можно отодвинуть будничные дела (не беда, если ячмень малость и посыплется) и прийти на него, как на праздник. Может быть, мы так и не успеем основательно подготовиться к нему, но что этот съезд глубокой бороздой пройдет в сознании всех работников, за это можно поручиться. Поэтому этот съезд необходимо готовить и созвать его, как только будет к тому фактическая возможность, будет подходящий момент»⁵³.

Главным вопросом, который необходимо обсудить на съезде А. А. Евдокимов считал вопрос о местных профессиональных союзах: «Раз уже здесь съедутся представители центральных бюро профессиональных союзов, то они поставят вопрос бытия, как коренной вопрос порядка дня. И это необходимо сделать потому, что наши центральные бюро начинают хиреть, обнаруживать малокровие и некоторую подавленность перед возникающими перед ними задачами. С другой стороны, необходимо как можно шире популяризировать идею местных общепрофессиональных объединений, соединить тот опыт, который у них имеет-ся, и дать толчок для их дальнейшего развития»⁵⁴.

Более подробно свои взгляды на будущий съезд в соответствии со своими синдикалистскими взглядами Евдокимов развил в статье «Общероссийский съезд в России». В ней же предлагалась «примерная

программа, выработанная кружком лиц» (московских синдикалистов. — Ю. Д.) для предстоящего съезда.

Вопросы съезда делились в ней на три части:

I. В о п р о с ы р а б о ч е й п о л и т и к и. Рабочий день. Заработная плата. Законодательство об охране труда. Муниципальная политика. Гражданские свободы. Конечная цель.

II. Ф о р м ы р а б о ч е й о р г а н и з а ц и и. Организация профессиональная. Организация политическая. Организация кооперативная. Взаимоотношения между видами организации.

III. С р е д с т в а б о р ь б ы. Профессиональная борьба. Метод законодательных постановлений. Участие в демократическом движении. Увеличение экономической силы рабочего класса.⁵⁵

В связи с дебатами о съезде меньшевики выпустили специальный сборник, в котором опубликовали свои статьи Н. Валентинов-Вольский⁵⁶, З. Ленский⁵⁷, Г. Смолин-Цейтлин⁵⁸, С. Петрович-Тюрин⁵⁹ и др. А. А. Евдокимов выступил в нем со статьей «Профессиональные союзы в провинции и кооперативный съезд».

ОК предприняла ряд усилий созвать съезд. А. А. Евдокимов предлагал воспользоваться для его проведения даже старым харьковским разрешением. Об этом говорится в его письме от 7 июня того же года, сохранившемся в архиве В. Гриневича:

«Дорогой товарищ, я говорил по поводу вашего предложения с Н. К. М<уравье>вым. Он, в принципе, согласен предпринять сие. Ежели будет желание от Вас кому-либо приехать, то лучше это сделать в четверг на следующей неделе. М-в будет здесь и, возможно, подготовит здешнюю публику. Как вы думаете, не резонно ли подкрепить старым Харьковским разрешением — можно бы списаться с х<арьковчана>ми, и заявл<ение> сдел<ать> в таком смысле, что вот, мол, был разрешен. Тогда-то не состоялся, переносится в Москву по новой программе, это я так, между прочим...

№ 5 пошлю вам 400 экз. на днях и 200 № «Рабочего на пост-ройке»⁶⁰, которые очень просим разослать в провинцию в строительные союзы по всем известным вам адресам. Ассигновано вам двести руб., выпускайте почаще Проф. Вестник.

Очень извиняюсь за доклад, — завален всякими мелочами, еле таскаю ноги.

Пришлю доклад и статейку о кооперации к 16-му №. Напишите, послать ли деньги 200 р. почтой сейчас же, или возьмет товарищ, который придет. В Москве у нас вяло, дачный разброд. Печатников закрыли, но, между прочим, терпение и труд все перетрут.

С товарищеским приветом.

А. Андреевич»⁶¹.

Если во Франции в то время профессиональным движением руководили синдикалисты, то в России руководство им первоначально принадлежало социал-демократам меньшевикам.

Единственным видным работником того времени не социал-демократом был синдикалист А. А. Евдокимов. О том, что он был на порядок выше и меньшевиков и большевиков есть свидетельства и тех и других. Меньшевик В. В. Шер в 1925 г. писал:

«Надо признать, что технически партийные силы того времени — независимо от принадлежности к той или иной фракции — мало были приспособлены к организаторской работе в профессиональном движении. Ни большевики, ни меньшевики не имели в то время достаточного организационного опыта в профессиональном движении: эту неопытность отразила в частности и программа занятий первой конференции, которая носит на себе печать книжного, теоретического подхода с перечислением чуть ли не всех возможных вопросов движения. На этом фоне резко выделялась фигура Андрея Андреевича Евдокимова. Мне вспоминается та небольшая комната в Музее содействия труду, где он принимал посетителей, давал советы и указания и вел действительно большую организационную работу. Помнится, что непосредственное впечатление от этой работы было таково, что мною и другими товарищами был поднят вопрос о необходимости более внимательного использования со стороны партии этих организационных возможностей движения. Не состоя в партии, А. А. Евдокимов ограничивался исключительно технически-организационной работой»⁶².

Большевик В. П. Ногин⁶³, в том же году, вспоминал о 1906 г.: «...необходимо отметить, что среди большевиков в то время было и отрицательное отношение к работе профсоюзов, которые к этому моменту сделались сосредоточием широких масс рабочего класса. Это неправильное представление и поддерживалось Шанцером (Маратом)⁶⁴ и Станиславом Вольским⁶⁵, доказывавшим, что работать в профсоюзах могут лишь оппортунисты, что социал-демократам этим заниматься нечего, а надо сосредоточить все свои силы в партийных организациях»⁶⁶.

Летом 1906 года произошло объединение меньшевиков и большевиков. Был создан объединенный Центральный Комитет (ЦК), в котором большинство захватили большевики. ЦК направил для работы в профсоюзах «Макара» — В. П. Ногина. С появлением Ногина в московских профсоюзах связано усиление влияния в них большевиков. С 1907 г. они стали играть руководящую роль в ЦБ. Но бурные события революции к этому времени уже кончились, массовое рабочее движение шло на спад. Начиналось время реакции. Профсоюзы почти не показывали признаков жизни.

В. П. Ногин вспоминал об осени 1906 г.: «Очень скоро положение изменилось, что повлекло за собой перемену в Центральном бюро

профсоюзов. ЦБ существовало полулегально. Его собрания происходили по большей части в квартире графини Бобринской. *Долгое время председателем Центрального Бюро был синдикалист Андрей Андреевич Евдокимов* (выделено мною. — Ю. Д.), а секретарем — известный впоследствии меньшевик А. М. Никитин⁶⁷. После изменения положения в отдельных союзах, председателем ЦБ был избран я»⁶⁸.

Как же происходила защита интересов рабочих первыми профсоюзами? В. В. Шер, один из организаторов профсоюза работников печатного дела в Москве, вспоминал: «В начале 1907 года администрация товарищества Яковлева, подчиняясь требованию Комитета Общества типолиитографов, сделало попытку перевести рабочих на 9-часовую ночную смену после их возвращения с Рождественских праздников. Развитие конфликта привело к локауту и потере рабочими работы. Далее в дело вступил третейский суд. В его состав вошло пять человек. Со стороны рабочих — А. А. Евдокимов, секретарь Музея труда при Московском техническом обществе и присяжный поверенный Н. К. Муравьев. Со стороны владельцев — Н. К. фон Мекк⁶⁹ и Л. В. Готье. Суперарбитром был, по согласию сторон, приглашен профессор Максим Максимович Ковалевский⁷⁰. Решение третейского суда было вынесено 23 марта 1907 г. Суд признал, что все рабочие, лишившиеся работы в связи с конфликтом, имеют право на уплату хозяевами полного заработка за все время их прогула. В итоге рабочие получили значительную сумму заработной платы и огромное моральное удовлетворение. Тактика профессионального Общества Рабочих Графических Искусств, защищавшего интересы рабочих, получила оправдание и одобрение со стороны судей»⁷¹.

О роли А. А. Евдокимова в московском профессиональном движении в 1905—1907 гг. свидетельствует и жандармский документ. Начальник Московского жандармского управления рапортовал 15 октября 1907 г. в Департамент полиции: «Сообщаю, что А. А. Евдокимов, арестованный 16 июля 1907 года, в числе других лиц передан 6 октября во вверенное мне управление. Возбуждено уголовное дело по делу о Центральном Бюро Московских профессиональных союзов, учрежденном при Музее содействия труду в Москве. По сведениям охранного отделения, начало организации Центрального Бюро Московских профессиональных союзов было положено в июле 1906 года названным выше А. А. Евдокимовым, занимавшим тогда должность делопроизводителя Музея труда, причем Евдокимов до последнего времени непрерывно работал в Центральном Бюро, деятельно участвуя во всех заседаниях Бюро, а в большинстве случаях и председательствуя на этих собраниях. Евдокимов же был и секретарем Центрального Бюро, и вся организационная работа и сношения с союзами велись им же. Изложенные сведения отчасти и подтверждаются показаниями кресть-

янина Никиты Алексеева Рыденкова, который в Евдокимове признал секретаря Центрального Бюро»⁷².

Как уже говорилось, с конца 1907 г. А. А. Евдокимов, видимо, жил в Харькове⁷³.

Всероссийский съезд профсоюзов состоялся только в 1917 г., но Евдокимов в нем не участвовал. К этому времени он уже десять лет был практиком и теоретиком другого мощного движения в предреволюционной России — кооперативного.

§ 3

В биографической справке об А. А. Евдокимове, составленной в 1920-е гг. Э. А. Корольчук для словаря «Деятели революционного движения в России. Социал-демократы. 1880—1904 гг.» сказано: «Начиная с 1907 года действовал в кооперативном движении, создав собственную теорию “кооператизма” с синдикалистским оттенком»⁷⁴.

Это не удивительно. Синдикалист П. Васильев-Северянин писал об эволюции дореволюционного российского синдикализма: «Синдикалисты в последующем (после 1905—1906 гг. — Ю. Д.) чуть ли не больше кооператоры, нежели профессионалисты. Например, А. А. Евдокимов создал синдикалистскую теорию кооператизма, а не профессионализма»⁷⁵.

В апреле 1908 г. мы видим 36-летнего Андрея Андреевича Евдокимова среди 800 делегатов Первого Всероссийского кооперативного съезда. Открылся он 16 апреля в Большом лекционном зале Поли-технического музея в Москве.

Съезд был организован по инициативе Московского Союза потребительных обществ. Созданный в 1898 г., Союз с самого начала стоял во главе кооперативного движения в России. В 1917 г. он был переименован в Центросоюз. По своим торговым оборотам стоял на третьем месте после английских и шотландских обществ опто-вых закупок⁷⁶. Председателем Союза был С. А. Каблуков.

Руководителем съезда избрали убежденного сединой профессора А. С. Посникова. Его заместителями — С. А. Каблукова, А. А. Ба-ретти, С. Н. Прокоповича, С. Ф. Войцеховского. Секретариат съезда возглавил В. Ф. Тотомианц. Среди делегатов встречаем В. П. Ногина, В. А. Поссе, а также известных московских профессоров А. Ф. Фортунатова⁷⁷, В. Я. Железнова, деятелей кооперации В. А. Перелешина⁷⁸, А. Г. Штанге⁷⁹, П. С. Горбунова, М. Е. Шатерникова, харьковского губернского агронома В. Э. Брунста и др.

С докладом «Роль и положение служащих в кооперативных учреждениях» А. А. Евдокимов выступил дважды — на общем собрании съезда и в комиссии о положении служащих и рабочих в коо-

перативах. Председателем комиссии был С. Н. Прокопович, секретарем — М. Л. Хейсин.

В своем обширном докладе Евдокимов сообщил о взаимоотношениях кооперативов и занятых в них рабочих, объединенных в профсоюзы. Он указал на опыт французских рабочих синдикатов и английских тред-юнионов⁸⁰.

Полиция внимательно следила за ходом съезда. Уже один из первых докладов — «О задачах кооперации вообще и в частности в России» В. А. Поссе — вызвал предостережение московского градоначальника: «Доклады в духе Поссе допускаемыми быть не могут, так как, хотя в скрытой форме, содержат призыв к изменению существующего государственного строя <...>, деятельность комиссии о кооперативной пропаганде, образованной при первой секции потребительской кооперации, должна быть немедленно прекращена»⁸¹.

Градоначальником было также выдвинуто требование снять с обсуждения вопрос «Об отношении потребительских обществ к профессиональным союзам». Поэтому Президиум съезда не считал возможным затрагивать тему положения служащих и рабочих в кооперативах, и результаты работы комиссии, в которой выступал с докладом А. А. Евдокимов, не были рассмотрены съездом.

Среди делегатов I-го кооперативного съезда был и представитель петербургского кооператива «Труженик» Роман Малиновский, будущий член ЦК большевиков, агент охраны и депутат Государственной думы, один из самых видных деятелей профсоюзного движения.

Взаимодействие профсоюзов и кооперативов вызывало особую «головную боль» у полиции, и она всячески стремилась не допустить этого. Как ни странно, ее интересы совпадали здесь с позицией большевиков.

Например, еще в апреле 1907 г., когда на московской областной конференции торговых служащих обсуждался вопрос о кооперативах, большевик И. И. Скворцов-Степанов выступил против их создания, а синдикалист А. А. Евдокимов — за. В итоге, конференция приняла компромиссную резолюцию, предложенную профсоюзным деятелем меньшевиком (впоследствии большевиком) С. А. Регекампом, о том, что профсоюзы не должны выступать с инициативой создания кооперативов, но должны объединять уже существующие кооперативы с целью их более тесной связи с профсоюзами и использовать их в интересах классовой борьбы⁸².

Большевики считали кооперацию «малым» делом, и в руководстве кооперативным движением их не было.

Не удалось установить, кого представлял на Первом Всероссийском кооперативном съезде А. А. Евдокимов. Судя по теме доклада, какую-то московскую рабочую или кооперативную организацию, а возможно, и Харьковское общество сельского хозяйства.

По полицейским материалам видно, что по крайней мере со второй половины 1914 г. Евдокимов жил в Москве. Здесь, еще в 1908 г., по инициативе либеральной интеллигенции, был создан Московский свободный городской народный университет имени А. П. Шанявского⁸³. Впервые в стране были организованы курсы по кооперации для подготовки практических кооперативных кадров. В продвижении кооперативных идей в России этот университет сыграл выдающуюся роль. Среди преподавателей был и А. А. Евдокимов, а его коллегами стали С. Н. Прокопович, В. Ф. Тотомианц, А. В. Чаянов, А. Н. Минин⁸⁴, В. А. Кильчевский⁸⁵, Н. П. Макаров⁸⁶ и др.

28 августа 1914 г. полицейский агент «Радищев» доносил своему начальнику ротмистру Знаменскому: «Среди студентов сельскохозяйственного института есть законспирированная группа эсеров. В состав группы могут входить старые народники: профессор Коммерческого института Огановский Николай Петрович⁸⁷ (сотрудник “Заветов”⁸⁸, Евдокимов Андрей Андреевич — член Правления Народного Банка, секретарь журнала “Кооперативная жизнь”. В “Обществе сельского хозяйства” пропагандируют за издание народной газеты, которую намереваются использовать в своих народнических целях. Евдокимов на днях должен прочитать об этом доклад в названном обществе»⁸⁹.

Московский народный банк, членом Правления которого являлся А. А. Евдокимов, был организован в 1912 г. по постановлению Первого Всероссийского кооперативного съезда и с самого начала находился под наблюдением полиции. Из записки «О Московском народном банке» департамента полиции от 20 января 1912 г.: «На 27 марта предполагается созыв учредителей Московского банка. Это замаскированный кооперативный съезд. Учредители банка преследовали цель освободить кооперацию от правительственного покровительства и финансовой зависимости <...>. Банк, как бы центр для громадной цепи кооперативов. Что банк преследует не только экономические задачи, видно уже из истории его возникновения. Один из главных деятелей кооперации депутат I-й Государственной думы Садырин⁹⁰ и доцент Тотомианц принимали самое близкое участие в создании Московского банка»⁹¹.

Документы полиции превосходный источник для изучения истории кооперативного движения. Они содержат сведения о всех его ведущих деятелях и событиях. То и дело мелькают фамилии С. Н. Прокоповича, Лидии Марианновны Арманд⁹², Владимира Петровича Махновца⁹³, Владимира Агафоновича Кильчевского, председателя Московского союза потребителей обществ Дмитрия Степановича Коробова⁹⁴. Не ускользнул от внимания полицейской агентуры и факт избрания А. А. Евдокимова в члены бюро Московского союза потребителей в октябре 1915 г..

Народная газета, о которой сообщалось в агентурном донесении, стала выходить с 1 сентября 1914 г. под названием «Защита». В ее выходных

данных значилось: «Ежедневная газета, издаваемая в Москве при ближайшем участии А. А. Евдокимова и князя Д. И. Шаховского».

В статьях А. А. Евдокимова (он публиковал их как под своей фамилией, так и под псевдонимами: «А. Белин» и «Д. Михеев») про-скальзывали и строчки биографического характера. «Два года назад я был в Кельне»⁹⁵. «Мне довелось проезжать по Австрии и Германии»⁹⁶. «Припоминаю, на полях благодатной Моравии около города Кромер-жижа делали мы пешую экскурсию для более близкого ознакомления с крестьянским хозяйством этой местности. Большинство из нас были практикантами молочной школы в Кромержиже. Составилась в общем весьма пестрая славянская компания из чехов, великороссов, малорос-сов, галичан и поляков»⁹⁷.

Последний номер газеты (адрес редакции: Москва, улица Большая Кисловка, дом 1, квартира 4) вышел 11 ноября 1914 г. Целями «За-щиты» были: «Объединение всех сил страны на дружном отпоре внеш-нему врагу»⁹⁸ и культурная работа «по поддержанию и дальнейшему развитию хозяйственной жизни трудового населения»⁹⁹.

Кроме А. А. Евдокимова и князя Д. И. Шаховского статьи в газете писали: А. Тыркова-Вильямс, сибирский кооператор Д. И. Голенищев-Кутузов (под псевдонимом «Д. Илимский»), профессор Б. И. Сыромят-ников¹⁰⁰, писатель Иван Наживин, а также два Антона — Хмурый и Дикий, Василий Краснов, А. Епифанский, А. Уфимский и др.

Еще одна попытка создать кооперативный съезд была предпринята весной 1916 г. во время ежегодного собрания акционеров Московско-го народного банка. Съезд не был разрешен властями, и об этом писа-ли в газетах. «Инициаторы этого съезда,— сообщалось в докладе от 23 апреля 1916 г. отделения по охране общественной безопасности и по-рядка в Москве московскому градоначальнику,— Е. О. Ленская, Н. Н. Ку-ренных, В. А. Кильчевский, А. А. Евдокимов и другие, желая во что бы то ни стало устроить хотя бы подобие такого съезда и пользуясь нали-чностью в Москве съехавшихся акционеров Народного банка, состоя-щих в большинстве своем представителями провинциальных коопе-ративов и объединений, решили, как только окончится совещание акционеров МНБ, устроить ряд отдельных совещаний по видам и от-раслям кооперативного дела»¹⁰¹. Полиция расстроила эти планы.

Поражает, как А. А. Евдокимов все успевал. Десятки книг, сотни журнальных и газетных статей, съез-ды, конференции, поездки за границу, редактирование журналов, работа в банке, а ведь еще были высылки, тюрьмы...

Знакомство с Западом окончательно укрепило Евдокимова во мнени-и о том, что Россия должна идти по пути сельскохозяйственной коо-перации. Еще в 1914 г. он писал: «Чешское село по культуре стоит очень высоко. Когда приезжаешь в Моравию с впечатлениями от на-ших убогих деревень с покосившимися избушками, от нашего бездо-

рожья, непролазной грязи, то поражаешься одному только благоустройству здешних деревень. Прочные каменные избы, крытые черепицей, превосходные мостовые в середине деревни и широкие шоссейные дороги между деревнями. Крепкие кони везут по этим дорогам громадные фуры, нагруженные соломой, зерном. Мужчины, подростки, женщины едут на велосипедах из села в поле и обратно. Оживленные сельские дороги, чистота, опрятность одежд и цветущие поля — все это дает внешнее впечатление чего-то нового, не похожего ни на село нашего типа, ни на город. Сахароварные заводы, солодовни, пивоварни, электрические станции и другие промышленные заведения, расположенные в сельских местностях, не мешают, однако, красоте сельских видов. Не меньше удивляешься тому стройному плану, который провел моравский крестьянин в свое хозяйство, пользуясь силами просвещения и кооперации¹⁰². Вывод и убеждение автора: «Сельскохозяйственная кооперация есть фундамент для возрождения села»¹⁰³.

Выходец из народа, хорошо знающий жизнь и фабричного рабочего и сельского труженика, А. А. Евдокимов постоянно говорил о долге и ответственности интеллигенции перед народом. В 1915 г. после острой дискуссии на первом съезде по внешкольному образованию, проходившем в Харькове 7—12 июня, Евдокимов писал: «Нельзя закрывать глаза на тот существенный факт, что интеллигенция не стоит в нашей стране слитно с народом»¹⁰⁴.

Оставаясь всю жизнь тем, кем он был с самого начала, — народником, А. А. Евдокимов являлся воплощением лучших черт представителей этого героического поколения: «И, может быть, всего нужнее для обновления духовной культуры, духовного устройства жизни, чтобы покалялись мы, интеллигенты, берущие на себя подвиг воспитания народа, подвиг общественного водительства <...>. Последнее десятилетие мне довелось работать в кооперативном деле. Я убежден, что в кооперации содержатся богатейшие возможности к обновлению духовной культуры народов. Но я теперь отнюдь не убежден в том, что это обновление придет само собой, как простое изменение *форм* хозяйственных отношений... А между тем наши заботы в кооперативном движении целиком ушли на созидание форм, воспитание же характеров оставлено в небрежении. Скажу более. Мы, воспитатели и руководители, оставляем без присмотра свои собственные характеры. <...> В тусклой повседневной жизни мы освоили по преимуществу хозяйственное значение кооперации <...>. Мы не создали Школы Человеческого Характера, как о том мечтал великодушный Роберт Оуэн»¹⁰⁵.

Выход-призыв А. А. Евдокимова: «Пора вернуться к народу».

Деятельность кооперативов, земств, профсоюзов, других общественных организаций дореволюционной России по просвещению народа

ныне малоизвестна, что не удивительно для страны, в которой десятилетиями насаждался дух «классовой ненависти».

Московское общество народных университетов совместно с Императорским русским театральным обществом созвало в конце 1915 г. Всероссийский съезд деятелей народного театра. Цель — обсудить пути дальнейшего развития театра для публики из низших слоев. Собралось 365 делегатов, включая многих выдающихся театральных деятелей. Товарищем председателя съезда был избран А. А. Евдокимов. 30 декабря 1915 г. он выступил на съезде с докладом «Театр и культура»¹⁰⁶.

Шла первая мировая война и большое значение имели вопросы снабжения армии. Главную роль здесь играло земство. (Политическое признание роли земства выразилось в том, что после падения самодержавия в феврале 1917 г. главой Временного правительства стал князь Г. Е. Львов, председатель Союза земств и городов.)

Поскольку при снабжении армии земства не всегда учитывали интересы непосредственного производителя, это вызывало трения между земствами и кооперативами.

А. А. Евдокимов посвятил этому вопросу свой доклад «Роль земских касс мелкого кредита в организации закупок и сбыта в настоящее время» на проходившем 6—9 апреля 1915 г. в Москве Совещании представителей земских касс мелкого кредита. Совещание стало крупным событием в земско-кооперативной жизни. Доклад Евдокимова вызвал оживленные прения.

А. В. Меркулов¹⁰⁷ писал: «Докладчик стоял на той точке зрения, что в данной области задачи земства — не брать на себя выполнения посреднической работы, а лишь содействовать тому, чтобы население смогло успешно выполнить эту работу на кооперативных началах»¹⁰⁸.

В заключение прений точка зрения А. А. Евдокимова «была Совещанием смягчена»¹⁰⁹.

17 декабря 1916 г. в Москве под председательством А. В. Чаянова открылось Совещание представителей союзов-корреспондентов Московского народного банка.

Первый вопрос в повестке дня — доклад А. А. Евдокимова «Новые вопросы кооперативного союзного строительства»¹¹⁰. Вероятно, Чаянов и Евдокимов были знакомы давно и ценили друг друга. Вспомним ранее упомянутый отзыв Чаянова об Андрее Андреевиче — «Великий пророк»¹¹¹.

Когда А. В. Чаянов на одном из заседаний акционеров МНБ призвал создать при банке нечто вроде «экономической обсерватории», то эта идея была немедленно поддержана А. А. Евдокимовым. Обосновывая предложение А. В. Чаянова он писал: «Нам нужны ученые, не склоненные над грудой цифр и первичных материалов, а подвижные исследователи кооперативных начинаний от крестьянско-

го двора и от местного объединения до экспортной конторы в заграничном порте»¹¹².

К моменту падения царизма, до него, как казалось, участникам давнего празднования Первого Мая в лесу под Иваново-Вознесенском не дожить, А. А. Евдокимову было 45 лет. Он был известным и авторитетным общественным деятелем России. Казалось теперь, те давние мечты о свободе и демократии в России должны осуществиться. 22 года борьбы дали свои плоды.

1917 — 1921 гг.

§ 1

1917 г. был звездным часом российской кооперации. Она получила легальный статус, быстро росла вширь, многие ее выдающиеся деятели входили во Временное правительство в ранге министров (С. Н. Прокопович, А. М. Никитин, Д. И. Шаховской, С. Л. Маслов¹), товарищей министров (А. В. Чайнов, В. Н. Зельгейм, А. С. Орлов и др.).

А. А. Евдокимов в февральские дни 1917 г. находился в Череповце. В марте — апреле он читал курс лекций² на кооперативных курсах в университете имени Шанявского. К занятию какого-либо «руководящего стула» явно не стремился. Старые друзья еще по профессиональному движению десятилетней давности П. Н. Колокольников, А. М. Никитин, К. А. Гвоздев и многие др. — стали министрами, замминистрами, помощниками министров и т. д., а Андрей Андреевич озабочен подготовкой крестьянских общественных деятелей.

Интерес к образовательным учреждениям для крестьян, родиной которых была Дания и которые сыграли заметную роль в жизни скандинавского крестьянства, возник среди московских кооператоров примерно в 1914 г. За два года до этого у российских общественных кругов появился и общий интерес к просветительской работе среди рабочего класса и крестьянства. Между земскими и кооперативными организациями даже возникло соревнование в этой области.

Еще в Харькове в 1912 г. А. А. Евдокимов прослушал в Техническом обществе доклад профессора В. М. Арнольди³ о Датской крестьянской школе, с которой Арнольди лично ознакомился в Дании. Впечатления профессора врезались в память Евдокимову. В 1914 и 1915 гг. он уже сам сделал доклад по этому вопросу в Москве в Петровской академии в кружке общественной агрономии. Идею высших крестьянских школ он активно пропагандировал в кооперативной печати: «Среди мероприятий по народному образованию особенно близким нам должно бы быть устройство высших крестьянских школ по тому типу, который применялся датчанами в период возрождения датского крестьянства. Высшая крестьянская школа этого типа, доступная крестьянской молодежи, ценна тем, что не отрывает крестьян от своего исконного промысла и вместе с тем воспитывает в нем сознательного и отзывчивого гражданина и человека»⁴.

Идея высшей крестьянской школы приобрела поддержку в кооперативной среде. С 1914 г. при университете имени Шанявского действовала одногодичная кооперативная школа Центросоюза (которую иногда называли «школой В. П. Махновца»), ставшая полигоном для выработки методических образцов для других школ.

Разумеется А. А. Евдокимов не был сторонником механического копирования. Он писал: «Заимствуя эту идею, мы отнюдь не рекомендуем перенести скандинавскую постройку в наши Палестины. Практика скандинавских стран важна для нас как опыт, вдохновенно и удачно проведенный. Но в своей работе в указанном направлении мы должны проявить всю силу собственного творчества и, если так можно выразиться, творчества местного»⁵.

Крестьянская высшая школа должна быть лишь звеном в творчестве трудовой крестьянской культуры, в которой А. А. Евдокимов выделял четыре основные черты. Эта культура 1) землеподвластна, 2) национальна, 3) религиозна, 4) покоится на исконном эстетическом грунте⁶.

Свой, прочитанный еще до революции в школе Центросоюза, курс экономической географии А. А. Евдокимов рекомендовал взять за образец во вновь открываемых курсах и школах: «Моя программа чтений слагалась из выяснения понятия мирового хозяйства, мирового товарооборота, мирового рынка; давалась характеристика взаимоотношений частей света и государств в мировой торговле; более подробно останавливался на положении стран сельскохозяйственных; затем переходил к вопросу о том, с кем и чем торгует Россия; за этим должен следовать обзор местного товарообмена, местного рынка, местных производств, хозяйственных ценностей и рыночных тяготений, с уклоном в сторону выяснения связи местного сельского хозяйства с общероссийским и мировым рынком»⁷.

Знаток центральной, южной, а потом и северной России, теории и практики западноевропейской кооперации и сельского хозяйства, А. А. Евдокимов представлял собой редкий в России сплав практика и теоретика.

Несмотря на то, что, как писал А. С. Изгоев, рецензируя в «Речи»⁸ ещё в 1911 году книгу А. А. Евдокимова «Кооперативный сбыт продуктов сельского хозяйства», мнение массового российского интеллигента было: «Кооперация это прежде всего ужасно скучно», книги и статьи А. А. Евдокимова имели заинтересованный отклик и широко освещались прессой. В 1917 году было опубликовано три книги А. А. Евдокимова.

«Бюллетень общества политического просвещения армии и широких слоев населения» в одном из своих номеров дал заметки о двух из них. Относительно «Крестьянской кооперации в свободной России» (М., 1917) автор неподписанного отклика писал: «Появление новой небольшой брошюры А. А. Евдокимова надо приветствовать. <...> Она заслуживает широкого распространения»⁹. Относительно «Возрождение села и кооперация» (М., 1917): «Вновь изданная брошюра А. А. Евдокимова имеет много достоинств: ясность и доступность изложения. Яркие иллюстрации из жизни западноевропейской кооперации, отчетливые и оригинальные мысли. Не все экономисты, вероятно,

согласятся с автором в его общем прогнозе хозяйственного развития, но несомненно, что мысли о значении сельскохозяйственной кооперации развиты им ясно, полно и убедительно. Книжку можно рекомендовать для широкого распространения»¹⁰.

Конечно, не все, что писал А. А. Евдокимов рассматривалось однозначно бесспорным. В. Бурцев, рассматривая его книгу «Кооперация и религия» писал в «Ежемесячном журнале»: «Автор, являясь сторонником довольно распространенного теперь взгляда, что будущее несет торжество религиозных начал в жизни, думает, что кооперация как всенародное движение, несущее возрождение культуры, тоже должна проникнуться религиозным началом... Марксистские религиозные пророки так далеко не заходили, и выступления видного кооперативного писателя, в роли апологета народной религии, т. е. до известной степени традиционной, является весьма интересным моментом в развитии кооперативной идеологии, хотя кажется, что господин Евдокимов вряд ли найдет много последователей себе в среде кооперативных идеологов... Проповедь Евдокимова прежде всего, если она окажет сколько-нибудь заметное влияние на кооперативное движение, вредно отразится на нем»¹¹.

Поскольку политическая нейтральность считалась основным принципом кооперативного движения и на Западе, и в России, то соображения В. Бурцева были достаточно резонны...

Что касается идеи высшей крестьянской школы, то осуществилась она 1 октября 1917 г., когда в городе Ардатове Нижегородской области, в 28 верстах от станции Мухтолово Казанской железной дороги, местным Союзом кооперативов была открыта первая в России Высшая Крестьянская школа (ВКШ). А. А. Евдокимов, как он сам писал: «Имел честь и радость присутствовать на скромном торжестве ее открытия»¹².

В том же году идею ВКШ стали энергично осуществлять вологодские кооператоры. Для осуществления идеи был создан денежный фонд. На поступившие пожертвования открыли библиотеку.

Собственный проект общественно-кооперативной школы от имени Ярославского союза кооперативов выдвинул В. А. Кильчевский.

В 1917—1918 гг. высшие школы были созданы в Саратове (имени Н. Г. Чернышевского) и в Харькове.

Но в условиях господства большевиков эти процессы носили аномальный характер. В России они были насильственно остановлены, а оказавшиеся в эмиграции деятели кооперации продолжили дело подготовки кадров для будущей некоммунистической России в созданном ими Русском институте сельскохозяйственной кооперации в Праге.

Помимо деятельности по созданию высших крестьянских школ А. А. Евдокимов вошел в руководство «особого внепартийного объединения, преследующего национально-культурные цели» — Лигу русской культуры. Создана она была в Петрограде под председа-

ством М. В. Родзянко и вицепредседательством П. Б. Струве. В выходящем под его редакцией журнале Лиги П. Б. Струве опубликовал программную статью с разъяснением задач Лиги: «Мы должны строить *русскую культуру*. Беда и проклятие русских в том, что будучи владыками вовне, они были рабами внутри»¹³.

17 сентября 1917 г. состоялось учредительное собрание московского отдела Лиги русской культуры. По сообщению «Русских ведомостей» в нем приняли участие: Н. Н. Алексеев, Н. А. Бердяев, графиня В. Н. Бобринская, С. Н. Булгаков, А. С. Белоруссов, приват-доцент Б. П. Вышеславцев, С. Е. Губонин, А. А. Евдокимов, И. З. Желудков, В. И. Иванов, профессор А. В. Карташов, профессор М. К. Любавский, М. К. Морозова, профессор П. И. Новгородцев, Г. А. Рачинский, князь Н. С. Трубецкой, В. М. Турбин, П. Б. Струве, Г. И. Челпанов, профессор А. И. Яковлев. Во Временный комитет, руководящий орган московского отделения Лиги, были избраны Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, А. А. Евдокимов, В. И. Иванов, П. И. Новгородцев.¹⁴

После краха коммунизма в СССР Н. А. Бердяев стал в постсоветской России главной иконой. О нем опубликован десяток книг, вышло несколько собраний его сочинений, не счесть посвященных ему статей с самыми лестными эпитетами и превосходными степенями. Тогда же, в 1917 г., в списке учредителей Лиги скромно значилось: «Н. А. Бердяев — писатель (Москва)»¹⁵.

В списке московских учредителей Лиги русской культуры мы видим имена, уже встречавшиеся в этой книге: графиня В. Н. Бобринская, И. З. Желудков, В. М. Турбин — старые соратники А. А. Евдокимова. А имена лиц, выбранных вместе с ним во Временный комитет, вряд ли кому ныне нужно разъяснять. Это действительно имена людей первого ряда русской культуры.

С теми же задачами, что и Лига русской культуры в Москве был создан Русский демократический клуб (Большая Дмитровка, 4. Дом Народного банка. Здесь же находилась редакция журнала «Вестника кооперативных союзов» — ВКС, редактором-издателем которого с третьего номера за 1917 г. стал А. А. Евдокимов).

В августе 1917 г., после того как «колесница трехсотлетней романовской монархии на полном скаку опрокинулась в грязь», во главе России оказалась молодая демократия. Ее неспособность дать резкий отпор левым и правым экстремистам, а также война подвели страну к роковой черте. А. А. Евдокимов писал в «ВКС»: «Товарищи-кооператоры! Близятся страшные дни, когда государственная разруха обнаружит страшные язвы, уже и теперь видные пристальному взгляду. Близятся времена Гермогеновские, когда о родине придется думать, как о матери умирающей»¹⁶.

В демократическом клубе на Большой Дмитровке шла выработка идеи национального единения. Н. А. Бердяев, как и А. А. Евдокимов,

считал, что на смену революционной демократии должна прийти национальная демократия, отличающаяся от революционной тем, что она национальна¹⁷.

Сам А. А. Евдокимов говорил о необходимости создания центра, на который могла бы опереться демократическая власть. При этом главную роль он отводил кооперации, которая «создаст такой центр, организуя национальную демократию мощной кооперацией народных сил»¹⁸.

С самого начала Февральской революции российская кооперация заняла открытую политическую позицию. На прошедшем 25—28 марта 1917 г. в Москве первом свободном всероссийском кооперативном съезде были приняты важные политические решения: 1) создать постоянно действующий орган российской кооперации — Совет Всероссийских Кооперативных съездов. (Задачи Совета — проводить съезды, исполнять их постановления, объединять деятельность кооперации и быть выразителем ее интересов в промежутках между съездами. Проект положения о съездах был выработан еще в Киеве в 1913 г., но при царизме, не желавшем допускать объединения кооперации, осуществить его не удалось); 2) выйти на широкую политическую арену через участие в выборах в Учредительное собрание; 3) поддержать экономическую политику Временного правительства и особенно введение хлебной монополии»¹⁹.

В работе съезда принимали участие многие видные деятели революции, а резолюция о поддержке Временного правительства была принята в присутствии А. Ф. Керенского. Среди участников три человека имели международную репутацию — профессор М. И. Туган-Барановский, Н. В. Чайковский, Е. К. Брешко-Брешковская.

Не все приветствовали отказ от нейтральности. Против был, например, В. Ф. Тотомианц. Пять лет спустя, уже в эмиграции, он писал: «<...> на кооперативных съездах говорилось гораздо больше о политике всевозможных борющихся между собой партий, чем о вопросах, которые, казалось бы, должны были интересовать собрание. Так на московский съезд инструкторов по кооперации в сентябре 1917 г. прибыл министр земледелия В. М. Чернов, который произнес блестящую речь, но не на кооперативную тему»²⁰. (Среди выступавших с возражениями В. М. Чернову был А. А. Евдокимов, В. П. Махновец и сам В. Ф. Тотомианц.)

На проходившем 31 июля 6 августа 1917 г. в Москве третьем съезде непартийного Всероссийского Крестьянского союза А. А. Евдокимов был одним из главных действующих лиц²¹. Он сделал доклад об организации крестьянства и зачитал проект Устава Крестьянского Союза²². Скорее всего, он сам и был автором Устава. В газете московского областного комитета Крестьянского Союза «Голос Крестьянского Союза» (редактор Семен Мазуренко²³) летом — осенью

1917 г. (вышло 22 номера газеты) Евдокимов вел рубрику «На взгляд кооператора». Его последняя статья в «Голосе» — «Организация власти и кооперация» — была опубликована в день большевистского путча — 25 октября, а 26-го вышел последний номер газеты.

8 октября 1917 г. на московском областном съезде Крестьянского Союза был избран Московский комитет Крестьянского Союза, в состав которого вошел и А. А. Евдокимов.

Если будущий организатор ТКП С. С. Маслов в 1917 г. был одним из главных организаторов и руководителей Совета крестьянских депутатов, то А. А. Евдокимов, агитируя летом — осенью 1917 г. за Крестьянский Союз, уже видел в нем зародыш широкой крестьянской партии.

Одновременно А. А. Евдокимов был сторонником самостоятельности сельскохозяйственной кооперации. В августе 1917 г. он опубликовал «Обращение к правлениям и советам крестьянских кооперативных союзов и товариществ», в котором изложил интересы организованного в кооперативы крестьянства: «<...> 1) национальная твердая власть, оберегающая землю и свободу от иноземного нашествия и хозяйственной разрухи, 2) напряженная производительность труда всех классов, а не только одного земледельческого класса, 3) планомерный обмен между городом и деревней произведениями труда, причем в этом обмене и государство, и торговый аппарат, и кооперация должны действовать согласованно и самостоятельно, 4) повышенное внимание к вопросу о твердых ценах на хлеб в условиях бестоварья и роста цен на городские товары, 5) отказ соответствующих ведомств от одностороннего увлечения муниципальными предприятиями и 6) скорейшее укрепление дисциплины в армии»²⁴.

К осени 1917 г. в Российском кооперативном движении наметились три основных течения, которые, как отмечал А. А. Евдокимов, в скором будущем «могут определиться как школы для разработки идеологий»²⁵. Это, во-первых, наиболее цельная и сильная традициями рабочая кооперация; во-вторых, потребительская кооперация. Ее заслуги в России наиболее велики, но о стране, где три четверти населения — крестьяне, Евдокимов писал, что в ней на «потребительском коне далеко не уедешь, и новой России на таком коне не построишь»²⁶. В третьих, начала складываться школа крестьянского кооператизма. Ее идеологом и стал бы Евдокимов, не будь октябрьского путча большевиков. Совет Всероссийских кооперативных съездов выступил с резким его осуждением.

18—24 февраля 1918 г. в Москве прошел последний съезд российской кооперации. Наступление немцев, угроза потери Россией национальной самостоятельности, узурпация власти большевиками вновь оживили разногласия об участии кооперации в политике: требовать ли ухода Советской власти? Призывать ли Учредительное собрание,

разогнанное большевиками, вновь собраться и возглавить оборону страны от немцев? 22 февраля участники съезда обсуждали вопрос «Об общем положении страны». А. А. Евдокимов, бывший делегатом съезда от Московского народного банка выступил за политическое самоопределение съезда:

«Господа, вы меня извините, если я скажу, может быть, что-нибудь, что можно принять за обиду. Я пришел к заключению вчера на частном совещании и сегодня, слушая нашу резолюцию²⁷ и слушая наши дебаты, что у нас в нашем собрании национального чувства нет, и, господа, против этого нечего возразить. Это все равно, как когда два человека, связанные между собой долгой жизнью, убеждаются, что у них нет любви друг к другу. Ну, а на нет и суда нет. Это не временное явление; это та трагедия, которая совершается в России. Началась она не сегодня и совершается все время. Господа, раз происходит трагедия, а не драма, тогда всякие угрозы, всякие обличения теряют свою силу, ибо трагедия идет, как сила стихийная, как сила природы. То, что мы здесь говорим, это напоминает мне те дни давнишней истории, когда к Византии подошел неприятель и когда Византийская, Константинопольская партии спорили между собой о разных частностях, тонкостях, о своих несогласиях. Если бы у нас было национальное чувство, у нас не могло бы быть тех неумовимых оттенков, которые нас разделяют, нас, собравшихся в этом зале. И, если мы возьмем Россию, как целое, мы увидим тысячи противоречий жизненных, глубоких и отвлеченных, существующих между различными классами. И вот положение становится еще яснее в смысле безнадежности; если мы одного пункта нашей программы не можем уступить друг другу, то тем менее мы можем уступить друг другу житейские реальные интересы. Вот поэтому я и думаю, что примем ли мы эту резолюцию, или внесем мы в нее поправки, то история все же отметит, что собрались кооператоры, интеллигенты, — в большинстве своем мы ведь интеллигенты, — и национального чувства у них не оказалось. За время происходящей революции мне приходилось бывать в разных общественных классах и группах, в средних и высших сословиях, и везде приходилось убеждаться в одном, что на верхах у нас национального чувства нет. И вот остается, господа, для нас загадка, что же такое представляет собой наш народ, народные массы, рабочие классы и крестьянство в особенности, которое во всем мире является носителем национального чувства. Этой загадки мы не можем сейчас разрешить, и она только должна нас волновать, должна привлекать наше самое пристальное внимание и впредь определять линию нашего поведения.

Есть кооператоры, которые говорят, что мы от народа, что мы делаем народное дело. А поняли ли мы наш народ, не следили ли мы за ним по газетным корреспонденциям, не искали ли мы его в партийных союзах? В этом отношении и направлении лежит наша глубочайшая драма.

Вот какой вопрос я считал бы, что вы должны поставить перед своей совестью и только одного голоса этой совести, исключив все умствования, нужно держаться, решая этот вопрос. Как вы его решите, я этого не знаю. Звать я вас не могу, и я, господа, считаю, что голос на-родного движения, народной души, он обязателен, ибо мы не можем отделиться от народа, ведь мы не святые, не юродивые, мы обыкновен-ные российские граждане, часть своего народа, сжились с ним вместе и отделиться от него мы не можем. И вот, когда подходит решающий момент, я считаю, что нужно высказаться, и тогда мы можем выйти отсюда с сознанием, что мы провели здесь это время не напрасно. Так ли мы его сейчас проводим здесь в обсуждении всех тонкостей и дета-лей, в поднимании той интеллигентской фразеологии, которая уже достаточно показала свою бесплодность? Если мы так проведем время, то напрасно мы собрались сюда»²⁸.

Выступление А. А. Евдокимова поддержал Н. П. Огановский: «Сей-час мы все время уклоняемся в сторону, разыскивая, кто виноват во фразеологии. И А. А. Евдокимов прав, что виноваты мы все. И у нас нет национального чувства, и у народа нет национального чувства»²⁹.

Мысль о том, что без народа «мы ничего сделать не сможем» А. А. Ев-докимов повторил, выступая в прениях по докладу В. Н. Зельгейма «Очердные задачи кооперации в борьбе с хозяйственной разрухой»: «У нас есть кооперативные учреждения и механизм у нас работает, но нужно признаться, что этот кооперативный механизм с народом еще не спаян, не связан. Восемь месяцев мы только и делаем, что разъ-единяемся»³⁰.

§ 2

Все последующие годы революции и гражданской войны А. А. Ев-докимов провел «в народе». Летом 1918 г. (с 1 июня по 24 августа) он принял участие в организованной американским христианским союзом молодых людей (ИМКА— YMCA) плавучей агрономической культур-но-просветительной выставке. Организаторами хозяйственной сторо-ны дела были американские агрономы и педагоги, а лекторами и со-трудниками — русские врачи и агрономы³¹.

Пароход «Керженец» прошел по Волге путь от Симбирска до Решмы (Костромская губерния) с заходом на две близлежащие остановки в Оку. Всего было сделано 42 показательных остановки в населенных пунктах Нижегородской, Казанской, Костромской и Симбирской губерниях. Выставку посетило 30 тыс. жителей этих губерний³².

Три года спустя А. А. Евдокимов вспоминал об этой поездке в опу-бликованной им в Вологде книге: «В нашем отряде агрономы, врачи, педагоги, кооператоры. Каждый по своей специальности старался

вникнуть в хозяйственную жизнь края. Посещали для этого кооперативы, поля, сады, больницы, школы, собирали собрания учителей, кооператоров, садоводов. <...> Находившиеся в нашем отряде американские педагоги и агрономы немало дивились однобокости нашей культуры. Большие успехи в искусствах, музыке, литературе, а в обработке земли, почвы, в хозяйстве, в домашнем обиходе отстали от “духа века”. Мы чуть ли не единственный великий цивилизованный народ, который не использовал открытий науки в XIX веке для поднятия своего сельского хозяйства³³.

Приводя цитату из одного исследователя Среднего Поволжья, который называл Симбирскую губернию (родину А. Ф. Керенского и В. И. Ленина) — «постоянно голодающей губернией», А. А. Евдокимов наверняка вспоминал свои скитания по Волге 20 лет назад и то, что видел тогда сам: «Горемычное население приспособлялось к своей тяжелой судьбе. Для этого оно применяло “зимнюю лежку”. “Лежка” — это приспособление к минимальным потребностям, своеобразные опыты по отучению человека от пищи. Чтобы меньше есть, нужно меньше двигаться. Даже вовсе перестать двигаться, перестать говорить, перестать дышать и думать — больше спать, спать и спать, потому, что во сне все процессы задерживаются. В доме воцаряется мрак и тишина по разным углам. На печке и на полатях кучками и в одиночку лежит вся семья. Думы всех поглощены “лежкой”, сокращением дня и ночи... Целый уезд образует сказочное царство, где в течение долгой зимы царит непробудный сон»³⁴.

Такова была Российская жизнь в преддверии XX в. Изменить ее не хотел только тот, кто не имел сердца...

По окончании работы на «Керженце» А. А. Евдокимов, видимо, учительствовал в нижегородских селах³⁵, а затем, по данным первого издания Большой Советской Энциклопедии, «занимался культурно-просветительной работой среди крестьян на юге»³⁶.

В одной из книг самого А. А. Евдокимова находим замечание, что зиму 1920—21 гг. он прожил в Мариупольском уезде Донецкой губернии³⁷.

В Мариуполе на одном из митингов он познакомился со студенткой сельскохозяйственных Стебутовских (женских) курсов в Петрограде — Надеждой Ивановной Бобровой. К 1917 г. она окончила 4 курса Стебутовских курсов. Осенью 1917 г. Временное правительство приостановило деятельность столичных сельскохозяйственных учебных заведений в связи с «разгрузкой» столицы, и зиму 1917—18 гг. Н. И. Боброва проучилась в Харьковском сельскохозяйственном институте.

Евдокимов и Боброва поженились. Н. И. Евдокимова³⁸ сохранила предсмертные письма Андрея Андреевича, публикуемые в последней главе этой книги. В защиту арестованного мужа она писала письма

сталинским судьям и прокурорам, а после смерти диктатора добилась реабилитации А. А. Евдокимова.

Сохранилась групповая фотография, на которой в центре — А. А. Евдокимов. Надпись на обороте принадлежит Н. И. Евдокимовой: «Группа учителей для школ повышенного типа для крестьян по датскому образцу — инициатива Андрея. 1919 год. Ноябрь. Перед выездом после окончания курсов на места работы. Финансировала кооперация».

Свой опыт по устройству кооперативных школ по датскому образцу для взрослых крестьян в Великороссии и на Украине в 1918—1921 гг. А. А. Евдокимов изложил в книге «Зимние крестьянские школы, как первая ступень кооперативного образования в сельской местности», изданной в 1922 г. Вологодским Союзом Северных Кооперативных Союзов (Северосоюзом).

По Евдокимову: «Исторические судьбы <...> не благоприятствовали ни самостоятельности, ни социальной заинтересованности нашего крестьянства»³⁹. Исходя из этого он считал: «Как в рабочем классе первостепенную роль в деле жизнетворного воспитания должны взять на себя профессиональные союзы, так в земледельческой среде эту роль могут выполнить и должны выполнить кооперативы. <...> Мы полагаем, что выдвигаемая нами зимняя крестьянская школа может явиться на ближайшие годы первой ступенью кооперативного образования. Она с полным правом может быть названа и кооперативной школой, ибо ее назначение создать в каждом селении активно действующий кружок кооператоров-земледельцев. <...> Устраивая зимнюю крестьянскую школу, местные кооперативы делают подарок своей местной обществу, но вместе с тем, они создают некий научный фонд для своей и текущей, и будущей работы. Силы и средства, затраченные на это дело, есть хорошо направленная животворящая сила»⁴⁰.

Этими словами А. А. Евдокимов завершил книгу и написал «Вологда. Июль. 1921 года».

Из материалов архивно-следственного дела Андрея Андреевича известно, что в Вологде он работал в Потребсоюзе. Тогда же, в Вологде, он познакомился и подружился со своим будущим архангельским соавтором и «подельником» А. Ф. Ростиславиным. «Твердый практик», А. А. Евдокимов в другой своей «вологодской» книге призывал кооператоров: «Надо взять твердую кооперативную линию и очистить нашу социальную психологию от “Да это Богу угодно...”». Между Западом и Востоком мы впадаем временами в податливый фатализм по отношению к случаю или испытанию. Так жить нельзя»⁴¹.

Первую половину 1921 г. А. А. Евдокимов и его жена провели в Москве. Ходили в гости к немногим оставшимся старым друзьям Евдокимова, и всюду, как много лет спустя вспоминала Надежда Ивановна, в качестве угощения был только чай...

Краткий период времени А. А. Евдокимов работал в одном из институтов столицы. Есть неподтвержденные пока сведения, что он участвовал в работе Американской администрации помощи (АРА).

К 1921 г. старая российская кооперация, плоть от плоти которой был А. А. Евдокимов, была фактически разгромлена. Еще в 1919 г. возникло так называемое «Дело Центросоюза». Сначала в Петрограде арестовали заведующего Петроградским отделением Союза В. Н. Крохмалю, старого деятеля профессионального и кооперативного движения, участника 2-ой Всероссийской профессиональной конференции. (Центросоюз стоял во главе русского кооперативного движения, и было закономерно, что большевики начали с него.) Затем уже в Москве ВЧК арестовала членов Правления Центросоюза Д. С. Коробова (председатель), В. А. Кузнецова, А. Н. Лаврухина, А. М. Никитина. В итоге в августе — сентябре 1920 г. в Москве прошел судебный процесс. На скамье подсудимых — 19 человек; в том числе и К. А. Гвоздев, рабочий, видный деятель профессионального и кооперативного движения, бывший министр в правительстве А. Ф. Керенского.

А. М. Никитину, тоже старому соратнику А. А. Евдокимова и бывшему министру А. Ф. Керенского, вменялось в вину, что он, возглавляя Временный кооперативный комитет по делам юга России, был лоялен по отношению к А. И. Деникину и присоединился к борьбе с большевиками, оказывая помощь деникинцам.

Председатель Центросоюза Д. С. Коробов был посетителем заседаний белогвардейского «Национального центра», проходивших на квартире известной кооперативной деятельницы Е. Д. Кусковой (в 1921 г. С. Н. Прокоповича и Е. Д. Кускову выслали из Советской России).

Первые аресты кооператоров прошли в конце 1919 г., а в апреле 1920 г. сам Ленин выступил с речью о кооперации на очередном съезде большевиков, в которой заявил:

«<...> в кооперации сидит целый ряд контрреволюционеров <...>. Тут справедливо сказали о ЧК. Если благодаря своей близорукости вы не можете изболочить отдельных вожakov кооперации, то посадите туда одного коммуниста, а хороший коммунист есть в то же время и хороший чекист, то поставленный в потребительское общество, он должен притащить, по крайней мере, двух кооператоров-контрреволюционеров»⁴².

На этом же съезде, всесильный в то время секретарь ЦК РКП(б) Н. Н. Крестинский выступил с резолюцией, подчинявшей всю работу кооперации наркомату труда. Была принята, правда, другая резолюция, оставлявшая кооперации некоторую самостоятельность.

Тот же Н. Н. Крестинский, занимавший еще и пост наркома финансов, требовал на съезде жестких мер по отношению к старой кооперации, т. е. кооператоры это «не специалисты по заготовке, хранению, перевозке и распределению продуктов», а носители «политически и социально реакционной идеологии»⁴³.

Спустя дней десять после съезда последовали новые аресты старых кооператоров. ВЧК при этом заявляла, что открыт заговор нового рода, не военный и политический, а экономический. А за два месяца до суда над кооператорами большевик А. М. Лежава, ставший первым председателем уже советского Центросоюза заявил: «Мы с удовлетво-рением можем констатировать, что после трех лет борьбы со старой кооперацией, от последней ничего не осталось»⁴⁴.

А. С. Орлов, который во Временном правительстве был товарищем министра торговли и промышленности С. Н. Прокоповича, в 1918 г. работал в сибирской кооперации, а затем эмигрировал, опубликовал в Париже книгу, где писал:

«Последние остатки кооперации в России были уничтожены советскими декретами 27 января и 19 апреля 1920 года. Согласно этим декретам все виды кооперативных организаций были слиты в потребительскую коммуну и подчинены ей, объединенные коммуны вместе со своими губернскими и центральными организациями составили в своей совокупности правительственный распределительный орган, содержащийся за счет государственных ассигнований и ничем по существу не отличающийся от других органов Советской власти.

Тем не менее сохранили за этой системой название потребительской кооперации», а центральный орган продолжали именовать Центросоюзом⁴⁵.

Ликвидация старого Центросоюза и замена его новым большевистским происходила как раз по сценарию большевика-чекиста номер один — В. И. Ленина. В Центросоюз еще в 1918—19 гг. были посланы представители-комиссары. Понадобилось 1—2 года, и чекистское обвинение было сфабриковано. Выборные члены Центросоюза арестованы, а 27 апреля 1920 г. Совет Народных Комиссаров, во главе которого стоял В. И. Ленин, освободил в связи с «раскрытием преступлений в Центросоюзе» от обязанностей членов Правления Центросоюза Д. С. Коробова, А. Н. Лаврухина, В. А. Кузнецова и на-ходившихся за границей А. М. Беркенгейма, Е. О. Ленскую, В. Н. Зель-гейма, Вахмистрова, Н. М. Михайлова...

Суд Верховного трибунала проходил под председательством чекиста И. В. Ксенофонтова. «Дело» в отчете о процессе, опубликованном в «Известиях» выглядело так. Член Правления Михайлов был командирован на Украину. При отступлении белых уехал из Харькова в Ростов-на-Дону на кооперативный съезд. Оттуда — в Екатеринодар и за границу. Член Правления Вахмистров отправился в Сибирь. После падения Колчака оказался в Париже. Беркенгейм был командирован в США для закупки оборудования для ВСНХ. Оказался в Лондоне, где возглавил контору Центросоюза. Члены Правления Зельгейм и Ленская были отправлены в Швейцарию лечиться, но оказались в других странах. Совет Лиги Наций официально пригласил Беркенгейма

сделать доклад о том, как российская кооперация смотрит на целесообразность и возможность товарообмена с Россией. 14 января Беркенгейм сделал доклад Клемансо, Ллойд-Джорджу и Нитти, а через два дня Совет Лиги Наций вынес решение о возможности снятия блокады и возобновлении торговли с Россией через кооперативные организации, о чем радиотелеграммой был извещен Коробов⁴⁶.

Весь «суд» занял 5 дней. Уже 5 сентября «Известия» опубликовали приговор: В. Н. Крохмаль — 3 года концлагеря, но амнистировать и освободить. А. М. Никитин — расстрелять, но так как раскаялся — 15 лет концлагеря. Д. С. Коробов, А. Н. Лаврухин и В. А. Кузнецов, а также Розен и Берггольд — 15 лет концлагерей. Адольфу Мордуховичу расстрел из-за преклонного возраста снисходительно заменили пожизненным заключением в тюрьме. Ничего в приговоре не упоминалось о К. А. Гвоздеве⁴⁷.

Как видно из известинской публикации, большевиков пугала международная деятельность и высокий престиж российской кооперации за границей. Ленинский СНК там не признают, а кооператоров принимают и прислушиваются к ним первые лица крупнейших европейских государств. И как раз по самому насущному, вроде бы, для большевиков вопросу...

Действительно, еще весной 1919 г. был создан Объединенный комитет Русских кооперативных организаций в Лондоне. Осенью того же года в Лондоне прошло совещание русских кооператоров, а в Нью-Йорке основан Американский комитет русских кооперативных организаций.

16 января 1920 г. Верховный Совет в Париже решил возобновить торговлю с Россией и помочь русскому народу в лице русской кооперации, а 20—24 января обсуждение этих проблем состоялось на специальной конференции, в которой участвовали выдающиеся русские кооператоры: Е. О. Ленская, В. Н. Зельгейм, К. И. Морозов, И. В. Бубнов, К. И. Попов, А. Е. Малахов, Ф. И. Шмелев, Т. Б. Кузин⁴⁸.

Один из участников этого совещания архангельский кооператор А. Е. Малахов в 1921 г. писал: «Кооператоры, в лице А. М. Беркенгейма, стали добиваться у стран Согласия снятия блокады. <...> Кооператоров арестовали и осудили за намерение свергнуть Советскую власть экономическим путем. Члены Правления Всероссийского Союза Потребительских Обществ Коробов, Лаврухин, Кузнецов получили 15 лет концлагерей. Остальные находились за границей». И вывод А. Е. Малахова: «Прорыв блокады стоил кооперации ее существования»⁴⁹.

Из кооперации сделали казенный департамент, подчинив трем наркоматам и ВСНХ. Старая кооперация была разгромлена повсеместно: и в центре, и на местах.

Глава Союза смолокурных артелей Важской области⁵⁰ А. Е. Малахов был знаком А. А. Евдокимову. Союз был крупнейшим акцио-

нером Московского Народного банка. Сам Малахов насаждал и устраивал кооперацию всех видов в Архангельской и Вологодской губерниях, начиная с 1900 г. Кооперируемую Малаховым массу в основном составляло сельское население, т. е. он занимался тем же, чем и А. А. Евдокимов — сельской кооперацией. Первые артели и общественные лавки А. Е. Малахов создал еще в 1901 г. В том же году он появился впервые с предложением продажи смолы важных кустарей в Германии, Голландии, Англии. Когда в 1914 г. Союз смолокурных артелей Важской области, утвердив свой Устав в министерстве земледелия, получил легальный статус, он включал 23 артели (1620 человек). В 1918 г., перед тем как Союз был ликвидирован большевиками, он состоял из 52 артелей, 5 кредитных ассоциаций, 3 сельскохозяйственных обществ и 85 общественных лавок⁵¹. Союз был разрушен как раз в тот момент, когда он становился серьезным фактором в одной из наиболее важных отраслей народного хозяйства Северной России.

Особенностью сельскохозяйственной кооперации в России была ее значительная культурная роль. А. А. Евдокимов годами вел неустанную идейную и практическую работу за создание крестьянских школ, то же самое относится и к А. Е. Малахову. Избежав расстрела в 1918 г. в Шенкурске (уездный город Архангельской губернии, центр Важской области, где находилось Правление Союза) и ареста ЧК в Москве в июле 1919 г, Малахов нелегально перешел границу. В выпущенной им в Лондоне в 1912 г. книге отмечлось, что главной статьей расхода Союза было восьмиклассное коммерческое училище, которое Союз содержал на свои средства для обучения крестьянских детей.

Царское правительство не заботилось о просвещении в Важской области, и это училище стало там первой средней школой. «В нем мы хотели,— писал А. Е. Малахов,— подготовить духовные силы для преобразования края. <...> Директором был местный крестьянин Яков Петрович Леванидов, любимец ребят и их первый друг. В 21 год он окончил университет. В 24 года его пригласили директорствовать. Он пал первой жертвой большевистского варварства. Его увезли во время бегства большевиков из Архангельска и расстреляли в Великом Устюге»⁵². Если А. Е. Малахов смог ускользнуть, то два других члена Правления Союза смолокурных артелей Важской области были расстреляны. Г. А. Дегтев — 3 сентября в Вологде⁵³, а С. П. Кос-тылев — 20 лет спустя — 13 января 1938 года в Архангельске⁵⁴. За эти 20 лет Семен Петрович Косылев был дважды приговорен к лишению свободы: в 1921 г. на два года, в 1929 г. на пять лет. После отбытия этих пяти лет на лесоповале он работал в Архангельском институте промышленных изысканий.

Незадолго до второго ареста в соавторстве с А. А. Евдокимовым в 1927 г. С. П. Косылев издал книгу «Новое в смолокурении».

22 декабря 1937 г., когда НКВД, в связи с выборами в Верховный Совет, проводил в Архангельске массовые аресты Костылев был арестован и через 20 дней расстрелян.

Помимо эмигрировавших и репрессированных кооператоров, в 1919—21 гг. умерли В. И. Анисимов, В. П. Акимов-Махновец, А. Е. Кулыжный (один из организаторов Первого кооперативного съезда в 1908 г. С Кулыжным Евдокимов несколько лет работал в «Вестнике кооперативных союзов». Андрей Евменьевич был на 6 лет моложе Евдокимова), Н. А. Каблуков, А. А. Николаев, А. С. Посников, М. И. Туган-Барановский и др., ставшие жертвами голода, холода, болезней пери-ода гражданской войны.

Погибли в эти годы и друзья по рабочему и профессиональному движению: И. С. Астров умер в чекистской тюрьме в Саратове, Г. Смолен-Батурский в Витебске, Д. Кольцов (Б. А. Гинзбург) в Уфе, П. М. Мо-гилянский в Киеве, А. А. Исув в Москве, на Украине расстреляли Г. С. Хрусталева-Носаря... Многие из умерших и расстрелянных были моложе А. А. Евдокимова, которому не было и пятидесяти.

Еще в 1918 г. большевики национализировали МНБ, соединив его с Госбанком.

Старый товарищ А. А. Евдокимова В. В. Шер был теперь председателем Правления Сельхозсоюза, Н. В. Чаянов тоже занимал непло-хое положение: член коллегии наркомата земледелия и директор Института сельскохозяйственной экономики при Петровской сельскохозяйственной академии. Возможно, именно в институте у А. В. Ча-янова и работал А. А. Евдокимов и стал там членом ТКП. К середине 1921 г. она уже имела свои организации более чем в десятке гу-берний⁵⁵.

18 августа 1921 г. лидер ТКП С. С. Маслов покинул Советскую Россию. 12 октября 1921 г. он прибыл в Чехословакию из Польши и при-ступил к широкой пропаганде идей партии. В Праге он организовал первую заграничную группу партии. Вскоре они были созданы также в Югославии, Болгарии, Польше, Литве, Латвии, Эстонии, Финляндии, Франции, Англии, Германии и других странах.

Между тем в Советской России нетерпимость к инакомыслию росла.

Осенью 1922 г. из нее были высланы Н. А. Бердяев, П. А. Сорокин (был оппонентом А. А. Евдокимова на съезде Крестьянского Союза в 1917 г., а в Праге стал одним из лидеров заграничной ТКП) и многие другие крупнейшие деятели науки, культуры. Н. Д. Кондратьева большевики также включили в списки кандидатов на высылку, но не выслали. (В 1924 г. во время командировки Н. Д. Кондратьева в За-падную Европу и в США П. А. Сорокин и Н. Д. Кондратьев встреча-лись в Миннеаполисе штат Миннесота, где П. А. Сорокин был с 1924 г. профессором социологии. Когда несколько лет спустя Н. Д. Конд-ратьев был арестован в СССР и объявлен лидером подпольной ТКП,

то П. А. Сорокин пытался организовать выступление американских ученых в поддержку своего старого, еще со времен учебы в училище в Костромской губернии, товарища).

Среди высланных были и кооператоры, в том числе А. А. Булатов, председатель Правления Новгородского товарищества промысловых и сельскохозяйственных кооперативных союзов. Булатова арестовали 15 августа 1922 г., а 26 августа коллегия ГПУ постановила выслать его за границу⁵⁶. А. А. Булатов был в первой группе высланных. Эта группа уехала поездом из Москвы. В Риге Булатов сошел с поезда. Последующие годы был активистом ТКП в Эстонии. В 1940 г. Красная Армия захватила прибалтийские государства. А. А. Булатова арестовали и расстреляли в Ленинграде 8 июля 1941 г.⁵⁷

В начале 1920-х гг. бежал в Эстонию из России сын А. Е. Малахова — 16-летний Георгий Малахов. Опасаясь высылки из Эстонии обратно в Советскую Россию он затем нелегально перешел эстонско-латвийскую, латвийско-польскую, польско-литовскую, литовско-польскую, польско-немецкую границы. Один год прожил в Германии, изучая языки и готовясь к поступлению в гимназию, а затем вновь нелегально перешел немецко-чехословацкую границу. Получив право жительства в Чехословакии, учился в Русском институте сельскохозяйственной кооперации в Праге. Стал членом ТКП и секретарем С. С. Маслова.

Один из немногих оставшихся в живых членов ТКП Г. А. Малахов писал в 1996 г. в уже цитированной нами статье:

«В 1922 году С. С. Маслов покинул Россию, чтобы за границей организовать издательство партийной литературы. Во многих столицах Европы выступал на эмигрантских собраниях с докладами о России и закладывал там ячейки ТКП. Окончательно он обосновался в Праге. Там он, как бывший гласный Вологодской городской думы был принят в состав Объединения российских земских и городских деятелей (сокращенно “Земгор”)⁵⁸. Это была самая мощная финансовая организация русской эмиграции в Праге. В 1923—1924 годах он заведовал заграничным отделом Пражского института изучения России. В то же время он руководил работой Комитета практических проблем сельской жизни. Так называлось это учреждение. В эти же годы он читал лекции в Русском народном университете в Праге.

Будучи в Сибири⁵⁹, С. С. Маслов познакомился с Богданом Павлу, председателем Национального совета Чехословацкого войска, который играл значительную роль в русских Челябинском и Уфимском совещаниях. В учрежденной Чехословацкой республике Богдан Павлу занял пост председателя Комитета земельной реформы. С. С. Маслов стал получать от него небольшую, но регулярную денежную помощь. Это дало ему возможность организовать в Праге издание партийной литературы и содержать небольшой партийный аппарат. С этих пор

он посвятил себя исключительно партийной работе, которая заключалась в организации партийных ячеек, в издательстве и в нелегальном распространении литературы внутри России. Для борьбы с большевистской контрреволюцией туда направлялись нелегально партийные пропагандисты, агитаторы и организаторы.

С. С. Маслов не отвергал террористической деятельности против большевистских палачей, но не считал ее особо эффективной, предпочитая путем пропаганды партийных идей привлекать к себе крестьянство, честных большевиков и военачальников Красной Армии. Мне это известно, т. к. я сам принимал участие в конспиративной деятельности партии.

В 1924 году Сергей Семенович издал свой двухтомный труд под названием “Россия после четырех лет революции”. Им было написано несколько брошюр и много листовок в защиту демократии, призывающих к свержению большевистской диктаторской власти.

Политическое мировоззрение С. С. Маслова основывалось на признании первостепенной ценности человеческой личности: не человек для общества и государства, а общество и государство для человека.

В хозяйственной области он предлагал безвозмездный возврат всех сельскохозяйственных угодий трудовому крестьянству в частную собственность, реорганизацию колхозов в сельскохозяйственные кооперативы, расформирование совхозов и передачу всего имущества крестьянам, свободную торговлю и свободу предпринимательства. Государственными предприятиями остаются только железные дороги, военные и медицинские заводы, больницы, финансы, народное образование и средства связи.

В общественной области — создание правового демократического государства, осуществление прав человека и гражданских свобод, равенство всех национальностей России, но не допущение создания государственных объединений с господствующей национальностью, широкое самоуправление.

В области духовной — полная свобода творчества в области науки, философии, искусства и религии.

Центром заграничной деятельности ТКП становится Прага. На первом партийном съезде, состоявшемся в 1927 году избирается Центральный Комитет и Совет Партии.

Первым председателем ЦК ТКП был избран Андрей Александрович Аргунов, народоволец, эсер, политический каторжанин, один из организаторов партии социалистов-революционеров в 1902 году (вместе с Е. К. Брешко-Брешковской и Г. А. Гершуни); первый ее председатель и основатель и редактор партийного органа эсеров — “Революционной России”, два номера которого нелегально были изданы в России. Затем эсеры стали издавать его в Женеве под редакцией В. М. Чернова. В Учредительное собрание А. А. Аргунов был

избран по объединенному списку партии эсеров и Совета крестьянских депутатов Смоленской губернии. После революции 1917 года он был одним из организаторов “Союза Возрождения”, по поручению которого был направлен на организаторскую работу в Сибирь. Участник первого Челябинского совещания. Адмиралом Колчаком был выслан из Сибири вместе с Авксентьевым и другими эсерами. Затем генералом Деникиным был выслан с юга России за границу. А. А. Аргунов выпустил книгу “Между двумя большевизмами” и “Воспоминания”.

Генеральным секретарем ТКП был избран С. С. Маслов. Членами Центрального Комитета — Б. В. Седаков, А. Л. Бем, М. В. Личаченко, Н. А. Антипов. Позднее в состав ЦК кооптированы: Герасим Грачев (руководитель Харбинской организации ТКП), М. Ф. Ковалев, В. М. Бух-штаб и священник о. Всеволод Колымацкий.

Членами Совета ТКП были избраны: В. Е. Татаринов (Рига), Б. К. Семенов (Печоры), П. А. Богданов (Таллин), Г. И. Царик (Белград), А. Н. Лазаренко (Белград), Н. П. Вакар (Варшава) и другие.

Платным секретарем ТКП «К. Р» был назначен В. Ф. Бутенко. Он не был членом ЦК, но был доверенным лицом С. С. Маслова и руководил шифровальным отделом партии. Шифровальщиками работали: А. Г. Лурьи и Оссовский.

ТКП издавала журналы под редакцией С. С. Маслова, Б. В. Седакова и В. Е. Татаринова. Сначала издавался “Вестник крестьянской России”, а затем — “Знамя России”. Представители журнала находились в разных странах: в Белграде — Н. М. Яковенко, в Варшаве — Вакар, в Таллине — А. А. Булатов, в Финляндии — Григорков, в Литве — Пикучинас, в США — Самбуrow, в Харбине — Грачев и другие.

Центральный комитет ТКП и редакция журнала помещались в Праге — 2, Краковская ул. № 8. Помещение состояло из трех проходных комнат и кухни. Первая комната была больших размеров. В ней происходили собрания членов ТКП и устраивались доклады, на которые приглашались видные эмигрантские политические деятели и ученые: А. Ф. Керенский, А. И. Гучков, С. И. Гессен, Д. И. Иванцов, “Петров” (член ЦК ТКП, постоянно проживающий в Сов. России и нелегально прибывший в Прагу), С. Г. Пушкарев, П. Н. Савицкий, А. Н. Фатеев и другие. Во второй комнате находилась “шифровальная”, в которой зашифровывались отправляемые и расшифровывались получаемые из России с курьерами письма. В ней же происходили собрания комиссий ЦК (предсездовская и другие). В последней комнате состоялись собрания членов ЦК. Там же находилась редакция журнала.

Кроме этого помещения в Страшницах (часть Праги) ул. на Клинку № 853 состоялись собрания молодых членов партии. Туда тоже приглашали читать лекции и доклады видных политических деятелей (В. М. Чернова, Е. Е. Лазарева и других).

Конспиративные квартиры для прибывающих из России снимались в Праге или в пригородах, всегда в разных местах. Даже члены Центрального комитета, за исключением С. С. Маслова, не знали этих адресов.

В следующих европейских государствах существовали партийные группы, которые нелегально переправляли партийную литературу и пропагандистов в СССР: Финляндия, Эстония, Латвия, Польша, Румыния. В Азии такие группы существовали в Турции и Маньчжурии. С. С. Маслов в своей книжке, изданной в Белграде в 1930 году⁶⁰, описал несколько случаев нелегальной деятельности членов ТКП в СССР. В Польше этой работой руководил Вакар, в Латвии — Татаринов, в Эстонии — Богданов. Одно время склад литературы ТКП в Финляндии находился в “Пенатах”. Возможно, что это было после смерти художника. Я узнал об этом после смерти И. Е. Репина. Имя руководителя мне неизвестно. Факт наличия литературы ТКП в “Пенатах” подтвердил племянник художника, с которым я одно время жил в одном доме в Уезды над Лесы (пригород Праги). На Дальнем Востоке этой работой руководил Грачев.

Нелегальная деятельность ТКП состояла в переноске через границу партийной литературы и распространения ее в СССР, а также в организации там нелегальных групп партии. Такую литературу обычно переносили в заплечных мешках на спине. <...>

Передовая часть крестьянства не верила большевикам и в незыблемость НЭПа. Она сознавала, что НЭП является не следствием милости большевиков, а следствием победы крестьянства над большевиками. Для закрепления этой победы крестьянству необходимо было установить в России свою власть. Без наличия своей политической партии это осуществить было невозможно. Стихийно стали возникать независимые друг от друга крестьянские политические организации. Это началось уже в 1921 году, до создания Трудовой крестьянской партии, в самом начале НЭПа. В 1921 году я посетил родные места в Шенкурском уезде. Один крестьянин, хороший знакомый моего отца, все выпытывал у меня, как будто я знал, когда установится настоящий порядок. В деревне Усть-Пуе другой крестьянин сообщил мне, что в соседнем уезде началось вооруженное восстание крестьян против большевиков и что в южных деревнях уезда уже готовятся присоединиться к восставшим. Такие же восстания происходили во всей России (Антоновское и другие). Они были подавлены, но уже в 1925 году снова начались крестьянские волнения. <...>

Раскол между членами ЦК ТКП произошел по поводу полномочий ожидаемого правительства, Составленного из членов партии после падения диктатуры большевиков. Столкнулись две точки зрения. С. С. Маслов утверждал, что на время переходного периода вся

власть в России должна принадлежать ЦК ТКП. Все остальные органы власти должны подчиняться ему.

А. А. Аргунов настаивал на том, что первая власть, составленная из членов ТКП, должна иметь строго демократический характер.

Ни та, ни другая сторона не пошли на компромисс и “демократы” — А. А. Аргунов, Н. А. Антипов, А. Л. Бем, М. Ф. Ковалев, М. В. Ли-чаченко и В. М. Бухштаб и Д. И. Иванцов сложили с себя полномочия членов ЦК и вышли из партии. Членами ЦК остались: С. С. Маслов, Б. В. Седаков и к ним примкнул Б. Ф. Бутенко. Раскола в партии не произошло. Все организации ТКП в Европе остались в партии.

По вопросу о приходе к власти возникло два мнения. Оставшиеся в партии члены ЦК полагали, что сразу же после падения большевиков придет к власти ТКП. Значительная часть членов партии, особенно молодежь, полагала, что власть в России захватит либеральная часть коммунистов, которая воспрепятствует приходу к власти ТКП. Как видим, более прозорливой оказалась вторая точка зрения.

9 мая 1936 года С. С. Маслов выступил в Праге с докладом на тему “В преддверии войны”. В самом начале доклада он заявил, что “в бу-дущей войне дело будет не только и не столько о комвласти, сколько о богатствах России. Долг и честь требуют защищать границы”. Позиция *пораженцев* “и не благородна и не умна”. *Оборонцы* же должны понять, что “во имя обороны ни перемирия, ни мира, ни союза с ком-властью не может быть и не должно”. *Третья позиция*. “Если ком-власть продолжит спуск на тормозах, то население помирится с вла-стью. Вряд ли эта позиция верна? Власть не сдаст добровольно своих позиций. Население вряд ли простит комвласть. Вера примирения населения с комвластью ложна”. <...>

Такая установка на борьбу с оккупантами была принята всеми членами ТКП в Европе. В Чехословакии, Югославии, Польше, Франции и в других государствах члены ТКП приняли участие в Сопротивлении. Многие из них погибли. На пражских баррикадах был убит молодой талантливый скульптор Бжезинский. Он был членом ТКП. В Чехословакии же за отказ работать на Германию были арестованы, увезены в Германию и там расстреляны Никита Бирюк и Филлиповский. Сыновья последнего были командирами Красной Армии. В Белграде член ТКП В. Е. Вистеропский ехал со своими товарищами на автомобиле. Около главной почты они нарвались на гестаповцев. Завязалась перестрелка. Трое благополучно бежали через скверик, а Федора Ефимовича, тяжело раненого, гестаповцы взяли в плен. После выздоровления он был расстрелян в Маутхаузене. После войны в югославской газете “Политика” был обнародован ряд статей о его партизанской деятельности. Одновременно с ним был расстрелян нем-цами другой член белградской организации ТКП, Н. М. Яковенко, служащий Министерства путей сообщения. Он сообщал партизанам

(через Вистеропского) о содержании немецких вагонов. В Далмации погиб в бою с итальянскими оккупантами член ТКП Лаптий.

Многие члены ТКП в европейских странах приняли участие в боевых действиях партизан против немецких завоевателей. Немалая заслуга в этом была С. С. Маслова.

После войны 1939—1945 гг. С. С. Маслов, выпущенный из немецкого заключения, попал в советское. О его дальнейшей судьбе до сих пор ничего не известно, как и о многих других членах ТКП. Просочились сведения лишь о расстреле П. А. Богданова и Б. К. Семенова.

Основные документы о деятельности Трудовой Крестьянской Партии “Крестьянской России” хранились в помещении Центрального Комитета в Праге. Они были сожжены Б. Ф. Бутенко при приближении к Праге Красной Армии и перед его бегством на Запад. У членов партии и их наследников, рассеяным по государствам Европы, Азии и Америки, вероятно, сохранилось много документов, по которым можно было бы воссоздать историю ТКП, но это — огромный труд, трудно осуществимый в настоящее время. Поэтому написать более полную информацию о ТКП теперь нет возможности.

Необходимо сказать несколько слов о личной жизни С. С. Маслова и о его постоянных сотрудниках, живших в Праге. Из членов ЦК ТКП только сам С. С. Маслов и Б. В. Седаков получали зарплату. Каждый из них получал по тысяче чехословацких крон. Секретарь Б. Ф. Бутенко получал 800 крон, а шифровальщики — по 600. Для сравнения: неквалифицированный рабочий в Праге в то время получал около тысячи крон в месяц. Остальные члены партии за свою работу зарплат не получали, за исключением тех случаев, когда требовалась именно их продолжительная помощь партии.

Жил С. С. Маслов в пригороде Праги, в деревне Хухли, откуда каждый день ездил на работу на велосипеде. В Хухлях в то время снимали комнаты бедные студенты, учившиеся в Праге. Занимал С. С. Маслов одну мансардную комнату. Завтрак и ужин готовил себе на электроплитке. Обедал в помещении редакции или в какой-нибудь столовой. Б. Ф. Бутенко вместе с двумя шифровальщиками жили в помещении редакции. Завтрак, обед и ужин готовили сами в кух-не. Они же сами убирали все три комнаты»⁶¹.

Свидетельство Г. А. Малахова — ценный исторический документ. Георгий Александрович был лично знаком с членами Центрального комитета ТКП, находящимися в Чехословакии, руководителем Дальневосточной организации ТКП⁶² Герасимом Грачевым, «Петро-вым», членом ЦК из России... В 1934 г. Г. А. Малахов был председателем Первой группы партии, секретарем предсъездовской комиссии и докладчиком по идеологическим вопросам.

Будущие историки ТКП еще не раз будут цитировать эти его воспоминания.

Мы можем только предполагать, что в этот свой транзитный приезд с Украины в Москву по пути на родину жены — в Архангельск — А. А. Евдокимов встречался с заведующим вологодского представительства Кооперативного лесного союза В. К. Иковым (в 1905—06 гг. он работал в Екатеринославской организации РСДРП, представлял ее на IV съезде РСДРП в Стокгольме, в 1911—12 гг. находился в ссылке в Харькове, в 1918 г. работал в Центросоюзе в Москве, в 1921 г. стал товарищем председателя Всеколеса В. В. Шера), который в 1931 г. вместе с В. В. Шером станет одним из главных подсудимых на меньшевистском процессе.

Также А. А. Евдокимов мог встречаться с видным работником ВСНХ А. М. Гинсбургом. (В 1898 г. учился в Харьковском университете и занимался революционной деятельностью. Вместе с Ф. А. Кондратьевым и А. А. Евдокимовым находился в оппозиции к комитету РСДРП и пытался создать с ними отдельную организацию, с целью направить работу в русло массовой агитации, в то время как комитет РСДРП держался еще чисто пропагандистской линии.)⁶³

В 1931 г. на том же меньшевистском процессе А. М. Гинсбург прочит 10 лет.

Помянем, помимо уничтоженного большевиками Важского союза смолокурных артелей, еще Союз кооперативов Северного края (Северосоюз) и Союз Сибирских маслодельных артелей. Их разгромили тоже.

С 1922 г. начался архангельский период жизни А. А. Евдокимова. По длительности — 18 лет, самый продолжительный после Суздальского... Из этих 18 лет два последних года пришлось на архангельскую тюрьму.

АРХАНГЕЛЬСК

§ 1

В 1922 г. А. А. Евдокимов и его жена приехали в Архангельск. Основанный голландскими купцами в 1853 г. на берегах Северной Двины, этот город до основания Петербурга в течение полутора столетий был единственным российским «окном в Европу». Местное население никогда не знало крепостного права. Значительную роль в жизни города играли иностранцы, селившиеся в лучшей части Архангельска, которая называлась «Немецкая слобода».

В начале XX в. городским головой Архангельска много лет был потомок тысячелетнего швейцарского рода Лейцингеров — Яков Лейцингер. В 1914 г. городским головой стал богатый купец голландского происхождения Вильгельм Гувелякен.

Вторым ферментом культуры на Архангельском севере была сначала царская, а потом советская политическая ссылка. В дореволюционное время политссылные группировались вокруг созданного в 1908 г. Архангельского общества изучения Русского Севера (АОИРС).

Вклад этого общества (просуществовало до 1920 г., когда город был захвачен частями Красной Армии) в изучение Севера значителен. Судьбы его членов — известных и мало известных североведов — долгие годы оставались во мраке безвестности. Опыт работы и масштабы сделанного Обществом впечатляют.

Поскольку последний период жизни Андрея Андреевича Евдокимова связан с северным краеведением, то о нем надо рассказать подробнее, тем более, что это одно из многочисленных «белых пятен» в истории крупнейшего исторического региона России.

Планомерное уничтожение большевиками исторической памяти привело к тому, что само слово «Россия» с начала 20-х гг. стало исчезать из употребления. Все больше говорили о «мировой революции». Отечественная история была изъята из школьных программ и не преподавалась до середины 30-х гг. В провинциальных вузах под запретом были такие дисциплины, как отечественная история, историография, источниковедение, археология и др.

Трагическая судьба постигла краеведение, хотя в дореволюционной России оно переживало бурный расцвет. Уже в XIX в. существовали 144 краеведческие организации, в начале нынешнего столетия возникли еще 102.

14 декабря 1908 г. в зале местной Городской думы состоялось торжественно открывшееся первое общее собрание членов Архангельского общества изучения Русского Севера. Инициатором его создания был инженер-технолог Владимир Андреевич Ленгауэр. В члены правления Общества выбрали семерых: И. В. Кривоногова (доктор меди-

цины), В. А. Ленгауэра, П. Г. Минейко (инженер путей сообщения), Н. О. Пругавина (непременный член Архангельского губернского по крестьянским делам присутствия), Е. А. Сухина (выпускник Санкт-Петербургского университета), И. И. Толубеева (правительственный агроном Архангельской губернии) и А. Ф. Шидловского (Архангельский вице-губернатор), который стал председателем Правления Общества.

Пожизненными членами общества стали шестнадцать человек, среди них известный купец Израиль Исаакович Данишевский; действительными членами — 135 человек, в том числе В. В. Бартенев (сын известной революционерки Е. Г. Бартеневой, участницы Парижской коммуны и II Интернационала; с юных лет принимал он участие в революционной деятельности, неоднократно подвергался аресту; с 1907 года отбывал ссылку в Архангельске, работал здесь акцизным чиновником); из иногородних — известный литератор А. С. Пругавин, проживающий в Санкт-Петербурге, член III Государственной думы И. С. Томилов, студент Санкт-Петербургского университета Я. П. Леванидов (член-корреспондент Общества).

Отметим, что в апреле 1909 г., по примеру Архангельска, было создано краеведческое общество и в Вологде — «Вологодское общество изучения Северного края».

Сразу после организации архангельские краеведы энергично взялись за работу. Наладили издание журнала «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера». Редактором его стал В. А. Ленгауэр, а первые номера вышли уже в 1909 г. Год спустя в «Известиях» опубликовал свои первые научные статьи будущий знаменитый социолог, уроженец Яренского уезда Питирим Александрович Сорокин, в то время — студент Петербургского университета. Издание журнала продолжалось и в годы войны, только из двухнедельника он перешел на ежемесячный выпуск. Свое существование журнал, как и само Общество, прекратил в 1920 г. с приходом большевиков.

Но вернемся к славному началу. Авторитет Общества рос очень быстро. В 1910 г. его почетными членами были легендарный исследователь Арктики, начальник Главного гидрографического управления генерал-лейтенант А. И. Вилькицкий, министр земледелия Российской империи, ближайший соратник П. А. Столыпина А. В. Кривошеин (в 1920 г. он возглавит правительство в Крыму, а затем уедет в эмиграцию), архангельский губернатор И. В. Сосновский (автор проекта реформы земского хозяйства на Севере). В Архангельское общество изучения Русского Севера вступили художник А. Борисов (летом он обычно жил в Вельске, а зиму проводил в Германии, откуда родом его жена); известный северный кооператор из Вельска А. Е. Маляхов (в 1914 г. стал основателем и руководителем Союза кооперативов Важской области и журнала «Важская область», кото-

рый информировал читателей о кооперативных делах, событиях в России и в мире. С победой большевиков журнал, конечно, был закрыт, а сам Малахов эмигрировал.

Вступали в Архангельское общество изучения Русского Севера петербуржцы. Здесь назовем художника С. Г. Писахова. За то, что в 1918 г. он встречал хлебом-солью иностранных «интервентов», ему при советской власти пришлось «пострадать», правда, гораздо меньше, чем другим членам АОИРС, которые в большинстве были просто-напросто расстреляны. Писахов же дожил до 81 года и, вероятно, был последним из оставшихся в живых членов Общества.

Из этой же плеяды Н. В. Пинегин — участник легендарной экспедиции Г. Седова. В 1920 г. Николай Васильевич бежал от красных в Константинополь, а затем в Берлин. Однако через три года, как и некоторые другие эмигранты, вернулся в Советский Союз, работал в Ленинградском арктическом институте, а в 1935 г., после убийства Кирова, был выслан из Ленинграда. Еще одно имя — К. Ф. Жаков: философ и писатель, первый из представителей коми профессор. После октябрьского переворота он оказался в эмиграции, а труды его в СССР — под запретом.

Северный край был традиционным местом ссылки. Многие ссыльные активно работали в АОИРС. В их числе — Н. Н. Суханов (Гиммер), ставший впоследствии автором первой многотомной истории русской революции. С группой других ссыльных он разработал материалы подворной переписи 1785 г. по Архангельской губернии (см.: Архангельская губерния по статистическому описанию 1785 года. Итоги подворной переписи. Изд-е Архангельского губернского статистического комитета. Архангельск, 1916. Предисловие и введение Ник. Гиммера).

Сосланный в Вологду социал-демократ В. Н. Трапезников опубликовал в «Известиях АОИРС» в 1911 г. свою первую научную работу «Очерк истории Приуралья и Прикамья в эпоху закрепощенья». Вскоре он стал одним из организаторов и руководителей Вологодского общества изучения Северного края.

А в Усть-Сысольске тем временем было создано местное отделение архангельского общества краеведов (в 1917 г. оно выделилось в самостоятельное, а вскоре вошло в состав вологодского).

АОИРС вело среди населения пропаганду за введение земства в губернии. Наиболее страстным приверженцем этой идеи был А. А. Иванов. Еще студентом он стал легендарной личностью. Приезжая сюда в командировки от Академии наук для собрания древностей Севера, он исходил пешком почти всю губернию, имел репутацию святого; неоднократно выступал на общих собраниях Общества с докладами о земстве, опубликовал на эту тему ряд книг.

В 1918 г. АОИРС исполнилось 10 лет. Отмечалась дата 19 августа на собрании членов Общества. Большевики были уже выбиты из Ар-

хангельска — при них провести юбилейное собрание вряд ли бы удалось. Еще бы: Архангельские краеведы выступили с резкой критикой изменнической по отношению к национальным интересам России политики большевистского правительства, заключившего с Финляндией договор, по которому ей уступалась западная часть Мурмана. При АОИРС было даже создано бюро «По охране целостности и жизненности интересов Севера», ставшее центром мобилизации общественности на сопротивление этим планам ленинского правительства. С представителями общественных организаций города члены бюро провели несколько собраний, выпустили воззвания с призывом к населению протестовать против аннексии Мурмана. Была также послана делегация в Москву... Повальные аресты и обыски в Архангельске шли, начиная с весны, и только низвержение власти большевиков 2 августа 1918 г. спасло деятелей Общества от ареста и расстрела чекистами. Однако обыск в помещении бюро большевики все-таки успели провести, они изъяли протоколы заседаний и многие другие материалы.

Всего к 19 августа 1918 г. в Обществе состояло 399 человек. 243 из них проживали в Архангельске.

За десять лет, благодаря инициативе и умению работать, архангельскими краеведами было сделано многое. При Обществе действовали комиссии: земская, родиноведения, комиссия по увековечиванию памяти М. К. Сидорова — золотопромышленника, одного из главных энтузиастов освоения Северного края, жертвовавшего свои капиталы на организацию научных экспедиций (один из членов Общества, А. А. Жилинский, издал о нем книгу).

В 1918 г. Архангельское общество изучения Русского Севера не-сет и первые потери, вызванные большевистским переворотом. Убит Александр Иванович Головин. В сентябре по постановлению губчека расстрелян арестованный еще в июле Яков Петрович Леванидов. Арестован и брошен в тюрьму А. Е. Малахов...

Напомним, что, несмотря на сложные условия гражданской войны, АОИРС удалось выпустить в 1918 и 1920 гг. по 12 номеров своего журнала, а с приходом большевиков Общество было ликвидировано.

В состав его правления на 1919 г. входили А. А. Ануфриев (1862 – 1939) (председатель), В. В. Бартенев и К. Н. Любарский (товарищи председателя), кандидатом в члены правления был С. Н. Городецкий. Последним председателем АОИРС был избран уже при большевиках (март 1920 г.) В. Ф. Држевецкий.

О В. Ф. Држевецком нам пока ничего выяснить не удалось. Что касается Виктора Викторовича Бартенева, то, по сведениям известного ленинградского историка И. С. Книжника-Ветрова, ныне покойного, был он в 1920 г., после прихода Красной Армии в Архангельск, увезен в составе большой группы (250 человек) на остров (возможно, Ельники, где большевики творили расправу над своими противниками)

и расстрелян. Известно, что свою революционную деятельность Бар-тенов начинал в студенческих социал-демократических кружках Петербурга вместе с М. И. Брусневым, Л. Б. Красиным, Р. Э. Клас-соном... Выданный провокатором Окладским, В. В. Бартенов был сос-лан в Обдорск, затем в Псков. К моменту архангельской ссылки эконо-мист и историк Бартенов в своей политической эволюции сильно ушел вправо и придерживался практически кадетских взглядов. Он был близок с М. М. Ковалевским — лидером российского либерализма. В Архангельске при правительстве Н. В. Чайковского Бартенов редак-тировал официальную газету этого правительства, публиковал в ней передовые статьи. Они, видимо, и стали причиной его расстрела. По некоторым данным, за сохранение жизни В. В. Бартенову хлопотал перед Лениным В. А. Классон, но безуспешно.

Касьян Николаевич Любарский (род. 1886) — москвич. По окончании университета приехал в Архангельск. В июле 1920 г., уже при советской власти в должности заведующего секцией музеев и охраны памятников искусства и старины, он был арестован Архангельской ЧК за то, что «в 1918 году при разгрузке на Экономии утопил цель-ный ящик с принадлежностями орудий, а когда пришли французы, то указал, где таковой находится». Следствие длилось семь дней. 30 июля 1920 г. Архангельская губчека вынесла решение: К. Н. Любарского расстрелять.

С. Н. Городецкий, архангельский старожил, кадет, член Временного правительства Северной области, от большевиков ускользнул.

По обвинению в участии в земско-городском совещании в мае 1920 г. был расстрелян Сергей Федорович Гренков, исполнявший одно время (при отсутствии П. Г. Минейко) обязанности председателя общества краеведов.

Умер А. С. Пругавин — уроженец Архангельска, автор подробного описания Шлиссельбургской тюрьмы («В казематах»), знаменитый исследователь русского сектантства; он был также одним из основа-телей партии народных социалистов.

Расправились с Андреем Николаевичем Поповым — библиотекарем АОИРС, который, по словам старейшей жительницы Архангельска Ксении Петровны Гемп, лично хорошо знавшей Попова, был одним из самых крупных знатоков Севера. Попов был арестован Архангельской ЧК вместе с В. В. Бартеновым и еще четырьмя подозреваемыми в марте 1920 г. «за контрреволюционную деятельность». Бартенева расстреляли, а «контрреволюция» библиотекаря А. Н. Попова на расстрел тогда не потянула, но в 1935 г. подходящий случай подвер-нулся. В областной библиотеке к 75-летию А. П. Чехова была устро-ена выставка. Получилось так, что одна из представленных на ней книг — «Революционные силуэты» А. В. Луначарского — оказалась открыта на странице со словами: «Троцкий, конечно, был прав...».

Против научного сотрудника А. Н. Попова, ответственного за выставку, немедленно было возбуждено уголовное дело. При обыске у него нашли «контрреволюционную» литературу, вспомнили, что он активный участник укрепления белогвардейской власти Чайковского на Севере. Еще вспомнили, что при Временном правительстве Северной области был он заместителем редактора «Правительственного вестника», активно сотрудничал в газете социалистов-революционеров «Возрождение Севера», а также вместе с А. А. Ивановым издал «Северный календарь-ежегодник на 1919 год». И вот по обвинению в «контрреволюционной агитации» А. Н. Попов был сослан на три года. Из ГУЛАГа он уже не вернулся...

Аналогична судьба Владимира Николаевича Трапезникова. Принадлежавший к меньшевистскому крылу социал-демократии, он неоднократно арестовывался царской полицией. В 1917—1918 гг. Владимир Николаевич возглавлял в Вологде группу «Единство» (плехановского направления), баллотировался от нее в Учредительное собрание. После того как в 1918 г. М. Кедров издал приказ об аресте «присяжного поверенного» В. Н. Трапезникова, он скрылся в Москву. (В том же году в Вологде была издана его книга «Наш край»). В Москве Трапезников работал юрисконсультom. В феврале 1922 г. за публикацию статьи «Твердые цены в XVII веке» в «Вологодском вестнике народного хозяйства» В. Н. Трапезников был обвинен в контрреволюционной агитации и по постановлению президиума ВЧК сослан в Архангельск. (Постановление утвердил знаменитый чекист И. Уншлихт). В марте 1923 г. он был арестован уже Архангельской ЧК. На этот раз — «за подпольную работу среди членов антисоветских партий, связь с политзаключенными в концлагерях Архангельской губернии и передачу им писем».

По всей видимости, В. Н. Трапезников каким-то образом сумел связать приехавшего в Архангельск представителя комитета помощи политзаключенным, который возглавляла в Москве Е. Пешкова, с узниками Архангельского и Пертоминского концлагерей, в частности, с Борисом Осиповичем Богдановым, хорошим его знакомым еще с 1910 г., когда они вместе отбывали ссылку в Вологде. (Богданов — видный социал-демократ, меньшевик — с февраля и до большевистского переворота 25 октября 1917 г. вместе с Ф. Даном, М. Бройдо, А. Гоцом, М. Либером и В. Филлиповским руководил работой Петроградского Совета). В уголовном деле Трапезникова сохранилась записка Богданову в Пертоминский концлагерь:

«Борис Осипович!

Ваше письмо я получил и все Ваши поручения, как содержащиеся в нем, так и полученные из лагеря, исполнены. Все передано Вашей суп-

руге. По моим сведениям, она собирается приехать сюда и к Вам, но думаю, что немного эту поездку задержит распутица. Пишите, что Вам нужно. Мы все Ваши поручения исполним.

Адрес: Троицкий, 70, кв. 4.

Мой привет.

Владимир Трапезников»¹.

Вещественные доказательства «преступной» деятельности В. Н. Трапезникова, таким образом, у архангельских чекистов были, но арестованного затребовала Москва, а там в мае 1923 г. он был освобожден. Местом жительства «неугодный» избрал Архангельск, где 29 ноября 1924 г. был вновь арестован.

Сохранилась копия телеграммы его жены: «Москва. Кузнецкий мост, 16. Пешковой из Архангельска. Два месяца отказывают свидания. Срочно выхлопочите. Трапезникова».

Далее рукой Е. Пешковой: *«Тов. Андреевой. Прилагая копию полученной телеграммы, прошу разрешить Трапезникову свидание с женой 26 января 1925 года. Е. Пешкова»².*

Хлопоты жены и дочерей помогли. В. Н. Трапезников был освобожден. В том же 1925 г. в журнале «Каторга и ссылка» были опубликованы его воспоминания о революционной деятельности при царизме. В 1937 г. он был арестован органами НКВД в Перми, где тогда жил. Один из свидетелей по его делу заявил следствию: «Трапезникова я знаю как бывшего меньшевика, с его слов враждебно настроенного к советской власти. Причем эта враждебность проявляется в контрреволюционной агитации, направленной на дискредитацию руководства ВКП(б) и Советского правительства. В последних числах ноября в художественной галерее заявил в разговоре о выборах в Верховный Совет Советского Союза: “Всеобщих выборов фактически не будет. Общепартийные выборы фактически превратятся в простое выдвижение кандидатур сверху. Кроме того, масса избирателей ненавидит большевиков и не пойдет на выборы. Все, кто не внесен в списки избирателей в выборах участвовать тоже не будут. Большевики их обманывают, что внесут в списки дополнительно”. Антисоветские высказывания я слышал от него и раньше».

Другой свидетель удостоверил, что В. Н. Трапезников и ряд других лиц возглавляли в Перми контрреволюционное меньшевистское подполье. Сам же «изобличаемый» на единственном допросе, когда следователь заявил: «Вы уличены показаниями», ответил: «Я их отрицаю. Участником революционной организации я не был. Никакой контрреволюционной работы не вел». Единственное, что признал Трапезников, — это то, что «до 1925 г. высказывал контрреволюционные взгляды. В то время я находился в меньшевистском окружении. Но с 1925 г. пересмотрел свое мировоззрение». На этом основании

следователь и написал в обвинительном заключении, что В. Н. Трапезников «признал себя виновным в контрреволюционной агитации».

Арестован Трапезников был 7 декабря 1939 г., а уже 9 декабря (чекисты трудились, не покладая рук) тройка НКВД по Свердловской области заслушала дело по обвинению в том, что он «являлся участником ликвидированной контрреволюционной повстанческой организации в городе Перми, ставившей своей целью свержение советской власти путем вооруженного восстания. Распространял контрреволюционные про-вокационные слухи в отношении неизбежности поражения советской власти в войне. Дискредитировал новую Сталинскую Конституцию и выборы в Верховный Совет, призывая население к отказу от участия в голосовании». Тройка постановила: «Гражданина Трапезникова В. Н. расстрелять. Лично ему принадлежавшее имущество конфисковать».³

Еще раньше, в 1930 г., на этапе в Архангельск от истощения погиб 64-летний писатель и журналист, известный в дореволюционные годы исследователь Севера, уроженец Яренского уезда Иван Алексеевич Шергин. При царизме он неоднократно подвергался аресту. Не раз и при советской власти ЧК препровождала его в свои казематы. В последний раз он был осужден тройкой ОГПУ Северного края по ст. 58—10 на три года. В обвинительном заключении говорилось, что И. А. Шергин распространял «личное недовольство властью через брата Павла» и что в 1929 г. ездил в Москву и в Архангельск, «чтобы передать свои статьи в буржуазную прессу»...

В годы гражданской войны умерли члены АОИРС М. И. Бубновский, И. С. Томилов, В. В. Шипчинский. В 1923 г. скончался отец жены Андрея Андреевича Евдокимова — холмогорский врач И. И. Бобров. Сохранилась фотография, на которой он снят вместе со своим соседом и товарищем холмогорским лесничим Павлом Кутеповым, отчимом А. П. Кутепова, главы РОВСа...

После прихода в Архангельск, помимо уже названных членов АОИРС, большевики расстреляли городского голову Архангельска — А. А. Александрова (1920), члена Государственной думы А. Е. Исупова (1920). Лично, посланцем Ленина на Севере М. С. Кедровым был застрелен П. Г. Минейко. В 1920 г. был расстрелян создатель статистической службы в Архангельске О. И. Антушевич. В Котласе чекисты расстреляли С. Н. Клочкова, члена Усть-Сысольского отделения АОИРС, члена Государственной думы...

Репрессии продолжались и в последующие годы. Известный северный капитан С. И. Бутаков был расстрелян в 1927 г. в Архангельске. В том же году был арестован и сослан в Сибирь архангельский врач, бывший в годы гражданской войны членом Северного правительства Н. В. Чайковского, — Н. В. Мефодиев...

В 30-е гг. в Архангельске расстреляли М. И. Уемлянина (1937), до революции он был редактором газеты кадетского направления «Ар-

хангельск», Г. В. Гувелякена (1938), сына бывшего архангельского головы Вильгельма Гувелякена; С. Н. Пругавина (1938), до революции одно время работавшего в библиотеке Академии наук в Петербурге, одного из бывших лидеров архангельских эсеров...

В архангельской тюрьме во время «следствия» умерли: П. Н. Жернаков (1938), последний редактор «Архангельска», и А. А. Витюгов (1939), дореволюционный журналист, деятель просвещения.

В сыктывкарской тюрьме умер В. П. Налимов.

В Омске расстреляли Н. Н. Суханова-Гиммера (1939).

В Ленинграде был арестован и сослан в Муром первый председатель АОИРС А. Ф. Шидловский. (Он умер в Муроме в 1942 г.).

Отдельной книги заслуживает жизнь А. А. Иванова. В 1917 г. он был избран депутатом Всероссийского Учредительного собрания от Архангельской губернии. После его разгона большевиками, руководил антибольшевистским восстанием крестьян Шенкурского уезда, был министром Северного правительства трех составов. После февраля 1920 г. скрывался в Петрограде под фамилией «Баранов».

В 1924 г. А. А. Иванов был арестован ГПУ и выслан на три года в Казань. В 1932—33 гг. работал заведующим издательством Всесоюзного института растениеводства (ВИР), возглавляемого Н. И. Вавиловым. Написал и опубликовал солидную книгу о Карелии, которую исходил вдоль и поперек еще в юности. В 1933 г. Иванова арестовали по делу «Контрреволюционной эсеровско-народнической ячейки в ВИРе». Виновным он себя ни в чем не признал. Был приговорен к пятилетнему тюремному заключению в политизоляторе города Суздаль. 10 сентября 1937 г. за «контрреволюционные действия в период нахождения в местах лишения свободы одного из зачинателей архангельского североведения Алексея Алексеевича Иванова расстреляли ...

В Москве был расстрелян старейший член АОИРС — директор института Арктики Р. П. Самойлович (1939).

Умер в блокадной ленинградской тюрьме полярный исследователь и профессор ЛГУ Н. В. Розе.

По некоторым данным умер в ссылке во время войны уроженец архангельской земли и учитель Даниила Хармса поэт-заумник А. В. Туфанов. В период гражданской войны в «Известиях АОИРС» он опубликовал ряд ценных статей, ждущих современного републикатора.

После войны умер в пересыльном лагере один из самых знаменитых российских моряков, участник легендарного перехода кораблей из Владивостока в Архангельск в 1913 г. под командованием Бориса Вилькицкого — командир «Вайгача» Петр Новопашенный.

Но не все пошли под чекистское дуло или в лагерную пыль. В эмиграции в Праге оказался член АОИРС, журналист и писатель, родной брат основателя Русского заграничного Исторического Архива в Праге

С. П. Постникова — А. П. Постников. В изгнании он написал роман «Беженка», но опубликовать не успел — умер.

В Праге обосновался и другой член АОИР — А. Ф. Изюмов. Ис-торик и архивист, он стал одним из ведущих сотрудников РЗИА (Рус-ский заграничный исторический архив). Изюмов погиб в Праге в 1950 г. под колесами автомобиля.

В Лондоне жил северный капитан (и единственный друг детства Николая Бердяева, который с теплотой писал о нем в «Самопознании») Н. К. Мукалов.

В Риме — петербургский философ и член АОИРС К. К. Лозина-Лозинский.

В Бельгии — капитан второго ранга Б. А. Нольде.

В США — соратник Б. Вилькицкого и П. Новопашенного Н. А. Транзе.

Успели эмигрировать архангельские деловые люди Р. И. Шер-гольд, М. А. Ульсен, В. В. Гувелякен, А. Э. Фонтейнес (по данным архангелогородца С. М. Гернета, он смог уехать за границу в 1930 г. и умер в Австралии).

В изгнании оказались генерал С. С. Савич и уроженец Мезени, организатор обороны Северного края от большевиков полковник Жилинский. С собой в Норвегию он увез большой архив, который был в сохранности до середины 1980 гг., а теперь, видимо, пропал безвозвратно.

В Лондоне эмигранты из Архангельска создали землячество — «Общество северян», проводившее большую культурную работу. В частности, в трудные для Владимира Набокова дни Общество организовало его приезд в Лондон. Издавалась газета «Русский в Англии».

Под редакцией С. Н. Городецкого готовилось обширное научное исследование по истории Архангельска периода гражданской войны и борьбы с большевиками. Ныне все эти ценнейшие материалы по-гребены в недрах Российского государственного архива на Большой Пироговской улице в Москве...

Что касается социально-политической истории архангельского Се-вера в XX в., то ее должного изучения не было как при Советской вла-сти, так нет и сейчас.

§ 2.

В течение более чем трех лет после прихода в Архангельск Крас-ной Армии в городе не было ни одного научного общества. Но вот 13 мая 1923 г. состоялось организационное собрание нового Ар-хангельского общества краеведения (АОК). Присутствовало 35 чело-век. Председателем Общества стал видный большевик И. В. Боговой

(в 1918 г. именно он руководил подавлением Шенкурского восстания крестьян под руководством учителя М. Ракитина), его заместителем — А. Н. Попов, а секретарем — А. А. Евдокимов.

Авторитет и известность предшественника АОК АОИРС были настолько значительны, что еще и четыре года спустя письма в Архангельск шли на имя АОИРС, а не АОК. А из Москвы персональные приглашения на различные совещания приходили работникам приказавшего долго жить АОИРС...

Новое краеведческое общество тоже быстро принялось за дело. Уже в 1924 г. оно выпустило литературно-художественный сборник «На Северной Двине», в котором А. А. Евдокимов опубликовал две статьи: «Характер колонизатора» и «По реке Пинеге. (Из летних экскурсий краеведов)». Кроме А. А. Евдокимова в сборнике приняли участие бывшие члены АОИРС сказочник Б. В. Шергин с «Северными сказками» и С. Г. Писахов с «Воспоминаниями», а также Андрей Николаевич Попов.

От нового пополнения архангельской ссылки, теперь уже коммунистической, в сборнике выступила со статьей «Искусство и быт Севера» Е. М. Тагер⁴.

В Архангельском областном государственном архиве хранится неопубликованная рукопись А. Н. Попова «Библиография архангельской кооперации за 1920—1927 годы»⁵. Из нее видно, что только по северной кооперации А. А. Евдокимов опубликовал в 1922—27 гг. десятки статей и несколько книг. Среди других авторов на кооперативные темы — будущие подельники А. А. Евдокимова по делу ТКП: Г. М. Кречков, Н. Ф. Плетцов, Г. Суслов, Ф. Ф. Зайцева, А. Ф. Ростиславин. Летом 1925 г. Ростиславин, близкий товарищ А. А. Евдокимова, руководил организованной АОК небольшой экспедицией для обследования крестьянских промыслов мезенско-капинского района для целей кооперативного строительства. Материалы экспедиции, ценные как по фактическому содержанию, так и в методическом отношении, А. Ф. Ростиславин изложил в книге «Промыслы Мезенского побережья» (Архангельск, 1925), к которой А. А. Евдокимов, в качестве секретаря Ассоциации по изучению производительных сил при Архангельском Губплане, написал предисловие.

Когда спустя 10 лет после опубликования работы «На Северной Двине» общество изучения Северного края приступило к составлению коллективного труда по истории Архангельска, А. А. Евдокимов был уже старейшим краеведом Севера. Другими руководителями краеведов являлись: И. А. Перфильев⁶, А. И. Толмачев⁷, профессор А. А. Чернов⁸.

Известно, что перед арестом А. А. Евдокимов работал над книгой по истории Двинской земли XIV—XVI вв.

Еще одна область его научных интересов — ботаника (возможно, это обусловлено постоянной угрозой голода).

Когда, после ареста в 1938 г. его имя надолго было изъято из российской истории, то в таких редких и сугубо профессиональных изданиях, как словарь «Русские ботаники», изданном в Москве за три года до смерти Сталина, можно было прочитать: «Евдокимов Андрей Андреевич. Род. Владимир. 23.IX.1872 — умер. Архангельский краевед. Автор работ о съедобных дикорастущих и новых сельскохозяйственных растениях Севера», и далее следовал список его работ⁹.

А за 22 года до появления «Русских ботаников» в справочном издании «Наука и научные работники СССР» А. А. Евдокимов значился как член Совета Института промышленных изысканий, секретарь ассоциации по изучению производительных сил Севера, ответственный секретарь АОК. Область научных изысканий: северное хозяйство, северная кооперация. Адрес: Архангельск. Банковский переулок. Дом 1.¹⁰ Те же координаты указаны относительно всех трех научных центров Архангельска, в которых работал А. А. Евдокимов, и, надо полагать, вся корреспонденция в их адрес шла на имя Андрея Андреевича. Указаны в этом справочнике научных работников и С. П. Костылев¹¹, и директор Института промышленных изысканий, член правления АОК В. И. Лебедев¹².

Живя в Архангельске, А. А. Евдокимов не мог не заинтересоваться смолокурением. Он изучал процесс сухой перегонки дерева. На эту тему написана одна из архангельских книг Евдокимова — «Лесохимические промыслы на Севере». В 1927 г. он послал один ее экземпляр А. Е. Малахову в Прагу¹³.

АОК, секретарем которого был А. А. Евдокимов, занималось в основном изучением экономики и промыслового хозяйства края. Время расцвета деятельности Общества — 1925—27 гг. Именно в эти годы при архангельском Губплане возникла Ассоциация по изучению производительных сил Севера, а при АОК был организован Институт промышленных изысканий, ставший впоследствии самостоятельным. Все три организации работали в тесном контакте. Статистика, экономика, техника, рационализация, охрана сырьевых запасов, производительные силы народного хозяйства, этнография etc. — вот, чем в то время занимались архангельские краеведы. Политических и общественных тем современности избегали. А реальная жизнь страны и северного края была такова: в 1929 г. началась настоящая война Сталина против крестьянства и ТКП.

В «Архипелаге Гулаг» А. И. Солженицын писал: «Тысячи обвиняемых полностью сознались в принадлежности к ТКП и в своих преступных целях, а всего было “обещано” членов — ДВЕСТИ ТЫСЯЧ. Во главе “партии” значились экономисты-аграрники Ал-др Вас. Чаянов, будущий премьер-министр Н. Д. Кондратьев, Л. Н. Юровский, Макаров, Алексей Дояренко, профессор из Тимирязевки (будущий министр сельского хозяйства <...> и вдруг в одну прекрасную ночь Сталин

передумал <...> и вот была отменена вся ТКП, всем “сознавшимся” предложили отказаться от сделанных признаний (можно себе вообразить их радость!) и вместо этого засудили внесудебным порядком через коллегию ОГПУ небольшую группу Кондратьева — Чайнова. А в 1941 году измученного Вавилова обвинят, что ТКП была, и он-то, Вавилов, тайно ее возглавлял»¹⁴.

К 1932 г. в Северном крае было свыше 60 тыс. ссыльных, около 200 тыс. спецпереселенцев и около 30 000 тыс. заключенных¹⁵. Для сравнения отметим, что в разгар русской революции 1905—1907 гг. в Архангельской губернии находилось 3 709 ссыльных¹⁶.

Динамика нарастания репрессий в крае видна из документов ГПУ:

В 1914 г. в Северном крае было ликвидировано 14 группировок (73 обвиняемых) и 1 073 одиночки; 1930 г. — 117 группировок (893 обвиняемых) и 10 906 одиночек; в 1931 г. ликвидировано 158 группировок (2 348 обвиняемых) и 12 019 одиночек¹⁷.

В Архангельске в 1931 г. была ликвидирована «контрреволюционная вредительская организация ТКП, занимавшаяся вредительством в области сельского хозяйства» в количестве 107 человек¹⁸.

21 сентября 1931 г. председатель ОГПУ В. Р. Менжинский утвердил обвинительное заключение «по делу ЦК контрреволюционной вредительской организации ТКП». К моменту составления обвинительного заключения уже было осуждено:

по делу Московской областной организации ТКП — 68 человек;
Ленинградской — 106;
Северо-Кавказской — 120;
Нижегородской краевой — 24;
Средне-Волжской — 107;
Центрально-Черноземной — 132;
Западной — 174;
Западно-Сибирской — 35;
Крымской — 26;
Уральской — 26;
Украинской — 143;
Ивановской — 96;
Нижне-Волжской — 56.

Всего на периферии по неполным данным в связи с делом ТКП было арестовано 1296 человек.¹⁹

В Центрально-Черноземной области разгромом ТКП руководил начальник секретного отдела управления полномочного представителя ОГПУ по Центрально-Черноземной области — С. С. Дукельский. Уточнение цифры по этой области показало, что по делу ТКП там проходило 779 человек. Осуждено было 547 человек, выделено в особое производство 100 человек.²⁰ Среди арестованных был и профессор

А. Н. Минин, старый кооператор, знакомый А. А. Евдокимова по «Вестнику кооперативных союзов». Восемь человек были расстреляны²¹. В течение второй половины 1930 г. шли аресты по делу ТКП и в Новосибирске. В итоге 4 января 1931 г. местная Коллегия ГПУ осудила 35 известных сибирских ученых-аграрников, составлявших «руководство ТКП». Двоих приговорили к расстрелу. Остальных — к 3—10 годам заключения в концлагере.²² Многие из приговоренных в начале 1930 гг. по «делам» ТКП к отбытию срока в концлагерях были расстреляны в середине 30-х. В Архангельске разгромом ТКП (1931 г.) руководил начальник НКВД по Северному краю Р. И. Ауст-рин, который был полным хозяином огромного края.

В начале 1930-х годов Архангельск превратился, по сути дела, во всесоюзную ссылку. Кто здесь только ни находился: председатель Рыбинского общества краеведения, поэт, переводчик, друг М. Горького А. А. Золотарев; ленинградский скульптор А. С. Комелова; директор Зоологического музея Академии наук А. А. Бялыницкий-Бируля; московский поэт Борис Зубакин; друг А. Блока, поэт и переводчик Владимир Пяст; архиепископ; выдающийся хирург В. Ф. Войно-Ясенецкий; художник-сулутетист Н. А. Фурсей; управляющий делами канцелярии Академии наук Б. Н. Молас; глава Костромского общества краеведения В. И. Смирнов; будущий знаменитый писатель О. В. Волков; литературовед Д. М. Пинес; еще один костромской краевед С. Н. Марков; востоковед И. И. Умняков... И многие, многие другие. Никогда еще столько интеллекта не было сконцентрировано в Архангельске... И уничтожено.

В рассказе о судьбе А. А. Евдокимова будет естественно восстанавливать имена и судьбы хотя бы некоторых из скорбного списка.

В Архангельском краевом музее научным сотрудником работала ссыльная Н. В. Суровцова-Олицкая, ровесница Н. И. Евдокимовой. В 1970-х годах она стала на Украине легендарной личностью. А. И. Солженицын писал о ней в «Архипелаге Гулаг»: «<...> была схвачена в ГПУ и только через четверть столетия еле живую выкарабкалась на Колыме». Поправим Александра Исаевича. Между арестом на Украине, московскими и ярославскими тюрьмами и Колымой Н. В. Суровцова находилась в Архангельской ссылке. Здесь она, имея научную степень доктора философии Венского университета (первая украинка, ставшая доктором философии), работала в краевом музее вместе с В. И. Смирновым, и Б. Н. Моласом. В 1935 г. была арестована.

В архиве Архангельского регионального управления ФСБ сохранилось «Дело украинской контрреволюционной националистической группы в Архангельске» (в 3-х томах). В «Справке на согласование ареста» сообщается: «УКГБ НКВД по Северному краю располагает данными, что отбывающий ссылку в г. Архангельске украинский контрреволюционер» националист, бывший министр внутренних

дел Украинской народной республики Христюк Павел Аникиевич продолжает нелегальную к<онтр>р<еволюционную> деятельность. Совместно с украинским к<онтр>р<еволюционером> националистом Филипповичем Евгением и другими группирует вокруг себя украинский к<онтр>р<еволюционный> элемент и ведет работу по налаживанию связи с к<онтр>р<еволюционным> подпольем. На основании вышеизложенного: Христюк Павел Аникиевич, рожд. 1890, уроженец Кубани, бывший член ЦК УПСР и бывший министр внутренних дел УНР, в 1919 г. вместе с остатками петлюровского правительства бежал в Польшу, откуда в 1923 г. вернулся в УССР, в 1932 г. как активный участник к<онтр>р<еволюционной> организации УНЦ (Украинский национальный центр. — Ю. Д.) осужден к пяти годам заключения в ИТЛ («исправительно-трудовые лагеря». — Ю. Д.). По окончании срока в 1936 г. выслан в Северный край на три года. Работает экономистом Треста ресторанов и кафе. Прожи-вает: Архангельск, Комсомольская ул., дом № 11. Подлежит аресту и привлечению к уголовной ответственности».

По этому «делу» привлечено к суду, помимо Христюка, еще 6 человек:

1. Упомянутый Филиппович Евгений Федорович, 1889 г. р., уро-женец села Стенховка Васильковского района Киевской области. Был в 1932 г. осужден на пять лет ИТЛ по делу УНЦ. После отбытия срока проживал в г. Архангельске.

2. Его брат Филиппович Николай Федорович, также осужденный по делу УНЦ.

3. Оленченко Петр Ефимович, 1898 г. р., уроженец г. Гадяч Харьковской области (ныне Полтавская область. — Ю. Д.), литератор. В 1933 г. по решению тройки ГПУ УССР на три года сослан в Север-ный край, проживал в Архангельске.

4. Цапенко Петр Иванович, 1897 г. р., уроженец села Белянка Харьковской области. Скрылся из Харькова, находился в розыске.

5. Яковлева Александра Павловна, жена П. Е. Оленченко, 1902 г. р. Работала машинисткой в редакции газеты «Правда Севера».

6. Суровцова-Олицкая Надежда Витальевна, 1896 г.р.

Кроме того, были выделены в особое производство дела на «украинского националиста» Степаненко Аркадия Степановича, анархистку Цойриф Дину Исаковну, «троцкистку» Певзнер Зальму Марковну и некоторых других. НКВД придавал большое значение делу украинцев, арестованных в Архангельске. Об этом говорит, в частности, следующий присланный из Москвы документ.

«20 ноября 1936 г.

г. Архангельск. УНКВД, ст. майору госбезопасности тов. Аустрину.

Следствию по ликвидированной группе ссыльных украинских

националистами, в связи с имеющимися у вас данными о террористических намерениях участников группы придаем особое значение. Указанное дело заслуживает самой тщательной и серьезной следственной работы над арестованными, особенно над Христюком и братьями Филипповичами <...>. По имеющимся у нас агентурным данным, в Харькове существует нелегальный комитет помощи заключенным украинцам, и в состав этого комитета входят украинские писатели Панч (Панченко П. И., 1891—1978. — Ю. Д.), Аркадий Любченко и другие, а также артисты Театра им. Шевченко Чистякова и др.<...>» Примечательно, что начинается важность дела с «террористических намерений», а заканчивается фактом взаимопомощи людей, попавших в беду.

Главному обвиняемому по этому делу П. А. Христюку в обвинение ставится не только его прошлая политическая деятельность, но и его труды по истории. Один из «свидетелей» по делу, Федчишин Степан Васильевич, 1899 г. р., уроженец Галиции, имевший высшее педагогическое образование, отбывший три года (1933—36) в лагерях и теперь безработный в г. Архангельске, показал на допросе: «Коснувшись своего пребывания за границей в эмиграции в Вене, Христюк мне рассказал, что оригиналы документов архивов Центральной Рады и других украинских национальных “правительств” он передал на хранение в Вене “верным людям” в Украинском социологическом институте»... Сам подследственный на допросах поясняет, что Христюк, будучи за границей в Вене в 1920—23 гг., написал работу в шести томах под названием «Заметки и материалы к истории революции на Украине», отдал эту работу директору Украинского социологического института в Вене М. Грушевскому, и этот институт напечатал 4 тома еще во время пребывания автора в Вене.

Отметим кстати, что работа Христюка «Социально-политические взгляды украинского писателя Франко» вышла в Харьковском издательстве «Рух» уже после ареста автора под редакцией заведующего «Руха» Бельногого, впоследствии арестованного и осужденного по делу М. Скрыпника.

В театре рабочей молодежи в г. Архангельске артисткой работала ссыльная Варвара Алексеевна Маслюченко (1902—1983, Киев), жена писателя Остапа Вишни, заключенного в Ухтпечлаг.

В 1935 г. Варвара Алексеевна ездила на свидание к мужу. Следствию было известно, что она знакома с Христюком, и усердному следователю пришел на ум вопрос: «Какие поручения вы давали для Остапа Вишни с Маслюченко Варварой?», на что последовал четкий ответ: «Никаких поручений я с Маслюченко для Остапа Вишни не давал».

Обвинение по делу «Украинской <онтр>р<еволюционной> группы» датировано 16 февраля 1937 г. ОСО НКВД вынесло 3 сентября 1937 г. приговор: Христюка и Филипповича Евгения — в лагерь на 8 лет,

Филипповичу Николаю, Н. В. Олицкой, А. П. Яковлевой, П. Е. Оленченко и П. И. Цапенко — 5 лет лагерей.

После XX-го съезда КПСС Президиум Архангельского областного суда решением от 28 февраля 1957 г. отменил этот приговор «за недоказанностью обвинения».

Из материалов дела видно, что Н. В. Суровцова-Олицкая поддерживала хорошие отношения как с местными жителями Архангельска, так и со ссыльными различных направлений. Кроме вышеназванных, среди ее знакомых поименованы ссыльные «троцкисты»: Генрих Гирн, Сима Гуровская, Илья Розенгауз, Белла Хаймовна Эпштейн, Леля Гинзбург, Анатолий Михелевич, Яков Билинkis, С. Фридлянд, Зайцев, Ква-чидзе, Лангер, Качарава, Палатников, эсер Б. Д. Камаков и его жена Евгения, анархист А. В. Уйттенхофен, украинский националист Назар Петренко и его жена Анна. В делах отмечено, что Олицкая носила в тюрьму передачи арестованному в 1933 г. «троцкисту» В. В. Вирапу, бывшему председателю ВСНХ Грузии, она помогала устроиться с жильем П. А. Христюку, а также доктору В. А. Лошкареву, скрипачу, опять же «троцкисту» Познанскому и т. д.

В чекистском документе 1940 г. читаем: «Находясь на жительство в Архангельске Суровцова-Олицкая являлась связующим звеном группы украинских националистов со ссыльными троцкистами, правыми и эсерами. Предоставляла свою квартиру (дом № 23 по ул. Олонечкой, где Олицкая снимала квартиру, не сохранился. — Ю. Д.) для совместных сборищ украинских националистов с правыми и эсерами. Олицкая поддерживала письменную связь с ссыльными троцкистами, находившимися в других местах ссылки, а также оказывала им материальную помощь». Ссыльная, сама с большими трудностями устроившаяся на работу в краеведческий музей, помогала, чем только могла, своим собратьям по несчастью...

С П. А. Христюком Олицкая была знакома с 1916 г. В 1918 г. она, благодаря знанию немецкого, английского и французского языков, работала в Министерстве иностранных дел УНР, заведовала газетно-библиотечным отделом Министерства. В составе делегации Директории была направлена на Версальскую конференцию. В Швейцарии она осталась и весной 1919 г. прибыла в Вену. В Вене она встречалась с П. А. Христюком в Фрислау, венском пригороде, у Мазуренко В. П.²³, который впоследствии был расстрелян в Алма-Ате. Олицкая защитила в Венском университете диссертацию, в 1924 г. она вступила в Ком-партию Австрии. В 1925 г. приехала в СССР. Перевод из членов КПА в члены ВКП(б) не состоялся. В 1927 г. была арестована... Вновь встретилась с П. Христюком уже в Архангельске.

Муж Н. В. Суровцовой Дмитрий Львович Олицкий был родным братом «кадровой эсерки» Е. Л. Олицкой, написавшей «Мои воспоминания» (изданы во Франкфурте-на-Майне в 1971 г.). Он свои первые три

года ссылки получил в 1924 г. в Москве за участие в «контрреволюционной» эсеровской организации». С 1930 г. за «активную контрреволюционную эсеровскую работу» сидел пять лет в «политизоляторе». В 1935 г. сослан в Северный край на три года. В Архангельске он работал техником Госзеленстроя. 14 апреля 1937 г. вновь арестован. В его деле читаем: «Олицкий в 1935 г. прибыл в Архангельск, установил связь с эсеровской контрреволюционной организацией: Камков Б. Д., Юрковский Б. Б., Раснер С. И., Пинес Д. М. Вошел в состав вышеуказанной организации. Поддерживал контрреволюционные связи с украинскими эсерами, председателем ЦК УПСР Петренко Н. А. и др. Помог Камкову установить связь с ссылкой активным социалистом» — контрреволюционером Ерухимович Шолом (в ссылке Красноярского края). Превратил свою квартиру в место контрреволюционных встреч и сборищ. Член ПСР с 1923 г. <...>». То есть набор обвинений — по шаблону. 29 октября 1937 г. тройка НКВД по Архангельской области приговорила Д. Л. Олицкого к расстрелу. 3 ноября 1937 г. его расстреляли.²⁴

Сейчас вряд ли кто помнит упомянутого в деле Д. Л. Олицкого Б. Д. Камкова, а в свое время мировой сенсацией проходившего в 1938 г. в Москве судебного процесса над деятелями «Великого Октября» (во главе с Николаем Бухариным, «любимчиком партии» — так назвал его в своем завещании Ленин) стало появление в качестве свидетеля, казалось бы, давно уже канувшего в Лету лидера разгромленной большевиками еще в июле 1918 г. партии левых эсеров Бориса Камкова...

А началось все летом 1937 г. в Архангельске, когда начальник отделения 4-го отдела УГБ Управления НКВД по Северной области, младший лейтенант государственной безопасности Семенов написал в своем постановлении:

«Следствием установлено, что член ЦК ПЛСР Камков Б. Д., отбывая ссылку в гор. Архангельске, установив контрреволюционные связи с эсеровским подпольем, совместно с другими обвиняемыми по делу в гор. Архангельске, создал контрреволюционную эсеровскую организацию, организовал Северный областной комитет контрреволюционной эсеровской организации».

Как известно, партия левых эсеров в октябре 1917 г. поддержала большевистский переворот. Ряд левых эсеров даже вошел в состав ленинского правительства, но несогласие левых эсеров с «похабным миром», заключенным большевиками в Бресте, привело к разрыву между союзниками, к левозерокомму мятежу 6—7 июля 1918 г. и к запрету партии левых эсеров. Так закончилась эта номинальная двухпартийность в советской России.

Многие эсеры после подавления мятежа были расстреляны, многие отправлены в ссылку, окончательная их «зачистка» началась в 1937 г. Архангельск стал последним кругом для многих деятелей пар-

тии левых эсеров перед их гибелью. Сейчас, когда российские архивы «приоткрылись», можно рассказать о судьбе некоторых из них.

Так, в постановлении, принятом следователем Семеновым и утвержденном начальником управления НКВД по Северной области комиссаром ГБ 3-го ранга Б. А. Баком, перечислено 16 человек, арестованных по делу Б. Камкова. В перечне не только левые эсеры, но и меньшевики, анархисты, беспартийные.

Имена всех арестованных приведены в том порядке, как они перечислены в постановлении следователя:

1. Камков Б. Д., г. р. 1885. Член ЦК ПЛСР, до революции ссылался в Туруханский край. В 1911 г. окончил факультет права и философии Гейдельбергского университета. В 1917 г. — лидер левых эсеров в Петроградском Совете, член Учредительного собрания от Петрограда. Вождь, теоретик и выдающийся оратор партии. С 1923 г. в ссылках и тюрьмах. В Архангельске находился в ссылке с 1933 г. и работал юрис-консультантом в Рыбтресте. Арестован 6 февраля 1937 г.

2. Богачев Яков Терентьевич, г. р. 1889. Уроженец деревни Панфилово, Чебсарского района Северной области. Член ЦК ПЛСР. В Архангельске работал научным сотрудником Северного геолого-треста. Арестован 6 февраля 1937 г.

3. Гельфгот Александр Павлович, г. р. 1887. Уроженец Ростова-на-Дону. Член ЦК ПЛСР. Автор очерка «Корабль смерти». (Опубликован в Берлине в 1922 г.).

4. Юрковский Борис Борисович, г. р. 1903. Уроженец Нижнего Новгорода. В Архангельске работал экономистом Союзтекстильшвей-торга, левый эсер. Арестован 6 февраля 1937 г.

5. Пинес Дмитрий Михайлович, г. р. 1891. Уроженец Москвы. Образование — высшее. Ссылный. Левый эсер. Арестован 6 февраля 1937 г.

6. Луттард Федор Иванович, г. р. 1885. Уроженец г. Митава (Латвия). Левый эсер. Арестован 14 апреля 1937 г.

7. Юрченко Петр Сергеевич, г. р. 1899. Уроженец Гомеля. Анархист. Арестован 14 апреля 1937 г.

8. Волынский Александр Филиппович, г. р. 1911. Уроженец Петербурга. Образование — высшее. Работал инженером картографической фабрики. Беспартийный. Арестован 14 апреля 1937 г.

9. Россик Савва Игнатьевич, г. р. 1902. Уроженец Читы. Член ПСР. Арестован 14 апреля 1937 г.

10. Олицкий Дмитрий Львович, г. р. 1905. Уроженец Курска, образование высшее. Член ПСР. Работал техником Горзеленстроя. Арестован 14 апреля 1937 г.

11. Тарле Александр Давыдович, г. р. 1888. Уроженец Николаева. Меньшевик. Образование — высшее. Арестован 14 апреля 1937 г.

12. Григорьев Рафаил Григорьевич, г. р. 1889. Уроженец г. Радзивилов (Польша). Образование — высшее. Меньшевик. Арестован 14 апреля 1937 г.

13. Красильников Николай Андреевич, г. р. 1906. Уроженец Петербурга. Образование — среднее. Беспартийный. Нигде не работал. Арестован 22 апреля 1937 г.

14. Солдатов Леонид Константинович, г. р. 1888. Уроженец Ир-кутска. Образование — высшее. Член ПСР. Работал научным сотрудником отделения ВНИРО в Архангельске. Арестован 25 апреля 1937 г.

15. Самусев Михаил Сергеевич. Уроженец Климовского района Западной области. Ссылный эсер. Арестован 22 апреля 1937 г.

16. Спиридонов Михаил Александрович, г. р. 1889. Уроженец с. Заборовье Медновского района Калининской области. Ссылный. Член ПСР. Арестован 22 апреля 1937 г.

Обо всех перечисленных, кроме Волынского А. Ф., Красильникова Н. А. и Солдатова Л. К., в постановлении указано: «за активную контрреволюционную деятельность судился и отбывал наказание».

Кроме того, по этому же делу в Ленинграде и Архангельске было арестовано еще семь человек. В том числе жена Д. М. Пинеса Роза Яковлевна Миттельман, бывшая врач-педиатр одной из архангельских больниц. Ее арестовали в Ленинграде и привезли в Архангельскую тюрьму.

Из Ленинграда же доставили жену А. Д. Тарле Е. Я. Богорад, работавшую зубным врачом Центральной поликлиники водников в Архангельске.

По ходу следствия число арестованных разрасталось, как снежный ком. Их доставляли в Архангельск из самых отдаленных мест. В Брянске были арестованы М. Ф. и Е. А. Черенок, в Вологде — И. И. Галкин и А. П. Стружинский, в Ленинграде — А. И. Доброхотова, А. А. Кири-яцкий, Д. Е. Верховская, в Тихвине — М. Я. Богорад, брат уже арестованной Е. Я. Богорад и т. д. (Отметим, кстати, что Александра Ивановна Доброхотова до ареста работала в Ленинграде библиографом. В 1922 г. она была секретарем правления Петроградского книгоиздательства «Колос», готовившего к печати книгу Питирима Сорокина «Голод как фактор». Ее имя встречается в письмах П. А. Сорокина в самом дружеском контексте. Книга Сорокина была запрещена и до сих пор не увидела свет.)

В трехтомном деле мелькают фамилия активного анархиста Н. Я. Футерфаса, бывшего также известным эсперантистом.

Следствие стремилось «забросить невод» как можно шире. Вот фрагмент из стенограммы допроса литературоведа Д. М. Пинеса:

« — Вам предъявляется письмо Иванова-Разумника от 26 декабря 1936 г., где он пишет, что “37 год встречаю без жути, ибо несомненно,

что либо этот год, либо 1938 год — годы мирового перелома”. О чем он вас ориентировал?

— Никакой политической ориентации я в этом не видел, понимая это как его новогоднее ощущение в связи с угрозой мировой войны. Ничего контрреволюционного я в этом не видел.

— Кто такой Чапыгин в Ленинграде, о котором упоминается в вашей переписке с Ивановым-Разумником?

— Это известный писатель-беллетрист в Ленинграде. Знаком я с ним лет 15 назад по литературным делам, происходит он как будто из Каргопольского уезда. Здесь я нашел непохожее на него его фото и послал его Иванову-Разумнику. Поэтому и упоминается в переписке».

Стоит отметить, что старейшему русскому писателю Алексею Павловичу Чапыгину, бытописателю северной деревни, в 1937 г. было около 70 лет. Он был автором знаменитых романов «Степан Разин» и «Гулящие люди». Было издано 7-томное собрание его сочинений, а следователь спрашивает: «Кто такой Чапыгин?» Допрашиваемый не «потянул» за собой Чапыгина, но, кто знает, как сложилась бы судьба писателя, если бы он не умер в том же 1937 г.

В ходе следствия, как и было положено, материалы на некоторых арестованных выделялись в отдельное делопроизводство. Поэтому и расстреливали их в разное время.

М. Я. Богорад, Д. Э. Верховская и А. И. Доброхотова были приговорены к расстрелу тройкой НКВД по Ленинградской области 10 декабря 1937 г., а А. Д. Тарле получил ВМН (высшую меру наказания) в Архангельске на заседании выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР (коллегия в составе печально известных Кандыбина — председателя, Суслина и Колпакова). А. Д. Тарле ни в чем не признал себя виновным.

Стоит сказать, что комиссар ГБ 3-го ранга Б. А. Бак, под руководством которого был начат разгром «Северной контрреволюционной эсеровской организации» в Архангельске, был человеком Ягоды. В 1938 г. первый «чекистский маршал» Генрих Ягода сам очутился на скамье подсудимых и, как Бухарин и многие другие из его жертв, был приговорен к расстрелу. В терроре логики не ищи...²⁵

Один за другим в мясорубке большого террора исчезли и Бак, и следующие за ним руководители Архангельского НКВД.

О постоянном страхе, в котором жили в 1937-ом архангелогородцы, много лет спустя, в период хрущевской «оттепели», писала Л. Китицына, вдова В. И. Смирнова: «1937 год. Шли массовые аресты. Трамваи работали круглые сутки. Ночью возили арестованных. Город очищали от сомнительных элементов.<...> Люди не ложились спать, прислушиваясь, не идут ли? Настроение было такое, что я полтора месяца не мыла пол; зачем, может быть, и жить не придется»²⁶.

6 февраля 1938 г. А. А. Евдокимов был арестован. «Следствие» длилось 2 с половиной года. Все это время Евдокимов сидел в тюрьме на улице Пролеткульта (ныне улица Попова. Здание тюрьмы сохранилось). Обвинительное заключение было подписано 21 мая 1940 г. В нем говорилось: «УГБ УНКВД по Архангельской области вскрыта и ликвидирована антисоветская организация ТКП в г. Архангельске и области, созданная по заданию С. С. Маслова, находящегося за границей, преподавателем Вологодского сельхозинститута Юхневым»²⁷.

Федор Иванович Юхнев 26 апреля 1938 г. на закрытом судебном заседании выездной сессии военной коллегии Верховного суда СССР в Вологде был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. В последнем слове Юхнев заявил, что искренне во всем признался и больше ему добавить нечего. Председателем «суда» был Д. Я. Кан-дыбин, секретарем — И. П. Кондратьев. В те годы эти люди «приговаривали каждые 10 минут других людей к расстрелу»²⁸.

Как чекисты добивались «признаний во всем» хорошо известно от них самих: «Били и допрашивали день и ночь до победы»²⁹.

Первоначально всем десятиарестованным, среди которых был и А. А. Евдокимов, вменялись в вину «антисоветская деятельность и участие в эсеровской организации». Из того же «Обвинительного заключения» приводим данные об участниках «архангельской группы ТКП».

1. Кречков Георгий Михайлович — эсер, бывший член ВКП(б), бывший экономист Архторга.

2. Макаров Николай Александрович — бывший начальник финан-сово-счетного отдела Архоблместпропа. В 1933 г. подверглся аресту НКВД по делу Маслопрома.

3. Плетцов Николай Филиппович — бывший экономист Вологодской конторы «Союззаготовкож». Офицер миллеровской армии.

4. Ростиславин Антон Фирсович — бывший экономист Архангельского облпотребсоюза. Примыкал к эсерам.

5. Евдокимов Андрей Андреевич — бывший научный сотрудник Архангельского Облплана.

6. Суслов Николай Васильевич — эсер, бывший экономист Вологодского Облпотребсоюза.

7. Брюханов Георгий Фомич — эсер, служил в белогвардейской армии Колчака, бухгалтер-ревизор архангельского Облместпрома.

8. Медеников Василий Алексеевич — эсер, бывший управляющий архангельской конторы торгбанка.

9. Бубновский А. Н. — эсер, бывший офицер, экономист Севгосрыбтреста, участник шенкурского контрреволюционного восстания в 1918 г.

10. Петровский Григорий Алексеевич — бывший юрист Росглавплодоовощ, примыкал к эсерам.

По материалам дел «архангельской группы ТКП», Ф. И. Юхнева, жены Г. М. Кречкова Ф. Ф. Зайцевой, а также арестованного «в про-

цессе дела ТКП» (так говорится в чекистском документе) П. А. Жернакова, можно составить представление о создании «дела» и уничтожении остатков старой провинциальной кооперации.

На одном из допросов «до победы» Ф. И. Юхнев показал: «По предложению профессора Деларова³⁰ я вступил в нелегальную контрреволюционную организацию кондратьевского-чаяновского толка. Я создал группы ТКП в Свердловске, Перми и Архангельске. В Перми работал старый эсер Антипин Александр Александрович, мой старый товарищ по школьной скамье. В 1931 году я встретился с ним в Перми и дал задание создать группу, что он и сделал. Архангельскую группу стал создавать в 1933 году, завербовав Зайцеву»³¹.

На другом допросе 25 декабря 1937 г. Ф. И. Юхнев показал: «<...> завербовав старую эсерку Зайцеву, я поставил перед ней задачу: создать в Архангельске группу ТКП из бывших вологодских социалистов-революционеров и сослуживцев Маслова, которые находятся в Архангельске. Она завербовала Ростиславина, Петровского, Плетцова. Связь мою и Союзного центра³² через Гейдана³³ осуществляла Зайцева. Она была знакома с Масловым, Гейданом и женой Гейдана (сестрой Маслова) по совместной работе в кооперативных организациях Вологды в 1915—18 гг. и близка к Маслову по партийной работе как эсерка. В 1928—29 гг. я сообщил Гейдану архангельский адрес Зайцевой. В 1933 г. она привезла мне пакет с директивой Маслова о переходе к террористической деятельности. Она установила связь с Гейданом через капитанов иностранных пароходов, в частности латвийских. Ряд директив Маслова она передала члену “Союзного центра” Бараеву»³⁴.

Сам Ф. И. Юхнев был меньшевиком и старым вологодским кооператором. В 1917—18 гг. он тесно работал с С. С. Масловым в Вологде, а Ф. Ф. Зайцева в 1918 г., когда Маслов был военным министром в Северном правительстве Н. В. Чайковского, выполняла ответственные поручения Маслова по его связям с эсеровским подпольем в Вологде.

Материалы чекистских дел позволили установить дату смерти известного кооператора, эсера Александра Ильича Шевцова (род. в 1889 г. в деревне Обухово Вологодской губернии и уезда). В 1914—18 гг. он был председателем правления Союза Северных кооперативных союзов (Северосоюза), а в 1921—24 гг. заместителем председателя Центросоюза. Он тоже был членом сфабрикованного «Союзного центра». Перед арестом занимал пост замначальника Главсиблеса Нар-комлеса СССР. А. И. Шевцов обладал твердым характером. Имел возможность получить аудиенцию у Сталина или Молотова. Шевцову было поручено выполнение террористического акта. Он был приговорен к высшей мере наказания 21 апреля 1938 г.³⁵

Еще одно знакомое имя: Федор Федорович Кубачин (род. в 1881 г. в селе Шола Белозерского района Вологодской области). На Всерос-

сийском кооперативном съезде в 1918 г. он представлял архангельских кооператоров. Был арестован в феврале 1938 г. в Архангельске, как «участник эсеровской организации». Виновным себя не признал и, если верить чекистской «справке», «умер от порока сердца» 7 июня 1938 г.³⁶

В показаниях другого арестованного — В. А. Меденикова — читаем, что одним из руководителей Московского (Союзного) центра был: «Бессонов Сергей Алексеевич. В 1917 г. вместе с Масловым он руководил вологодскими эсерами. Он пробрался в ВКП(б), был на загранработе. Установил контакт с Масловым и через Шевцова руководил нелегальной деятельностью ТКП в России»³⁷.

Советский торгпред в Берлине С. А. Бессонов в 1938 г. оказался среди подсудимых «Бухаринского процесса», а в сентябре 1941 г. его расстреляли вместе с 170 узниками Орловской тюрьмы...

Что касается А. А. Евдокимова, то он, как и другие члены архангельской ТКП, был «завербован Ф. И. Юхневым, получал от других контрреволюционеров нелегальную ТКПистскую литературу, поступающую от руководителя ТКП Маслова из-за границы, и хранил ее у себя». «Работая преподавателем кооперативных курсов, обвиняемый А. А. Евдокимов, — говорилось в «Обвинительном заключении», — вел среди слушателей антисоветскую агитацию, направленную против политики, проводимой партией в деревне»³⁸.

На всем протяжении следствия А. А. Евдокимов держался твердо. Виновным себя не признал.

Не признал себя виновным и Н. В. Суслов.

Протокол от 28 мая 1938 г. очных ставок А. А. Евдокимова с «подельниками» выглядел так:

Вопрос: «Обвиняемый Кречков, расскажите, что вам известно о контрреволюционной деятельности Евдокимова».

Кречков подробно рассказывает.

Вопрос Евдокимову: «Вы слышали показания Кречкова. Вы подтверждаете о вашем участии в нелегальной деятельности ТКП?»

Ответ: «Отрицаю».

Вводится следующий обвиняемый. И все повторяется. Затем, следует третья и четвертая очные ставки. А. А. Евдокимов отрицает достоверность выбитых пытками у несчастных людей «показаний».

Только однажды на допросе 9 июля 1938 г. А. А. Евдокимов сказал фразу, которая послужила основанием для обвинительного заключения: «Оставаясь на позициях старой эсеровской кооперации, я считал, что политика, проводимая партией в отношении крестьянства, неверна и направлена на разорение крестьянского хозяйства»³⁹.

Так прошло почти два с половиной года. 25 мая 1940 г. помощник прокурора Архангельской области по спецделам рассмотрел следственное дело А. А. Евдокимова и других обвиняемых. В своем «За-

ключении» он писал: «<...> часть обвиняемых в период следствия по делу признали себя виновными, но впоследствии от своих показаний отказались, объясняя это тем, что их признания были вызваны незаконными методами следствия, применяемыми по делу следователями. Обвиняемые А. А. Евдокимов и Суслов Н. В. виновными себя в принадлежности к ТКП не признали»⁴⁰. Помощник прокурора сделал заключение о необходимости направить дело на рассмотрение Особого Совещания (ОСО).

В итоге 11 июня 1940 г. ОСО при НКВД СССР осудило А. А. Евдокимова к высылке в Красноярский край на 5 лет, с зачетом двух с половиной лет, проведенных А. А. Евдокимовым в архангельской тюрьме. Другие обвиняемые получили тоже по 5 лет, за исключением Г. М. Кречкова и Н. П. Плетцова, которым дали по 8 лет. Из подельников А. А. Евдокимова нам известна только судьба А. Ф. Ростиславина. Старый вологодский кооператор умер в 1953 г. в карандинском лагере.

В заключение приведем еще два документа.

«В ЦК ВКП(б)

Комиссия г. Жданова

Копия Архан. обл. прокурору

Н. И. Евдокимовой,

живущей в Архангельске,

Петроградский пр., д. 212, кв. 1

Жалоба

Мой муж Андрей Андреевич Евдокимов арестован 6 февраля 1938 г. органом УНКВД по Архангельской области.

Прошло 27 месяцев предварительного следствия. За это время дело мужа в общем деле ТКП прошло следующие стадии: 1) следствие, 2) направление на Военную коллегия и возвращение, 3) опять следствие, 4) направление в Архан. обл. суд и опять возвращение, 5) еще раз следствие и направление в 1939 году на Особое Совещание при НКВД СССР, 6) снова возвращение в феврале 1940 г. и 7) снова следствие.

За весь этот круговой период дело претерпело значительные изменения и по существу: 1) снят п. 8-й и 2) основной обвиняющий мужа, свидетель Кречков, тоже обвиняемый по этому делу, отказался от своей вынужденной в первый период следствия выдумки. На мои обращения в 1940 г. к Арх. обл. прокурору и заместителю поспешделам Котову в марте я получила ответ, что дело будет решено в конце марта, а в апреле они же заверили меня, что дело обязательно будет закончено и решено в конце апреля.

“Это дело должно быть кончено в апреле, дальше откладывать нельз-зя”, — весьма авторитетным тоном заявил мне сам облпрокурор. Но в конце апреля прок. Котов счел необходимым в разговоре со мной добавить: “... если они (следствие) не успеют, то что же поделаешь”...

В результате этого разговора Котов, оправдывая безмерно затянувшееся следствие, бросил мне фразу: “... они (обвиняемые) наптели друг на друга, а мы вот распутываем, вам хорошо рассуждать”. На мое замечание, что так хорошо, хоть подыхай да в землю ложись, прок. Котов отвечал: “Мы на это вас не пихаем, а удерживать тоже не будем”.

Следовательно, прокуратура уже не находит нужным скрывать, что дело создалось в результате того, что привлеченные плели друг на друга. Но поскольку и прокуратура пришла, наконец, к такому выводу, то тем более она обязана воздействовать на следствие таким образом, чтобы немедленно покончить с этим одиозным делом и освободить 67-летнего старика Евдокимова, арестованного на основании выдумок Кречкова и Жернакова⁴¹, от которых первый отказался, а второй умер в тюрьме, м<ожет> б<ыть>, не успев отказаться от своей фантазии.

Однако Арх. облпрокуратура, видимо, считает, что по Архангельской области действуют иные, неписанные законы, что 27 мес. предварительного следствия — не предел и... окончание дела отсрочено еще раз (который по счету) на полмесяца — до 15 мая. Но какое может быть доверие к этому новому обещанию (на 15/V) людей, которые настолько запутались с этим делом, что лепечут жалкие фразы о том, что обвиняемые *плели*. Убеждая меня в том, что объективность, добросовестность и всесторонность следствия и прокурорского надзора теперь обеспечены, облпрокурор Саравайский сказал, что те, кто да-вал санкцию на арест отстранены, не работают. Но даже и в этом облпрокурор не оказался правдивым, т. к. б<ывший> прокурор по спецделам, пресловутый Тяпкин, благополучно продолжает работать прокурором.

Будучи в итоге всего этого, твердо уверена, что и последний срок (15/V) выдержан не будет, что архангельские работники без вмеша-тельства опытного и добросовестного акушера не смогут разрешить-ся от бремени этого дела, потеряв всякую надежду на объективное отношение к делу, которое они квалифицировали по п. 8 ст. 58, на-правляли в облсуд, потом в ОСО, надеясь, что приговор избавит их от необходимости расследовать, кто, что и почему наплел — одним сло-вом, не питая никакого доверия к обещаниям Архоблпрокурора и его зам. по спецделам, я решила обратиться в ЦК ВКП(б) с настоящей жалобой на Архоблпрокуратуру, в результате бездеятельности которой или попустительства мой муж А. А. Евдокимов сидит 3-й год, не совер-шив никакого преступления.

Твердо верю, что партия Ленина-Сталина крепко стоит за всех вместе и за каждого в отдельности полезного советского работника и не поощряет тех, кто игнорирует советские законы, прошу проверить работу и работников Архоблпрокуратуры и всемерно ускорить надлежащее расследование дела моего мужа, а также и решение, сохранив за ним право защиты в суде, предоставленные ему Великой Сталинской Конституцией.

Не откажите сообщить о Вашем решении и уведомить о получении сего.

7 мая 1940 г.

Адрес: Архангельск, Петроградский пр., д. 212, кв. 1. Надежде Ивановне Евдокимовой»⁴².

«Председателю Особ. Сов. при НКВД СССР

г-ки

Евдокимовой Н. И.

Заявление

Обращаюсь к Вам с просьбой, пересылаемую мной с этим заявлением жалобу приложить к делу моего мужа Евдокимова А. А, так как за этот период времени, когда жалоба была послана мною в ЦК ВКП(б) и оттуда через прокурора РСФСР т. Волина вернулась в Архангельск к облпрокурору — дело моего мужа Андрея Андреевича Евдокимова Архан. облпрокуратурой направлено снова на Особ. Сов. в Москву и в данное время должно быть у Вас.

Настоящее к Вам обращение вызвано следующей причиной:

31 мая 1940 г. я добилась приема нач-ком УНКВД по Арх. обл., которому и вручила жалобу, приложенную здесь в копии и получила от него заверение, что жалоба будет отправлена в Москву для приобщения к делу. Но оказалось, что принята была не нач-ком, а другим работником, фамилию и положение которого я не знаю. 4 июня 1940 г. я была вызвана следователем Калининским⁴³ и допрошена: как и от кого я узнала факты, изложенные в жалобе, которая оказалась пришитой к какому-то делу. Вопросов по существу жалобы мне не задали. Таким образом, я убедилась, что жалобу мою никуда не пошлют и поэтому оказалась вынужденной послать копию и настоящее заявление.

Не откажите подтвердить получение сего и уведомить о Вашем решении.

9 июня 1940 г.

Н. Евдокимова

Глава 6.

БОЛЬШАЯ МУРТА

До июля 1940 г. А. А. Евдокимов еще находился в Архангельской тюрьме. О последних месяцах его жизни мы имеем бесценный источник — собственные письма А. А. Евдокимова к жене и дочери Людмиле¹, их ответные письма ему и ряд писем, полученных женой и дочерью.

А. А. Евдокимова после его смерти от ссыльных из села Большая Мурта. Мы публикуем эти документы, два письма Ф. А. Кондратьева к Н. И. Евдокимовой и ряд других материалов А. А. Евдокимова, в качестве последней главы книги. Они красноречивы и говорят сами за себя.

I

Почтовая открытка

Дорогие Надя и Люда!

Итак, я поселился в селе Большая Мурта Красноярского края. Дышу воздухом и рад лету. Предстоит пора трудных месяцев, пока освоюсь с работой. Прошу вас, если возможно, выслать мне телеграфом пятьдесят рублей по адресу: село Большая Мурта Красноярского края Андрею Андреевичу Евдокимову (до востребования). По этому же адресу пишите письма.

Привет бабушке.

А. Евдокимов

1940. Июля 20.

II

Почтовая открытка

Дорогие Надя и Люда!

Обстоятельства таковы, что нужно мне экстренно помочь. Если можно, продали бы книги мои. <...>

1940 г. Июля 21-го.

III

*Председателю Райисполкома Большая Мурта
от Евдокимова Андрея*

Андреевича

Заявление

Прошу предоставить мне право произвести литературную работу “Описание Больше-Муртинского района”. Хочу быть полезен. <...> Работал 8 лет в Архангельском облплане научным сотрудником. <...>

по себе уже дает п р а в о на некоторое содействие <...>.

Андрей Евдокимов

1940 г. Июля 22-го.

IV

Почтовая открытка

Дорогие Надя и Люда!

Я желал бы получить от вас почтовыми посылками следующие предметы:

1. Белье — 2 пары.
2. Рыболов. снастей: лески, крючки, грузила, поплавки.
3. 2 пачки махорки.
4. 2 тетради.
5. 12 конвертов.
6. 6 листов бумаги.
7. (неразборчиво. — Ю. Д.)
8. Кило сухарей любого цвета.

Самый существенный вопрос для меня относительно пенсии или пособия. Сходите в отдел социального обеспечения и узнайте, что скажут о переводе моей пенсии в Красноярский край. Посоветуйтесь с юристами. Надеюсь, вы получили мою просьбу выслать т е л е г р а м м о й д о в о с т р е б о в а н и я пятьдесят рублей по адресу:

Большая Мурта Красноярского края Андрею Андреевичу Евдокимову.

А. Евдокимов

1940 г. Июля 23-го.

V

Почтовая открытка

Архангельск

Краевой музей

Директору музея

Я потерял связь со своей семьей. Убедительно прошу сотрудников музея сообщить мне адрес Н. И. Евдокимовой и переслать ей мой адрес <...>.

А. Евдокимов

1940. Августа 1-го.

VI

Почтовая открытка

Дорогие Надя и Люда. Сегодня получил перевод. Спасибо. Я стал уже беспокоиться что с вами. Пишите. Как Люда? Как бабушка? Очень обрадован, что нашел связь. Худого со мной ничего нет.

Потом расскажу подробнее.

А. Евдокимов

1940 г. Августа 3-го.

VII

Почтовая открытка

*<...> Я хоть и нездоров, но поправляюсь. Лечусь воздухом и светом.
Провожу время на речке.*

Привет. А. Евдокимов

1940 г. Авг. 5-го.

VIII

Почтовая открытка

Я думаю уже о работе <...>. При случае спроси в издательстве не дадут ли мне работу. Я мог бы предложить:

1. "Северный жемчуг". 2. История Двинской земли.

1940. Августа 6-го.

IX

Б. Мурта. 6-го августа.

Дорогие моя Надя, Люда и бабушка. Сегодня достал конверты и пишу подробнее. С того времени, как начались мои несчастья, да и теперь, все же важный вопрос, как пережить все это. Дело не в том, что не хочется умирать. После тех радостей, коих я хватил достаточно, смерть вовсе не так страшна. Большое удовлетворение в том, что морально я сам себя не обидел. Дорогие мои! Хорошо сказано у Шекспира:

*"В семнадцать лет как счастья не искать,
а в семьдесят поздненько начинать".*

Хорошо сказано и у Шиллера:

*"Все мои желанья унесет безвестный ток забвенья —
сμοется, но не любовь!"*

<...> Итак, я живу в 100 километрах от Красноярска, в 20 километрах от реки Енисея. Это граница Западной Сибири с Восточной Сибирью.

<...> Думаю, что месяцев через 5 — 6 вам можно будет возбудить ходатайство о взятии меня на поруки <...>. У меня есть изумительная перспектива в городе Енисейске. Это посевнее и погуще, но там, наверное, хорошая библиотека, а здесь слабо. А ведь мне книги как хлеб и табак <...>. Временно у нас дают хлеб только служащим и ра-бочим. <...> В данный сезон — природа такая же, как и в Архангельске. Речка Б. Мурта — похожа на Кехту <...>. Енисея я еще не видел. В Красноярске не удалось походить. Первое время после "бездействия" чувствовал себя физически разбитым и решил пожить растительной

жизнью. Сидеть на бережку и смотреть на поплавок; благо у меня к этому способность есть. Для физической работы я пока не способен. Служащих здесь и без меня хватает. Худо было без связи с вами. Но теперь ожил духом. Во всяком случае, жаловаться на судьбу и плакать всегда успеется.

Х

14 августа 1940 г.

Только сегодня наконец получил ваше первое письмо. Итак, 24 дня понадобилось для обмена письмами. Значит, далеченько разбежались. Я почти уверен, что Большая Мурта не является местом моего прикрепления. В Красноярске мне, как и прочим, предлагали выбрать из 14 районов края любой <...>. В Мурту нас отправляли бесплатно, а так как денег у меня не было, то я как бы и выбрал ее. Мурта — село небольших размеров. Нашего брата здесь порядочно, а потому квартир нет, канцелярии укомплектованы <...>. Теперь вообще по поводу твоих мыслей. Надя, о перспективах с моей колокольни, а я полагаю, что имею некоторое право на колокольню, выходит вот что. До весны никаких подвижек не делать. Поездка в Красноярск стоит примерно 400 рублей, а что она даст — это вопрос. Тогда как для меня на зиму нужен гарантийный фонд по 100 рублей в месяц, то есть рублей 700 — иначе я содохну <...>. Мне надо 100 рублей в месяц, чтобы не стать с сумкой под окнами. Вообще в Мурту лишнего не посылать. Багаж для меня убийство. В начале сентября все наши думают перебраться в Енисейск <...>. Коренной вопрос — литературная работа. Ее надо искать в Архангельске, Москве, Ленинграде. Об этом буду писать вам, без вашей помощи дела не освоишь. В моем архиве ничего особенного ценного нет, так что вы не очень о нем беспокоитесь.

В Красноярском крае надо полгода пожить, чтобы о нем писать что-нибудь. Я ведь халтурить не мастер. Итак, мое положение трудное. Я сейчас исключительно рыбачу. Библиотека закрыта до сентября. Читать нечего, кроме газет. Но я рыбачу с остервенением. За 12 часов 12 маленьких рыбок и в твоей кружке варю уху. Эта моя страстишка — как она мне пригодилась

ХІ

17 авг. 1940. Милая моя Людонька!

Я жду от тебя подробного письма о твоей учебе <...>.

Любишь ли ты Пушкина? Я в последние годы так полюбил его, с ним как и советовался. Он ведь живой — наш Пушкин. И за сто лет после смерти не стареет. Какой он мудрый, простодушный, ласковый и по-смешник остроумнейший. Из книг, прочитанных мною за последнее время, очень рекомендую тебе “Эстетику” Гегеля. Ты знаешь, детка, я очень ценил Гегеля и его диалектику. Как образ человека Гегель для

меня, конечно, не Пушкин, не Л. Н. Толстой и не Сократ. Любопытную книжку прочел я. Повесть. Название “В немецкой слободе”² — сиречь в Архангельске. История жизни советского музыканта. Я думаю, тебе было бы любопытно прочесть. <...> Пишите мне письма до востребования. Легче получить с почты. Нет бумаги.

XII

17 авг. 1940 г. Наденька!

В дополнение к моему последнему письму скажу вот что. Надо использовать ближайшие месяцы в том направлении, чтобы мне вернуться в Европейскую Россию. Я буду писать ходатайства. Полагаю, и тебе было бы уместно ходатайствовать перед наркомом Внут-ренних Дел в таком роде. Не касаясь дела и приговора, сказать: “мой муж 68 лет, дряхлый старик, без работы, дочь учится. Предполагаю поселиться на родине мужа в г. Владимире на Клязьме. Желая взять мужа на поруки”.

Я предполагаю в начале сентября выехать в Енисейск <...>. В Мур-те мне не прожить <...>. Ты извини, что я так грубо требую 100 руб-лей в месяц. Надо понимать, если это возможно. Посмотрю, что за Енисейск <...>. Думаю о работе. Прошу тебя навести справки: 1) во что обходится пересылка книг бандеролью; 2) какие есть издания “Илиады” Гомера, что стоит. Нельзя ли получить на время; 3) книга профессора Жадина в издании Академии Наук <...>. Книга называется “Моллюски”³; 4) нет ли изданий новых по археологии Архангельской области.

XIII

Почтовая открытка

22 авг. 1940 г.

Наденька!

Только вчера получил твою открытку от 8-го, посылки все твои. Вот как плохо налажена у нас связь. Ты все еще живешь своими мыслями о поездке. Я категорически против. На твою долю пала очередь прокормить нас в трудное время. Иначе все будет плохо.

XIV

Авг. 28-го 1940 г.

В больнице за два года я был раза четыре. Ничего у меня определен-ного врачи не находят. Легкие в порядке. Временами болит спина, но, очевидно, это старческое. Возраст, но вот сегодня ходил за три кило-метра на рыбалку и чувствую, что для меня это много. А ведь не так давно я 40 километров за два дня шлепал. При таком состоянии вряд ли кто меня на работу наймет. Откровенно говоря, для меня теперь

просто высидеть на стуле 8 часов подряд — мучение. Я согласен снова идти в условия 1939 года. Вовсе не так плохо было, как вы думаете. 39-й год вовсе для меня не был трудным. Я был беспечным. Я люблю быть беспечным. Я избираю самое легкое. Литературную работу дома. Не продается вдохновение, но можно рукопись продать. Здесь мне нужна ваша помощь. Помощь справками, книгами и в быте продуктами. В отношении книг, возможно, поможет мне Красноярская краевая библиотека. Но справки нужны <...>, копите для меня бумагу <...>. Как я устроился? Да пока никак. Я еще не просил о переводе в Енисейск. И потому не знаю, где буду жить зиму. Здесь уже пахнет осенью — сурово. Наденька, давай подождем с Сибирью. На-прасно ты себя расстраиваешь. Возьми себя в руки, сожми пальцы и стисни зубы. Надо подчиниться необходимости “Что действительно, то разумно”. Я получил от Федора Алексеевича из Харькова 50 рублей. Пока я обращался за помощью к нему одному. Но я должен вам признаться, что я попрошу у каждого, кто может помочь. Я и кусок хлеба, и сигарку махорки могу просить с наивностью старой цыганки. Я этих талантов у себя не подозревал.

У Шолом-Алейхема есть рассказ под заголовком — “Я сирота — мне хорошо”.

Я говорю — “Я старик, мне хорошо”. Более сорока лет я платил взносы профессиональные, страховые, взаимопомощи. Я не копил, не берег для старости. И я считаю себя заслуженным нищим. Потомственный, почетный нищий, ибо и мать моя в случае нужды просила хлеба, но и сама помогала бедному. Вы не поверите, что сие связано с моими философскими взглядами. Но это так. В моем возрасте предки принимали схику. Но я этого не достоин. Боюсь, что я вас расстраиваю вместо того, чтобы успокоить. Потому кончаю на сей раз. Когда устроюсь с вашей помощью, буду писать веселее. Я уже начал петь песни.

XV

31 августа 1940 г.

Я понял из телеграммы, вы мне советуете ориентироваться на город Ачинск. Но дело в том, что в южные районы ссыльных не пускают. Подумаю. Может быть, останусь в Мурте. Теперь вы меня более или менее устроили месяца на два. Отдыхайте от забот обо мне. Ф. А. Кондратьев прислал мне ласковое письмо. Он имеет целое поколение детей и внучат. Но болен и жена больна. Два года уже он живет на пенсии. Сегодня у нас идет осенний дождь. На рыбалку не ходил и, види-мо, не пойду. Перехожу на литературную работу. Пишу для вас рассказ:

Случай на рыбалке

Иван Петрович Бушперов копал червей на большой поляне, между огородами. Иван Петрович — старичок лет под семьдесят.

<...>

Теперь я буду надоедать вам по части справок для литературной работы:

1. Беломорские стоянки. Археология Северных областей: Двина, Печора, Обь, Онега, Мурман, Карелия.

Московский исторический музей собрал много материалов о каргопольщине. Что в последние годы опубликовано?

2. Что нового о северном жемчуге?

3. "Геология СССР. Северный край." — такая книга давно гото-вилась к печати. Вышла ли? Она мне крайне необходима.

Ту литературу, о которой ты пишешь, я легко могу достать здесь. Не стоишь и посылать. Собственно, мне следовало бы заняться историей Красноярского края, но здесь вся штука — как добыть книги. Вот почему меня привлекает Енисейск, где должна же быть литература. Хорошо бы иметь знакомство в Красноярске, чтобы кто-нибудь помог в выборе и доставке книг. Это на всякий случай. Когда-то жил в Красноярске Толмачев⁴. Он, верно, знает библиографию края.

Ну, пока. Будьте здоровы.

XVI

Б. Мурта. 9-го сент. 1940 г.

Дорогие мои Надя и Люда! Получил вашу посылку. Очень доволен. Можно сказать — полпуда здоровья прибыло.

Людонька! Сердце мое! Почему обида на папку? Не писал тебе об этих делах лично, потому что упор делаю на маму. Ты пока в стороне. Надо сделать все от нас зависящее, чтобы не затронуть течение тво-ей жизни, не исказить его. Но если бы мы оказались не в силах, тогда бы и к тебе обратился и может решил-ся попросить: прерви свою уче-бу и вложи свой заработок <...>. Но значит ли, что я тебя не люблю и не жалею! Бог мой!

Позабуду я мрачные силы,

что терзая губили меня.

Образ милый и образ любимый

Не забуду тебя никогда.

<...> Так, например, в отношении справок для литературной рабо-ты, может быть, кое-что могла бы сделать в помощь маме: сходить к кому-нибудь по ее поручению, молодежи много доступно <...>. В этих трудных обстоятельствах надо отбросить обычную замкнутость и искать помощь добрых людей. Твое последнее письмо, Надя, как-будто имеет уклон в эту сторону. Действительно, я лишился заработка, пен-сии и до сего дня и хлеба. В этом положении естественно просить помо-щи. Помогал ли я в прошлом другим людям? Да — помогал. Самое прием-лемое, конечно, помощь заработком. Но это в данных обстоятельствах явление не частое. В силу этого, я принимаю денежную помощь <...>.

Поэтому, Наденька, ты так и считай, что я помощи прошу, и, если согласна, обращайся от моего имени. Существует ли Красный Крест для нашего брата — интересно бы знать относительно литературной работы. Надо быть активнее и не смущаться отказами. Вообще надо с обращениями о помощи привыкнуть к тому, что 50% откажут, 20% — не ответят, 10% — забудут, 10% — посочувствуют, 5% обидятся и, может быть, 5% помогут. Но это последнее только и важно. И я просил бы тебя, Надя, когда имеешь случай попросить помощи, сделай это прямо. Пока ты напишешь мне, да пока я напишу кому-то — два месяца пройдет. Так что я хотел бы от тебя в этом направлении побольше инициативы и самостоятельности. Я понимаю, что это тебе и непривычно и, должно быть, даже противно. Но что поделаешь, мне и самому тяжело писать такие вещи, а куда деваться? Из книг, о которых я хотел бы справок, мне интересно бы узнать, нет ли чего наиболее современного о ледниковом периоде четвертичного времени.

Постарайся узнать адрес Ивана Петровича Савватьевского, сотрудника Института рыбного хозяйства. Может быть, он будет в Архангельске — постарайся повидать и спроси про мое положение. Может быть, в Архангельске бывает профессор А. А. Чернов⁵ — попроси о литературной работе для меня. Может, он достанет для меня книгу “Геология СССР. Северный край”. Вышла ли книга “Белое море” — гидрометеорологического института? Это можно узнать в гидрометслужбе. Эту книгу хотел особенно прочесть. <...> Выходит ли журнал “Хозяйство Севера”. Хорошо бы знать, какие статьи по интересующим меня темам там появились за эти годы. Может быть, тебе удастся узнать адрес Александра Ив. Зубкова, сотрудника Арктического института.

В Москве не знает ли кто научного работника — Льва Леонидовича Балашова⁶.

В Москве в редакции сочинений Толстого Л. Н. работает один из редакторов Мурашов — имя и отчество найдешь в списке редакторов. Напиши ему о моем положении <...>. Еще можно бы написать в Москву через Союз писателей Сергею Григорьевичу Григорьеву. Если будешь им писать, давай свой адрес. Через тебя удобнее оказывать помощь. <...> 2 1/2 года надо исключить из наших разговоров. Зимой ты живешь в Архангельске <...>.

Пока не приобрету прочный адрес, ни вещей, ни книг не посылай.

<...> Брошюру В. И. Смирнова приобрести.

Почти у всех здесь хлеб имеется. Я попал в особое положение.

На сухари, конечно, ничего не сменяешь, но мне они нужны. Выменять хлеб можно на вещи, но лишних пока у меня нет. <...>

Не трать нервы на запутанные планы. Зима — не вечность. Надо к весне быть здоровым и на своих ногах.

Ну, будьте здоровы. Привет бабушке, Саше и Оле.

Здоровье мое заметно улучшается.

XVII

12 сент. 1940 г.

Милая Наденька!

Как бы я желал, чтобы наша переписка была менее нервной, более деловой и спокойной. Мы из тех людей, которые сами себя мучают и часто без большой надобности в этом. Поэтому надо себя сдерживать. Я все еще не получил разрешение на переселение в Енисейск. Ты уже, конечно, учла, что южные районы для меня закрыты, и тебе не следует тратить время на переписку с ними. В самом деле? Если ты будешь жить в Ачинске, а Люда в Архангельске, а я в Мурте, хуже или лучше будет? Думается, для всех хуже. Что касается Мурты, то здесь за 200 руб. в месяц работают люди с дипломами высших учебных заведений. Так что оставь свои планы до весны, а там видно будет. <...> В Енисейск меня влечет библиотека, река Енисей, и, может быть, легче будет с хлебом. Сейчас для меня это большой вопрос. За всю долгую жизнь без хлеба не бывал. Думаю, все же дадут мне хлеб. А пока что посылай сухарики и табачок. Табачок копи для случая и бумагу копи. Хотя я ничего не пишу пока, кроме писем. Но ведь налажусь же на какую-нибудь тему. Не забывай про справки. Узнай в Архангельске ли инженер Наливайко Георгий Яковлевич⁷. Если можешь, побывай у него и расскажи о моем положении. Ты как-то ничего почти не отвечаешь на мои вопросы. Ты пиши поконкретнее, а не вообще.

Мне думается, что ты могла бы литературные работы искать на свое имя, а я тебе помогу обработать. Подумай. Так удобнее. У тебя могут быть темы, связанные с твоей работой.

XVIII

12 сент. 1940.

Милая Людонька!

<...> И, конечно, еще ближе мне твое устремление к истории музыки. Поэзия, музыка, философия, живопись, скульптура, так нуждаются в популяризации среди многих людей, что эту работу трудно переоценить. Я до сих пор мечтаю о такой работе. Как бы она скрасила мою старость.

Будет досуг — пиши мне, что ты читаешь. Сейчас у меня на столе книжка “Новый мир” 1940 г. № 7. Две статьи о Чайковском. Только начал читать. Очень интересно. Как я мало знаю по истории музыки! В последние годы прочел одну хорошую книгу о Мусоргском. Это мой любимый композитор. Из историков музыки я большое уважение питаю к Ромен Ролану. <...> У меня есть замысел пересказать Илиаду Гомера как сказку для рассказывания. Действительно ли это нужно, — вот вопрос. Если бы дали заказ. Я сейчас как Буриданов осел от темы к теме, в мыслях брожу, а ни за что еще не принял в плотную.

XIX

16-го сент. Б. Мурта

Из Москвы получил отказ на ходатайство о пенсии. Теперь надо просить амнистии. Тем больший упор надо сделать на литературную работу. Обдумай мое желание, чтобы ты брала работу в какой-то части на себя. Это удобнее. Если знаешь каких краеведов в Москве, напиши свое предложение о жемчуге. “Северный жемчуг” — книжку профессора Жадина — ищи. Наверное, она вышла. Не было ли чего о жемчуге в журнале “Природа”. Не сердись. Оставим общие рассуждения — охи и вздохи, и будем толковать о деле. Будет легче. Все же ничего убийственного в нашем положении нет. Важно не потерять “дух”. Я иногда впадаю в меланхолию, но стараюсь сохранять хладнокровие. Важно здоровье, а я заметно становлюсь здоровее. Беда в том — расходую на пищу больше, чем предполагалось. Все из-за хлеба. Ну, будьте здоровы.

XX

25 сент. 1940.

Дорогие Надя, Люда. Сейчас послал вам телеграмму “остаюсь в Мурте”. Принял решение и успокоился. Думаю так. Если вы будете здоровы и благополучны, то и я зиму проживу, может, и без пользы и в ущерб вам. Живем мы три старика в комнатуйечке, хозяйка — вдова — у нее двое ребят и двое маленьких внучат. <...> Живем мирно. В кухне еще один квартирант. <...> Все квартиранты, кроме меня, работают. Поэтому я днем один — могу философствовать, сколь душе угодно. <...> Хлеб и табак — узкие места у меня. А посему прошу не забывать: с у х а р и, т а б а к, б у м а г а. Б у м а г а, т а б а к, с у х а-ри. Денег у меня, должно быть, хватит до 15 октября, поймите в виду. За квартиру пока плачу 100 рублей в месяц. На дрова, может быть, пятерку добавят. Вчера у нас выпал снег, и на полдня пейзаж стал зимним. Вообще: осень, грязно, сыро, неприветливо. <...> Даже в Мурте если бы мы трое жили вместе, то голодными бы не были. Итак, до весны на своих местах. Сухари, бумага и табачок. Вы спрашиваете относительно квартиры. Вам виднее. Что касается меня, то я желаю жить с вами, но не в Архангельске. В Архангельск меня совсем не тянет. Помнится “друзей клевета ядовитая”. Относительно книг: мне обещали здесь абонемент из Красноярска, а там, кажется, большая библиотека. Так что надежда есть. Книги по списку Смирнова продай. Из журнала — “Хозяйство Севера” вырежь мои статьи о жемчуге (неразборчиво. — Ю. Д.) — они мне здесь будут нужны. Вообще к своим книгам у меня пристрастия нет. Но справочки для меня соображайте. Наверное, буду просить.

Для меня сейчас трудное время. Как никак, но три года я отсидел. <...> Есть такой журнал: “Книжная летопись”. Может, будет досуг—

посмотришь, что вышло из круга моих интересов в 1938, 39, 40 годах.

Меня интересует:

История Великороссии.

История Севера (СССР).

Жемчуг.

Археология Севера (СССР).

Кооперация Севера.

Белое море.

Баренцево море.

Геология Севера.

Двина Северн., Вологда, Сухона, Вага.

Не вышло ли что в Архангельске из трудов по истории одного учителя⁸.
Фамилию забыл. Фольклор Кокшеньги. Он жил в Черевкове, а потом переселился в Вельск.

Все-таки как ни крути, а на память эти три года действовали.

Это пройдет — если мало-мало будет спокойная жизнь.

С у х а р и, б у м а г а, х л е б.

Пошли ходатайства в Москву, — я думаю удобнее в конце года.

Прокурор вряд ли поможет. Скорее писать в Верховный Совет. Еще мне думается вот что. Ну, зиму проживем. Не мог ли бы я в случае, если останусь в Красноярском крае, присуропиться к какой-нибудь научной экспедиции: геологов или рыболовов.

Об этом тоже нужны справочки в Москве и Ленинграде заблаговременно. Если с литературной работой ничего не выйдет, надо что-то же другое придумывать. Может, я еще не один год проживу. Быть дармо-едом очень унижительно. Конечно, иметь бы свой огород, да кур, да гу-сей, да козу. <...> А вот как осень ударила — так я весь и скрючился. Так бы лег в теплую могилку. <...>

Всякие бывают настроения.

С у х а р и, т а б а ч о к, б у м а г а, с п р а в к и.

Просить помощи добрых людей. Не будем хныкать.

XXI

Людик! Не бывает ли у тебя настроения какую-нибудь поэтическую формулу переложить на музыку. Поэтическое мышление легко переходит в музыкальное мышление. Так я думаю, музыка может до не-коего предела воплощаться в слове.

К сожалению, в таких сочетаниях я не одарен <...>. Но тем не менее желаю иногда какую-нибудь отсебятину выдать, так мне хочется тебе предложить сочинить музыку на такой текст.

“Как у зятя борода!

И отсюдова туда,

И оттудова сюда.

И оттудова до сюдова — такая борода!”

Это фольклорная юмореска. Я бы хотел сделать книжечку таких частушек.

Например:

*“Хорошо тому живется,
Кто с молочницей живет.
Молочка он попивает
И с молочницей гуляет”.*

или:

*“Так они и жили:
Дом продали,
А ворота купили”.*

Папка

1940. 26-го сентября.

XXII

Почтовая открытка

Дорогие Надя и Люда!

Сегодня 2-го октября получил по вашему переводу сто рублей. Очень благодарен. Почему получился перерыв в письмах, не пойму. Вы, верно, знаете, что я остался в Мурте и отказался пока от передвижения. А я узнал, что вы сменили квартиру и поздравил вас с новосельем. Теперь давайте не будем нервничать с письмами. Вы на своих местах. У Федора Алексеевича в Харькове умерла жена, с которой они прожили 42 года. Грустно.

XXIII

Почтовая открытка

Октябрь 8-го. 1940.

Здесь последние дни стояла хорошая погода, нечто вроде бабьего лета, а потому и настроение мое улучшилось. Из Красноярской библиотеки обещали переслать книг по абонементу <...>.

Передайте сердечный привет всем, кто меня помнит.

XXIV

Почтовая открытка

Здесь у нас зима, наверное, прочно стала. Ничего. Живу помаленьку. <...> Твое последнее письмо, Надя, меня удовлетворило.

1940 г. 21 октября.

XXV

21 октября 1940.

Людок! В связи с последними твоими письмами хочется написать тебе кое-что об одаренности человека. Одаренность человека — это комплекс способностей к мышлению. Мышление есть нечто цельное,

но его можно в целях познания абстрагировать в отдельное. Можно различать мышление обычное, научное, философское. Мне хочется сказать о поэтическом мышлении. Может быть, поэтическое мышление можно объединить и с музыкальным, и с цветным (живопись) в особый эстетический комплекс. Кем-то хорошо сказано: “Архитектура — есть застывшая музыка”. О поэтическом мышлении хорошо рассказывает Пушкин <...>. Поэтическая формула выражена словом. Например, гамлетовское “Быть или не быть” — поэтическая формула <...>. В твоём письме мне показалось, что ты сблизила математику с музыкой. В одаренности человека математика и музыка часто находятся в противоречии так же, как и поэзия <...>. В отношении математики считаю себя бездарным человеком. Но вот в 39 г. у меня был сосед по койке, одаренный человек в отношении математики. И он в ряде бесед дал мне понять, или почувствовать, или разбудить мою интуицию, так, что я как будто что-то знаю. В математическом мышлении красоты изобретений так же, как в стихах Пушкина, в музыке Мусоргского, в Мадонне Боттичелли, в звездном куполе нашего космоса. И я думаю, что есть скрытая одаренность нечто аналогичное внутриатомной энергии. Итак, по-моему, не следует смущаться трудностями — надо идти навстречу своей одаренности. Я, бедный человек, впал сейчас в лень. У нас уже зима, хотя пока очень мягкая. Но день короткий, освещения нет — все располагает к лени. Посидеть около печки <...> — глядишь и день прошел. Знаю, что это худо, что надо трудиться, пока жив, и совестью мучаюсь. Но, с другой стороны, нервы мои становятся здоровее, а это ведь важно. Может быть, мне вообще нужно отдохнуть, чтобы в дальнейшем из меня толк какой-нибудь вышел. Как-то я читаю без азарта. Ну да, может, выправлюсь. <...> Не забывай папку и пиши обязательно раза три в месяц. Так и веди счет.

XXVI

24 октября 1940 г.

Дорогая Наденька! Я все настраиваюсь написать тебе толковое письмо о своей работе, и все не выходит, потому что совестно сказать, лень меня одолевает. Буду с этим бороться. <...>

Чтобы писать о жемчуге, мне необходима книжка Жадина — без нее и начинать не стоит. Чтобы писать о Двинской земле, пришли книги:

1. “Геология Северного края”.
2. “Белое море”.

Первая готовится к печати уже 5 лет. Один из редакторов А. А. Чернов. Спрашивай у геологов, а не в книжном магазине. Во второй я со-трудничал. По старым обычаям мне бы должны дать авторский эк-земпляр. Но пускай дадут хотя бы на два месяца. Можно послать заказной бандеролью.

Теперь хорошо, если бы ты прореферировала для меня следующие две книжки супругов Ефименко:

1. мужа — “Заволодская Чудь”⁹, есть в библиотеке.

2. жены — о крестьянстве Двинской земли¹⁰.

Посмотри, нет ли ее в наших книгах. Из каждой книжки взять основное — страничек на 5, не больше. Смирнова я получил — это хорошо. “Двинские летописи” читай на досуге и делай заметочки.

В конце 1937-го я написал небольшой очерк — “Архангельская область”. Не знаю, остался ли черновик. Рукопись сдал в редакцию “Хозяйство Севера”. Выходил ли журнал в 1938 году. Если бы эту рукопись найти. Она мне очень бы нужна. База Академии наук готовила геологическую карту Северного края. Вышла ли? Не напечатана ли? Фомин-то служит ли у вас? Нет ли чего новенького по жемчугу? Я начал получать книги из Красноярскa. Адрес Савватьевского мне нужен. О всех моих предложениях — пишите. И сама как думаешь и что делаешь, сообщай. Поставь за правило писать не менее трех раз в месяц.

Благодаря вашей посылке я живу очень неплохо. Можно сказать — сыт, бедный человек. Не знаю, насколько трудно вам собирать посылку, а то хорошо бы получать две посылки в месяц, только бы не в ущерб вашему здоровью. Далее у меня до первых чисел ноября хватит. В пер-вых числах ноября пошли сколько-нибудь телеграфом. Пиши теперь адрес — Советская улица, 10. На почту мы стали реже ходить — холодно и грязно.

XXVII

11 ноября 1940 г.

Дорогие мои Надя и Люда! Вчера получил вашу посылочку и письма.

Сразу почувствовал себя именинником. Много ли человеку надо, если его жизнь не балует. Сухари! Табачок! Красота! Сердечно благодарен и Сане, и Василию Ивановичу. И как ты меня порадовала, Люда, сообщением о стипендии и тем, что поступила в хор. Напиши мне поподробнее, что вы поете. Ах, как это мне интересно. В связи со все-ми этими благостями, я взглянул на будущее с надеждой. Допустим, что в моей судьбе не произойдет изменения, и я буду прикреплен к Мурте. Тогда я согласен на следующее: с ранней весны Надя переселится ко мне в Мурту. Здесь, я уверен, Надя найдет агрономическую работу. В Мурте легче, чем во многих поселках получить огородный участок. И даже участок в поле. Разводить кур, гусей здесь удобно. Картофелем, капустой, табаком можно обеспечить себя на целый год.

Люда! Окончивши учебный год в Архангельске, ориентируйся на Красноярск. Таким образом, мы будем в кучке <...>. Такого плана, мне думается, можно придерживаться на крайний случай. Разуме-ется, в конце года я буду проситься во Владимир и просить амнистии.

Это само собой. Я хочу лишь сказать, что и на Мурту я не смотрю как на гиблое место <...>. Бумаги пока не посылайте. Гора родила — мышь. Я еще ничего не писал. <...> Хорошие вещи имеют способность уплывать. Мы живем в бедности, а потому и в грехе.

Нищий, да не грешный — это уже святой. А мы же слабые люди. Я учусь не осуждать бедных людей.

Допустим, у меня уплыла рубашка. Надо принять это без злобы. Все равно уплыла, так и не воротись. А греха сколько заводится из-за этого барахла. Праздники у нас прошли весело, при хорошей погоде. кой-кто и выпил достаточно. Я выпил одну стопочку, покушал вдоволь <...>. Некоторые мои компаньоны хватили через край и, грех было, и меня поругали — так для порядку. Но я ведь за эти три года всего насмотрелся. Стараюсь не обижаться.

Наденька, по поводу исторических работ напишу тебе потом. Все еще голова без воображения. Я оказался слабее, чем воображал себе летом. Думал, вот зима будет: читаюсь и буду писать. Не пишется. Но я особенно себя не неволю. С вашей помощью проживу зиму <...>. Наденька, держи связь открытками. Открытку написать пять ми-нут. <...> Не пишется больше письмо — или открытку.

XXVIII

16 ноября 1940 г.

Дорогие мои Надя и Люда! Рад вам сообщить, что настроение мое значительно улучшилось. Может быть, значительно повлияли сухари и табачок, но все стало яснее и проще. Во-первых, как-никак я уже прожил в Мурте 4 месяца, еще столько, и будет близко нам свидание на 4—5 месяцев. Не для чего строить гигантские планы. Проживу, и ладно.

Зима меня теперь также пугает. Пока погода умеренная, страшного ничего нет. <...> Федор Алексеевич держит со мной связь и мне помогает. Дал бы бог ему здоровья. <...> Внимательно отнесись к работе Ефименко о северной деревне. Я очень сожалею, что недостаточно изучил ее. Вообще не подражай мне. Мое архивное хозяйство всегда было в отвратительном состоянии. <...> Если я получу книгу Жадина, то буду писать о жемчуге <...>. Если я займусь этой темой, то месяца на два. <...> Да, держи связь открытками. Научись писать открытки. Без лирики, без жалких слов. Коротко. <...> Наденька, возьми в библиотеке полное собрание сочинений Л. Н. Толстого, последнее, незаконченное, более 70 томов и напиши мне адрес редакции. Мне нужен М. В. Мурашов.

XXIX

Почтовая открытка

Жив и здоров. Настроение хорошее. 1940 г. Ноября 25-го.

XXX

Почтовая открытка

21 декабря 1940 г.

Хорошие Надя и Люда. Желаю здоровья. Настроение против всяких книг. Не хочется читать, лишь бы тепло и питание. Суровая сибирская зима. Ничего, с вашей помощью проживу.

XXXI

Почтовая открытка

21 декабря 1940 г.

Дорогие Надя и Люда! Получил посылку и деньги <...>. Из избы не выхожу <...>. Теперь самое трудное время.

А. Евдокимов

Всем привет.

II/XII 1940

Дорогой мой Анечик!

Давно не имеем от тебя писем и тревожимся с каждым днем все сильнее. Родной нац, пиши, пожалуйста, почаще, как писал через 4—5—6 дней. Мы виноваты сами, что не аккуратные, но причина та, что я ужасно устаю к вечеру: 8-ми час. рабочий день над книгами невероятно выматывает все силы. День располагается так: к 10 ч. на работу (раз в неделю — в дни газетных информационных к 9 1/2). Информацию для всего коллектива делать обязаны все науч. сотрудники. Вот моя будет 18 декабря — новости за неделю. Работа с перерывами на 1/2 ч. (чай да буфет из булок к 1 1/2 ч. дня) продолжается до 6 1/2 ч., но постоянно какие-нибудь оказии оставляют еще часа на 2; то производственное собр., то местком, то Монпр, то митинг, то ГСО и проч. Эти 2 часа действуют на меня убийственно: к 8-ми часам работы я уже несколько привыкла и приспособилась обедать в 9-м, а иногда и в 6, 8 часу вечера. Но когда обедаешь в 10—11 ч. ночи, то это уже никуда не влезает. Утро начинаешь обычно с 6 ч. И на утро уклады-ваются разные дела. Надо зачастую раздобыть и денег, и купить что-нибудь приготовить поесть на вечер, и сходить в учреждения, если есть куда и есть дело, и всякие обязанности по квартирному общежитию, не считаю уже нужд для своей семьи. Так и вертишься изо дня в день. Письма пишешь обычно ночью. Хочется поговорить, поделиться, а то уж чересчур начинаешь скучать. Но письма пишутся редко, потому я буду с настоящего времени, следуя твоему совету, посылать открытки, когда задерживается письмо. Уже первую вчера отослала.

Наконец собрала посылку и завтра утром сбегаю на почту. У меня письмо будет написано, а бедный Люлик, наверно, не попадет со сво-

им. У нее занятия располагаются таким же манером: с 8 1/2 до 2—3 ч. дня уроки по общеобраз. и музык. предметам. Вечером с 6 уроки по пианино и своему инструменту. Так что приходим мы обычно до-мой одновременно. И вечер наш, — тут едим, отдыхаем и живем своими мыслями и чувствами и обычно рады присутствию друг друга. Наше общество разделяет Саник, который часик—другой забегает вечером, но у него еще работа кой-какая, подрабатывает немного на жизнь. Как вышло, что не написали тебе о результате его призыва в армию? Очевидно, понадеялись друг на друга. Его по призыву остави-ли на год, ввиду того, что имеется дефект, после детской скарлатины осложнение на ухо. Юрия Лебедева тоже на год оставили. Вот так мы и живем, родной. Последние весточки твои были такие хорошие, бодрые, что мы порадовались. Хотя бы дождаться опять твоего пись-ма. От нас ты не получил тогда еще: 1) заказного письма от 6/XI, 2) по-сылку от 24/XI, 3) письмо заказное от 3/XII и 4) вчерашняя открытка 10/XII от меня. Главное самое, дорогой, здоровье. Как случается перерыв в письмах, то беспокоись.

Посылаем тебе: сухари белые и черные, 1/2 к овсянки, 1/2 к лапши, папирос 2 п. и большую в 100 шт., чуть-чуть табачку. М. б., достану еще пачку махорки. Посылаю тебе статьи твои о жемчуге, которые нашла в журналах, и посылаю книжку Жадина — эта или нет? Это еще не та, что выписала для тебя к. п., та еще не получилась. Эту нашла я здесь. “Геология Сев. Края” вышла, но я не знаю, как ее до-стать. Хорошо бы купить. О “Белом море” ничего не узнала. Собо-лева, кот. я видела, такой книги не могла вспомнить. Не можешь ли что-либо подробнее о ней написать. О Савватьевском узнала, что он из ВНИРХО был уволен. Не знаю, оставался ли на свободе. Возможно, что работает в Рыбн. ин-те в Москве. Я купила марок на ответ и хочу послать запрос в адресный стол в Москву. Открыток с обрат-ным ответом теперь нет. Родной, мой дорогой Анечик! Я посылаю тебе еще черновик письма, кот. адресую на М. И. Калинина, без твое-го решения не могу послать.

Напиши мне, как ты его принимаешь, если все ладно, то не пересылай, у меня есть, но посылать обожду, пока не получу твоего согласия. Я прямо ночи две нынче не спала, пока как-то не вскочила с постели и не написала. Думается, писать надо, какой будет толк — увидим.

Когда ты хочешь писать и куда будешь адресовать? Анечик! У те-бя, я думаю, много накопилось мешочков, а мне не в чем посылать. Если они у тебя есть, сверни их трубочкой, попроси зашить в тря-почку и пошли мне. Это было бы хорошо, если сможешь так сделать. В посылочке и напиши что-нибудь побольше.

Работа теперь у нас очень трудна. За три года музей совершенно переорганизовался. А за последнее время еще все больше оформляется в данном направлении. Музей ставится как главный орган политич.

пропаганды, так что от музея партийные органы ждут своей инициативы в смысле оформления в этих целях экспозиции. Я же попала в самый основной отдел, т. к. на историю сейчас обращено особое внимание. И заведующий отд. несет большую ответственность. Потому можешь думать, как мне трудно. Не знаю, как и долго ли удержусь я в этом отделе. Хотя в смысле трудоспособности, усидчивости, усвоения, исполнительности и отношения к работе от ди-ректора получила такой отзыв, что лучше не бывает: “работаю хорошо”, но все же есть о чем побеспокоиться и подумать. Я с удовольствием бы перешла в отдел природы, но завед. там я тоже не желала бы, потому что там постоянно пришлось бы сталкиваться с Толмачевым, который лезет в музей, конечно, не без меркантильных расчетов и выбивает работу у Гасконского¹¹, кот. заведует этим отделом, но экскурсоводом бы можно. Хотя тогда всего будешь на 300 руб.

Да, трудненько все это решать, дальнейшее будет видно. Хотя бы благополучно дожить до весны, большего я ничего бы не желала. Ус-траиваться надо стараться вместе. Возможно, мне сначала приехать к тебе, а потом хлопотать, чтобы дали возможность жить в городе, где могли бы учить дочь, ввиду ее хороших способностей. Люде уже приближаются испытания полугодовые, будет перед 1 ян-<варя> экзамены и решающие отметки: за полугодие. Это имеет основное значение для определения дальнейшего и в стипендии. Нервничает тоже наша детка, и заботится очень. Сегодня по основ. предметам муз. теории получила уже отметки — все отлично. Это предметы — гармонии музыки, сольфеджио, история музыки. Большие всего ее заботят оценки на виолончели, которая все же трудна, требует так-же немало физических сил этот инструмент. А в прошлом году ей мало удалось заниматься — учитель был на воен. службе, потом она много болела в холод, когда стояли страшные морозы.

Анечик, знаешь ли, нынче неожиданно завернул в музей Фомин. Большие года не подавал о себе вести. Живет, видимо, трудно. Хотел зайти в музей поговорить с нами, но на следующий день экскурсию учеников отправляли одну, сам не пришел. Он работает директором технич. детской стан<ции> в Маймаксе. Эта работа ему больше подходит.

Целую тебя, мой родной. Будь здоров. Пиши.

От Оли, бабушки привет, спрашивают о тебе все, кто знает тебя

1941 г. 6 января.

С Новым годом, родной наш, дорогой мой Анечик. Пусть этот Новый год соединит нас всех снова. Это самое большое мое желание. Вместе жить несравненно легче, а если даже умирать, то тоже

обязательно вместе, врозь не хочу никак. Опять ты меня проберешь за мои патетические выходы и настроения. Но право, Анечик, я так перенервничалась за прошлую неделю, особенно когда и на телеграмму не получали ответа, что, переживая в памяти все события последних лет, была близка к отчаянию. Главное — мы сами еще невозможно беспечны и живем на авось: ты, например, до сего времени никогда не упомянул фамилии квар. хозяйки, у которой живешь, или хотя кого из сожителей. Это необходимо, и теперь восполни, пожалуйста, для моего спокойствия. Чего ведь только не передумается, живя на таком расстоянии друг от друга, я бродила, как лунатик, не зная, живу я или все уже это для меня не действительность. А между тем надо рабо-тать, часов 10 находиться среди посторонних людей и ничем даже не выдавать своих настроений. Конечно, это временами делается сверх сил, отсюда нервничаешь, не спишь ночью и совсем изводишь силы. Когда вместе, хотя избавлен от этих тревог <...>. Главное еще я тревожусь, что плохо тебя снабжаю, что не могу обеспечить, чтобы был ты сыт, а следовательно, подкреплялся. Не знаю, насколько обеспечивают тебя сухари. Наверно, очень мало. А как в другое вре-мя? Все это приводит меня в ужас. Задержки в деньгах. Надо при-бавлять продажей, а делается это с большим трудом, главное еще потому, что сходить некогда, утром рано, вечером поздно, день нуку-да не уставишься. Так вот и живешь. Трудно и с большой заботой. Писем все нет — с 29/XI, но все меня успокаивают общим положением связи, сейчас из Воркуты от командировочных, т. е. людей, находя-щихся в ином от нас положении, письма идут месяца по два. Не знаю, в чем дело такой неисправной работы почты, но, возможно, и в пере-рыве наша переписка по той же причине. Но я стараюсь писать те-перь аккуратней, потом за раз, хотя получим, пиши и ты так же. Когда не успеваю письма — пишу открытки, как ты велел. За послед-нее время послала две. Но будем не падать духом и ждать и надеяться на лучшее, радость моя, ведь иметь такого любимого человека большое счастье, и вместе мы выберемся из всех затруднений, и, надеюсь, было бы желание — устроим жизнь свою еще лучше

6/1 1941

Наконец-то, дорогой Анечик, получила снова весточку от тебя. После телеграммы я ждала терпеливо, успокоившись, что вся причина в почте. Но в половине января опять бы послала телеграмму. Но вчера пришла открыточка, тобою написана от 12-го декабря, а почта Б. Мурты, — 18 декабря и шла больше 1/2 мес., а сегодня встанем и опять получаем две сразу от 20 и 24. А письма нет, которое обещал, что пишешь. Напиши, посылал ли? Также не знаю, какую посылку полу-чил, пожалуйста, это еще от 24 ноября. Следующая была послана 12 де-

кабря, но, видно, еще тогда не получена и попала, наверное, к Новому году. Ты пиши, от которого получаешь наши письма и посылки и что когда сам посылаешь. Потом, если сможешь, пошли разные мешочки и завертухи, их у тебя должно собратся порядочное количество, а мне не в чем посылать. Посылаю тебе горшочек, м. б., пригодится сварить что-нибудь в печке. Следующий раз pošлю, м. б., овсяной крупы. Стараюсь ее достать. Теперь стало несколько легче. Обещают улучшение значительное на 1941 г. Когда будет, тогда и скажем. А пока хорошо хоть хлеба сейчас вполне достаточно, и белый есть. Вскоре pošлю опять посылочку с сухарями. А как у тебя — не полегчало с хлебом, не появился ли в свободной продаже в лавках?

Анечик! Напиши фамилию, у кого живешь.

Вчера, Анечик, получила письмо от Федора Алексеевича, такое хоро-шее. У нас началась с ним переписка. Оттуда письмо шло всего 6 дней. Анек, миленький! Как будет теплее, будешь более подвижен, поразузнай относительно возможностей работ для меня в Мурте и количество оплаты. Работу все равно какую, важно более удобную для питания, м. б., в совхозе, на заводе или каком еще производстве. Желательно не очень суматошную. К таким относятся работы по выращиванию животных, ребят. А в то же время хорошо бы дающую какую-либо поддержку в питании или в одежде.

Все как-то не могу написать, как хочется. Когда сумею, перешлю тебе, чтобы сказал свое мнение. Писал ли что-либо ты сам и в каком смысле? Пиши, моя радость, нам чаще. Пиши мне и письма, они дают мне большое удовлетворение.

Табачок и бумажку раздобыл сегодня тебе Саник и посылает. Оля и бабушка шлют привет и поздравления с Новым годом. Вчера Оля до половины второго ночи сидела у нас. Живем очень близко друг от друга, но видимся редко. Она тоже поздно приходит с работы, и обе устает. А как ушла Оля, я еще вымыла в квартире — отвела свою очередь и легла уже в 4 часа ночи спать. Сегодня у меня выходной, отдыхаю и дела свои все устраиваю.

Пиши нам, родненький, обо всем. Нам страшно интересна всякая мелочь. Я буду часто писать несколько слов на открыточках. Наконец я усвоила эту необходимость. Хотя бы наладилась почта, и жди бы опять исправно письма, а то невозможно тяжело.

Будь здоров. Целую тебя крепко всего. Твоя Надя.

10/XI— 40г.

Надежда Ивановна!

Пишу Вам я, Кондратьев Ф. А., о котором Вы, вероятно, все же имеете некоторое представление со слов Андрея Андреевича. Мотив

моего письма — согласование помощи А. А. Я поставил себе задачей помочь А. А. материально в постигшей его беде (для меня неожиданной и непонятной) и, ввиду ограниченности своих ресурсов, привлечь к помощи и 3—4 человека из москвичей, хорошо знающих А. А. До сих пор удалось привлечь одного, но еще не выяснено, будет ли он помогать регулярно; другие пока отзыва не дали — хотя, возможно, помощь свою направят непосредственно А. А., или через Вас, о чем я их просил. — Удивительного в их молчании мало: все мы пенсионеры — москвичи-персональники, но едва ли получают свыше 300 р. Других заработков нет или почти нет — лишь случайные (у них — литература, у меня раз в год (пока давала 200—250 р.).

Но мое положение еще, м. б., лучше, чем других (хотя моя пенсия 180 р.), потому что мне помогают 4-ро детей, хотя и не совсем регулярно, но все же, когда будет нужно, на помощь приходят — кто деньгами, кто продуктами. К сожалению, меня поистрепала 9-ти месячн. болезнь и смерть жены и собств. болезнь — с января этого года, лечусь и сейчас, а 23/X — только перестала ежедневно приходиться фельдшерница для вспыскивания — болезнь моя — сердечная астма. Это говорит о моей непрочности, да и какая прочность при старости 70-лет, к сожалению, и москвичи возрастом моложе только двое и то на очень немного. Конечно, если все согласится давать ежемесячно (зимние месяцы) по 50 руб., как я приглашаю, то составитя приличная сумма — около 200 р. Тогда неважно, если один и выйдет из строя, но меня беспокоит долгое молчание москвичей.

Из письма А. А. я вижу, что ему хотелось бы получить от меня табак и сухари. К сожалению, табак в Харькове сейчас достать трудно, тем более что я в связи с болезнью курить перестал. Готовить сухари мне тоже трудно — ведь здесь готовят обед большей частью на примусах, кух. плиты топят редко, однако, если Вам посылать сухари затруднительно, то я по переезде в Харьков попробую при помощи дочери и невестки заняться этим. Здесь ведь и с хлебом бывают затруднения — сейчас, напр., в одни руки больше 1 кг не дают — поэтому громадные очереди, хотя вообще хлеба имеется достаточно. Так что я лично за себя пока гарантирую на 2—3 месяца вперед, что буду, по возможности аккуратно, высылать ему ежемесячно 50 руб.

Насчет литературной работы для него (он просил об этом) я писал в Москву, но едва ли что из этого выйдет.

Вероятно, Вы могли бы иметь в этом отношении больший успех, зная его последние работы.

Мне очень жаль старого товарища, попавшего в такую неприятную историю. (Если можете что-нибудь сообщить по этому — буду благодарен.) И еще более жаль, что я не тот, что был два десятка лет и даже десять лет назад, когда был хороший заработок и помочь А. А. было не трудно.

Полагаю, что Вы отзоветесь на это мое письмо, причем, м. б., луч-ше А. А. об этом не писать.

Готовый к услугам Ф. А. Кондратьев.

В Харькове людей, помнящих А. А. и могущих ему помочь, кроме меня, не имеется, или, вернее, пока не обнаружено.

Я сейчас живу на даче и по переезде в Харьков в конце этого месяца попробую поискать.

Ф. К.

М. б., сообщите, как в Архангельске с продуктами и с промтова-рами? Здесь очень плохо.

Надежда Ивановна! Глубоко сочувствую горю и сам горюю о поте-ре товарища, которого когда-то в дни юности считал лучшим своим другом и товарищем, с которым делился всеми своими мыслями — это было в ивановский период нашей жизни, а затем в харьковский пе-риод, хотя уже прежней интимной близости и не было, но все же мы были свои люди, и он был своим человеком и в семье моей, и мои дети очень любили его.

О смерти А. А. я узнал за два дня до получения В/письма: вернули денежный перевод — 18/І, посланный 28/ХІІ, за смертью адресата. Еще дня, т. е. 14—15 янв., за четыре до этого я получил из Б. Мурты письмо, написанное, очевидно, товарищем по ссылке, Сиземским по просьбе А. А. В нем сообщалось, что посылку мою, посланную в конце ноября, А. А. получить не может, вследствие описки в адресе вместо “Евдокимову” написано “Кондратьеву”. Я дал телеграмму через п/отд. — о исправлении адреса. — Уже тогда у меня возникло сом-нение: да уж жив ли А. А.? т. к. в письме сообщалось, что А. А. уже более 2-х недель не выходит и очень слаб. Врач у него не был, прислал фельдшера, а фельдшер нашел, что у А. А. нет болезни, коя давала бы ему право на место в больнице. Однако предполагалось, что хозяйка квартиры отвезет его в больницу и оставит его там. Настроение А. А. было таково, что он не надеялся жить и не хотел бороться с бо-лезнью, мало ел. А что он был слаб, видно и из того, что он сам уж не мог писать. Сиземский причину слабости А. А. видит в том, что А. А. , не имея хлеба, голодал. Да и в своих письмах ко мне А. А. . неод-нократно указывал на тяжесть положения, когда нет хлеба, когда приходится собирать корочки со столов в ресторане. В Октябрьские торжества он покупал “почти досыта”. Поэтому-то я и послал ему посылку: сухарей, чаю и немного табаку. Хотелось, однако, верить, что он жив, хотелось бы ему помочь. И я 17/І послал по телеграфу ему денег. Жена моего соседа Величко, хорошо знающая А. А., тогда мне вслух высказала, что едва ли он жив, а через два дня возвращенный перевод подтвердился подозрением. — Я тоже послал теперь в Мур-

ту начальнику почты просьбу выдать посылку Сиземскому по тем же мотивам, что и Вы, хотя моя посылка “не богатая” (я ее посылал из поселка, где я жил до I/XII и где продуктов не было).

Письма от А. А. и я в декабре перестал получать: последнее его письмо датировано 14/XI, но письмо было довольно бодрое и даже содержало в себе краеведческие сведения о Сибирской тайге. Он мне сообщал, что ему нужно добавочно к В/помощи 50 р. в месяц. Я ему гарантировал, а возможности от москвичей — это уж сверх плана. На отсутствие хлеба он жаловался чуть не в каждом письме, но мне, живущему в поселке, где нет продуктов, а временами и хлеба, снаряжать посылки было трудно, о чем я Вам, кажется, писал...

И какая, однако, жестокость — лишить человека хлеба. Требовать от старика работы, я старше А. А. на 2 года, но я был всегда здоровее А. А., а ведь я работать не могу и не только физически — слабо налаживается и писание воспоминаний. На своей привычной технической работе я еще лучше справляюсь, но и то долго выдержать едва ли смогу.

Я очень благодарен буду Вам, Н. И., если Вы сообщите о работах А. А. последнего периода. — Я ведь с отъездом А. А. из Харькова по-терял с ним всякую связь. В 30-х годах восстановил — обменялись 2—3-мя письмами, прислал он мне несколько брошюр краеведческ. и опять замолк, хотя я и писал ему, пока не убедился, что ответа не будет. Он почему-то прятался от нас. В бытность его в Москве с выставкой Северной промышленности его видели наши москвичи на выставке, просили его посетить их, но он ни к кому не зашел. — В чем дело? А ведь он пользовался всеобщей нашей симпатией.

Очень тронут обещанием В/дочери посетить меня. Буду весьма рад. Ведь это та самая “царевна Людмила”, о которой сообщал мне А. А. в письмах периода 30-х годов, когда ей было 7 лет. Я был бы рад, если бы и Вы посетили меня и даже поселились жить со мной в поселке. Я ведь теперь одинокий человек. Вот на зиму приходится переби-раться в Харьков, а то бы можно и зиму там жить. Правда, удо-вольствие далеко не из первых — жить со стариком, требующим иногда и ухода за собой. (Я и теперь не гарантирован от припадков, хотя врач и обещает, что я летом смогу даже рыбу удить на посел-ковом пруду).

Кстати, Н. И., Вы откуда родом — ведь не из Харькова?..

Есть ли у Вас в Архангельске родные или близкие? В какой органи-зации работал А. А. перед своим арестом?

Между прочим — едва ли Вам удастся получить толковые све-дения от сожителей А. А. о последних днях А. А. — Ведь по словам А. А. — один из его сожителей — садовник, другой — сапожник, оба выпивающие — ведь в октябрьские дни они перепились, передрались и даже его поколотили слегка (он сообщает об этом). Я надеюсь по-

лучить более толковые сведения от Сиземского, которого я про-сил об этом. Разумеется, я сообщу Вам его известия, равным обра-зом, надеюсь, и Вы информируете меня о полученных Вами сведениях.

Буду весьма рад получить его да и В/фотографии, хотя бы те, что снимались для паспорта.

Всего Вам лучшего и В/дочери.

Очень рад, что москвичи, хоть и с опозданием, пришли на помощь А. А.! Уже немного осталось нас старых ивановцев — наши ряды редуют.

Вы сообщаете, что получили “Пережитое”¹² — а разве А. А. не получал прежних воспоминаний ивановцев? Ведь “Пережитое” послано А. А. в Б. Мурту моей племянницей в Иванове по моей просьбе.

Извиняюсь за беспорядочное письмо. Буду рад обмениваться весточками и в дальнейшем.

Ф. А. Кондратьев.

25 января 1941 г.

Надежда Ивановна!

Я случайно очутилась, где жил и умер Ваш муж. Когда я искала комнату — зашла в этот дом, и вот хозяйка открыла мне комнату, в которой лежал бедный такой старичок, в том виде, как умер. Мне ужасно было тяжело видеть эту картину еще и потому, что мне тоже 64 года и тоже ссыльная — на 5 лет, и тоже не знаю, вернусь ли на родину.

При опросе некоторых лиц я узнала, что у него был бархатный пид-жачок — это сказал ссыльный старик, который жил в комнатке с Вашим мужем, но он не видел — носил он его, или же не носил; вот простыню хозяйка ему мыла, но он ее сам продал за 20 руб. Сапоги его драные лежат, валенки старые носит сосед по комнате, кое-какое белье и ватные брюки лежат, и хозяйка до лета не хочет их трогать, т. к. старичок делал под себя, и пока реки нет — она ни мыть, ни смо-треть не хочет. Пальто его зимнее, которым он покрывался, — лежит, может, Вам за него немного заплатить, и я, может, какую юбку смогу сделать. Подушечку положили в гроб. Наволочки никогда не мыл. Спал он прямо на соломе. Словом, Вы, может, сами знаете, что у него бы-ло. В общем, можно так сказать, что в чужом доме чужие караулить не будут. Мы живем вдвоем, и так — одна уходит, другая караулит. Может, и не возьмут, а может, и возьмут, а тут у самих каждая тряпочка на учете, и купить негде и не за что. Так осталось мое иму-щество все на чужих, когда арестовали, я тоже очутилась в чужих руках. Я одинока, и, когда арестовали, ушла и даже ничего не сказала.

Кроме того, Ваш муж не был разговорчив и портному ничего не говорил, а хозяйка говорит, что муж Ваш летом как уйдет ловить рыбку, так до вечера и не приходит. Посылку, согласно открытке Вашей, я просила почту вернуть Вам, а заказного письма не получала. Никаких записей он не оставил. Он вообще был очень слаб и расстраивать Вас не хотел, болел два месяца, хоронил сельсовет.

Пишите, отвечу.

Гофман

Уважаемая Надежда Ивановна! Приступаю к ответу, который задержался потому, что я упала в подполье, т. е. погреб, и ударилась очень, а ногу сильно поранила, и вот сегодня 2 недели, но хожу с трудом — рана еще не зажила. Еще одно удовольствие ко всему. Телеграмму подал один ссыльный, который, как видно, раньше заходил, и потом я один раз его видела и просила, чтобы он зашел ко мне поговорить о Вашем муже, но он не зашел. Вы пишете, что надо все переносить, как бы ничего не случилось. Да, “зрители”, т. е. наши знакомые мало сочувствуют в нашей горе, а люди, как мы, должны нести этот бич и не жаловаться. Но люди очень выносливы и переносят большие верблюда. Относительно посылаемых 100 руб. должна сказать, что если посылки были плохие, то он, конечно, угасал; тем более, что, как жется, он хлеба не получал — мы получаем по 500 гр. Он не имел хлеба, видно, плохо питался и не искал выхода, т. е. у него (по словам некоторых) было мало энергии для борьбы с тяжестью во всем. Конечно, если бы все было бы иначе, может, он бы еще и пожил. Ваше присутствие, конечно, ему бы помогло, если бы Вы могли служить и быть около него. Относительно службы в настоящее время плохо, т. к. мест нет хороших, но ведь все дело случая. Я попробовала ткнуться кое-куда, но не нашла по легкой канцелярской работе, а в простые работницы я не хочу и нужно раньше набраться силы, а потом уже браться за работу. Тем более теперь служить стало сложнее, чем прежде, да без часов, без питания. В Мурте в неделю раз базар, и все дорогое: масло топленое 60—70 р. кило, мясо воловье — 15, свиное нежирное 20—25, картофель 8 р. ведро, кружок молока 3 р., ну, а большие на базаре ничего нет, хотя лук и капусту тоже можно купить. При таких ценах не напасешься. Я хожу в ресторан, и так большинство питается в ресторане. Ваш муж летом больше жил рыбкой, которую уходил ловить утром и вечером приходил, чтобы рыбку сварить и лечь спать. Когда он болел, а болел он почти два месяца (по словам хозяйки), хозяйка просила его написать Вам и чтобы просил приехать, но он от этого категорически отказался, говоря, что у Вас на это средств нет. Когда его сожитель по комнате — портной — спрашивал: “Как он себя чувствует”, он ничего не отвечал, а так, когда он хранил —

портной думал, что он спит и не добивался знать о его здоровье, так он и погас, никого не тревожа. Он всегда (по словам хозяйки) мычал, и все не понимали, он поет или стонет, и на вопросы “почему он все под нос тянет”, он отвечал, что поет, чтобы тоску прогнать. Душевно страдал, но не делился с людьми себе не подходящими по духу, да если, как говорит портной — он был не словоохотлив. Он жил больше молчком.

Я пришла в дом из-за комнаты 6 января, и он уже был мертв. Теперь не помню, какой это был день, только хозяйка сказала, что умер он с воскресенья на понедельник (посмотрите календарь), но не помню, когда я Вам написала. Еще за недели две до смерти он очень почернел, и хозяйка его спросила — что с ним, он ответил — что ничего, но она тогда решила, что ему уже не жить. Будто был врач и сказал, что он слаб, стар и не поправится, а болезни никакой особенной нет. Словом, не было лица близкого, а чужим он был чужой. Так я живу с сожительницей по комнате, и она мне все говорит, что еще не с таки-ми ранами ходят, ну вот я и хожу по нужде. Рана немного затянется и лопается, а будь бы свой — то пожалел бы ногу, и я ее не беспокою ни в чем и ни разу не позволила себе ее побеспокоить по естеств. надобностям, т. к. чужой останется чужим. Я, может, неясно сказала относительно работы: я не ищу работу, но летом, может бы, Вы и нашли, тем более, что Вы были бы приписаны к Мурте, а я должна ехать дальше на север и, когда будет теплее, уеду в Пировск. Еще относительно посылок: возможно, что у него и брали дети, т. к. дети здесь тоже были голодные, и вся семья голодная, и немудрено, если у него кто и потаскивал. Мы никогда не уходили обе из дома, т. к. мы тоже не имеем лишнего и бережем каждую тряпочку. Так что Вы теперь успокойтесь в отношении своей будто вины к мужу. Жаль очень, что так мало осталось до конца и не удалось дожить. А в общем — тот, кто был в тюрьме и совершил путешествие из тюрьмы до места ссылки — никогда не сможет точно описать все пережитое, так много унижения, так тяжело и физически и нравственно, что неудивительно слабому человеку уничтожиться настолько, чтобы уже не быть человеком, способным к дальнейшей борьбе, да в таких летах. Мне тоже 64 года, я тоже очень состарилась, а когда служила, т. е. до 1 Мая 1940 г. машинисткой в Облзо — большом учреждении, — я не знала старости, я работала с увлечением, чтобы моя работа была лучше работы молодежи, и я этого достигала вполне. Это меня удовлетворяло, и я была сильна и легка на подъем. Теперь не знаю — буду ли так способна, а работать кем-либо придется, если не захочу умирать. Вы никому ничего не должны, т. к. лицо, которое послало телеграмму — имело 5 р. от Вашего мужа — так я слышала. Если увижу этого человека, то когда-нибудь еще напишу. Когда я служила, то всегда думала о черном дне, и кое-что

откладывала. Так что сейчас у меня есть 2000 р. и буду прибегать пока к ним, а если сумею заработать — то буду работать.

Гофман

Уважаемая Надежда Ивановна!

В последнее свидание с Андреем Андреевичем, накануне его смерти, он передал мне сберегательную книжку, телеграммы, открытку и свое заявление в УНКВД — все это я прилагаю к данному письму. Кроме того, он передал мне сорок рублей, видимо, не доверяя тем, с кем он жил. Из них я сначала отдал хозяйке 5 р., чтобы она купила молока для А. А., а на другой день передал ей остальные 35 рублей на его похороны. Похоронила его хозяйка. По ее словам, гроб дан был по распоряжению УНКВД, лошадь — сельсовет, а за могилу пришлось отдать все оставшиеся деньги.

Мне не пришлось проводить его, так как была срочная работа в связи с годовыми отчетами.

19. 01. 41г.

И. Сиземский.

А. А. Евдокимов умер таким же, каким был всю свою жизнь, — верным завету «Не убий». Его не сломили ни пыточные камеры архангельского НКВД, ни ссылка в Сибирь на верную смерть. Для многих в России заповедь «Не убий» и сегодня — пустой звук. И еще дальше от нынешней реальности отстоит новозаветное: «Положить душу свою за други своя».

Архангельск — Мюнхен — Петербург
1998—1999

Глава 1. ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСК

¹ Выделим работу американской исследовательницы *Виктории Боннелл* (*Victoria A. Bonnell*) *Roots of Rebellion. Workers' Politics and Organisations in St.- Petersburg and Moscow. 1900—1917*. University of California Press. Berkeley. Los Angeles; London. 1983. В этой работе имя А. А. Евдокимова неоднократно упоминается.

² См., например, работу американского историка *Реджинальда Зельника* (*Redginald E. Zelnic*) о Семене Канатчикове: *The Fate of a Russian Bebel. Semen Ivanovich Kanatchicov, 1905—1940*. Pittsburg, 1995.

³ *Тютюкин С. В.* Г. В. Плеханов: Судьба русского марксиста. М., 1997; *Урилов И. Х.* Ю. О. Мартов: Политик и историк. М., 1997; *Рокитянский Я., Мюллер Р.* Красный диссидент: Академик Рязанов — оппонент Ленина, жертва Сталина (Биографический очерк. Документы). М., 1996.

⁴ *Поспеловский Д.* На путях к рабочему праву: Профсоюзы в России. Франкфурт-на-Майне, 1987.

Автор мельком упоминает о Харьковском обществе взаимопомощи занимающихся ремесленным трудом, одним из лидеров которого был А. А. Евдокимов, и отмечает: «К сожалению, нам не удалось получить более подробные данные об этом харьковском обществе». (Указ. соч. С. 19.)

См. также указанные в библиографии (раздел 4 «Русские тексты») работы *В. Гриневича, П. Гарви, Ю. Фельштинского*.

⁵ В советской историографии роль инициатора создания Союза отводилась старой большевичке О. А. Варенцовой. См.: *Очерки истории Ивановской организации КПСС*. Иваново, 1963. Ч. I (1892—1917).

⁶ Год смерти Ф. А. Кондратьева приводится по «Очеркам истории Ивановской организации КПСС». Ч. I. С. 479. Однако обратимся к сообщению Харьковского государственного архива: «Сведений о годе смерти Кондратьева Ф. А. в архиве не имеется. В списке жителей города Харькова за 1943 год имеются сведения о проживании Кондратьева Федора Федоровича 1903 года рождения и его семьи в доме № 5 по переулку Юрьевскому». (Письмо директора архива В. В. Резниковой автору от 6 марта 1998 г. № 3-1/112.) Известно, что по указанному адресу Ф. А. Кондратьев проживал в 1914—1937 гг. (См.: *Весь Харьков за 1914 и 1937 годы*).

⁷ В первом издании Большой Советской Энциклопедии (М., 1931. Т. 23. С. 820) год рождения А. А. Евдокимова указан неверно.

⁸ ИРЛИ (Пушкинский дом). Ф. 377 (Общий перечень автобиографий). Д. 1414. Евдокимов Андрей Андреевич. Л. 1—1 (об.).

⁹ Николай Николаевич Кудряшов (1874—1935) — рабочий слесарь. Был осужден вместе с А. А. Евдокимовым по делу Ивановского рабочего союза.

В 1905—06 гг. в Москве был организатором и руководителем всех большевистских типографий. С 1907 г. — в эмиграции. Жил в Нью-Йорке. В 1917 г. вернулся в Россию. Некролог о нем был опубликован в «Рабочей Москве» (1935, 4 января).

¹⁰ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1421. Л. 7.

¹¹ В Иваново-Вознесенске А. А. Евдокимов жил вместе с Н. Н. Кудряшовым в квартире Екатерины Васильевны Иовлевой (дом Баганова) по адресу: Панская улица, дом 6. Дом сохранился. Нынешний адрес: улица Багаева, дом 7. Дом считается памятником истории и культуры Ивановской области, поскольку «в 1895—1902 годах здесь находилась конспиративная квартира марксистских организаций», и улица названа в честь одного из участников рабочего союза — М. А. Багаева (1874—1949), старого большевика. Второй адрес, по которому А. А. Евдокимов жил в Иваново-Вознесенске, женившись на дочери своей квартирной хозяйки Е. В. Иовлевой — Марии Иовлевой, — это Шереметьевская улица.

¹² Это было одно из первых в России и первое в Иваново-Вознесенске празднование Первого Мая. Проходило оно в Витовском лесу по Афанасьевскому тракту. Тогда и было принято решение о создании рабочего союза.

¹³ Никифор Иванович Махов (1875—1938). Третий, после Ф. А. Кондратьева и А. А. Евдокимова, лидер рабочего союза. Сорок лет спустя он вспоминал об этой маевке так: «Особенно оживленно обсуждался всеми кем-то подброшенный вопрос: “Через сколько лет мы будем в состоянии отпраздновать Первое Мая открыто, и не в лесу, а на улицах города, про-ходя по ним с красными знаменами?” Самые пылкие из нас полагали, что потребуется не менее 15 лет. Высчитывали, сколько в год прибудет нашего полку, сколько убудет? Итоги получались разные. В одном только сходились все, что едва ли кто-нибудь из нас будет участником свободного празднования Первого Мая. Полагали, что все погибнем до того времени по тюрьмам и ссылкам. <...> Разошлись после заката солнца. Погода в этот день стояла прекрасная: день солнечный, закат был красивый.

Расходясь, я увязался за Андреем Андреевичем Евдокимовым. Пришли в Багановский овраг. Дом Баганова, в котором Евдокимов квартировал, был старый фабричный корпус с сушилкой наверху под крышей. Войдя во двор, мы спустились в глубокий подвал и, пройдя через хозяйскую, по-пали в его комнату. Он зажег свет, и меня поразило обилие книг». (*Махов Н. Жизнь минувшая*. Иваново, 1939. С. 91—92). В момент опубликования мемуаров Н. Махова один из участников и руководителей той маевки А. А. Евдокимов уже год сидел в тюрьме — только не царской, а советской.

¹⁴ Стачка началась 24 сентября 1895 г., и хотя закончилась она формальной победой фабрикантов, вскоре благодаря ей зарплата ткачам была значительно увеличена и были введены две 9-часовые смены. Вообще же, в России только в 1897 г. был принят закон, установивший рабочий день в

11 с половиной часов. До этого рабочий день был, как правило, 14-ти ча-совой, с 5 утра до 8 вечера с часовым перерывом.

¹⁵ ЦДНИ. Ф. 281. Оп. 1. Д. 53. (Кондратьев Ф. А. Воспоминания об Иваново-Вознесенском рабочем движении 1891—1896 годов: Кружки рабочих в г. Иваново-Вознесенске.) Л. 9—16.

¹⁶ Махов Н. Указ. соч. С. 96.

¹⁷ Сергей Павлович Шестернин (1864—1945, Москва). Приехал в Иваново-Вознесенск на должность городского судьи в феврале 1894 г. Имел связи с петербургским Союзом борьбы за освобождение рабочего класса и с московскими социал-демократами. См. его воспоминания «Пережитое» (Ива-ново, 1940), в которых он много пишет об А. А. Евдокимове.

¹⁸ Шестернин С. П. Пережитое. С. 104.

¹⁹ Рябинин А. Н. Материалы для биографии Р. М. Семенчикова, 1877 — 1911. Госиздат, 1922. С. 65.

²⁰ См.: Невский В. Очерки... С. 428.

В. Невский (псевд.; настоящее имя — Кривобоков Феодосий Иванович, 1876—1937). В 1911 г. закончил харьковский университет и, вероятно, был лично знаком с А. А. Евдокимовым. С 1924 г. — директор нынешней Российской государственной библиотеки в Москве. В 1930-х гг. оказался в Суздальской тюрьме особого назначения (СТОН), устроенной в бывшем монастыре. Там же в то время пребывали Н. Д. Кондратьев и А. А. Ива-нов, о которых будет сказано далее.

²¹ Мартов Л. (Мартов Ю. О.) Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России. М., 1923. С. 214.

Мартов был создателем (вместе с Лениным) петербургского Союза борь-бы за освобождение рабочего класса. С 1903 г. — лидер меньшевистского крыла российской социал-демократии. После захвата власти большеви-ками ему позволили эмигрировать. Умер в 1923 г. в Берлине.

²² В истории российского рабочего движения и социал-демократии возникновение «экономизма» обычно датируется 1899 г., моментом появления «Кредо» Е. Д. Кусковой. С ней и ее мужем С. Н. Прокоповичем А. А. Евдо-кимов впоследствии многие годы был связан по работе в профессиональ-ном и кооперативном движении. Они были высланы большевиками за границу еще до знаменитых «философских пароходов» 1922 г., увозивших из Советской России многих друзей и коллег Андрея Андреевича... Одна из самых выдающихся русских женщин XX в. Е. Д. Кускова была известна в СССР только по проникнутым издевкой строчкам Владимира Маяков-ского о «Мадам Кусковой».

²³ Кудряшов Н. Н. Воспоминания. Как мы сколачивали Иваново-Воз-несенскую организацию // РЦХИДНИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 110. Л. 48.

²⁴ См.: Владимирская окружная организация РС.-Д.Р.П... Владимир, 1927. Вып. III.

²⁵ Очерки истории Ивановской организации КПСС. Иваново, 1963. Ч. I. С. 476.

²⁶ *Махов Н.* Жизнь минувшая... С. 116, 118.

²⁷ *Белин А.* (Евдокимов А.) Будьте со своими великими! // Защита. 1914. № 1. 1 сентября. Псевдоним «Белин», вероятно, взят А. А. Евдокимовым в честь В. Белинского.

²⁸ Речь идет о составленной А. А. Евдокимовым «Программе» Союза. Ее подлинник хранится в ГАРФ (Ф. 1167. Оп. 2. Д. 1350). Там же хранятся изъятые полицией: набросок статьи Евдокимова «О задачах пролетариата в России» (Ф. 1167. Оп. 2. Д. 1351), текст речи Ф. А. Кондратьева с призывом к ивановским рабочим создавать свои организации для борьбы с самодержавием (Ф. 1167. Оп. 2. Д. 1897) и набросок статьи Ф. А. Кондратьева к его работе «Теория социализма». Из воспоминаний С. П. Шестернина известно, что рукопись «Теория социализма» вместе с рукописной заметкой «Карл Маркс и русский рабочий» была найдена полицией у А. А. Евдокимова.

²⁹ См.: Рабочее движение в России в XIX веке. М., 1961. Т. IV (1890—1900). Ч. I (1895—1897). С. 443—444.

³⁰ См.: ГАХО. Ф. 925. Оп. 1. Д. 14.

³¹ ГАРФ. Ф. 124 (1897). Оп. 6. Д. 15. Л. 17 (об.). «Дело о деятельности Иваново-Вознесенского рабочего союза и привлечение к дознанию Ф. А. Кондратьева, А. А. Евдокимова и других».

³² ГАХО. Ф. 52. Оп. 4. Д. 1088. Л. 4. «Дело о состоящих под надзором полиции крестьянина Суздальского уезда Владимирской губернии Никифора Ивановича Махова и покровского мещанина Андрея Андреевича Евдокимова».

³³ *Невский В.* Очерки... С. 429.

³⁴ Там же.

³⁵ ГАРФ. Ф. 124 (1897). Оп. 6. Д. 15. Л. 81.

³⁶ См.: *Шипулина А. В.* Рабочее движение в городе Иваново-Вознесенске в 80—90-х годах XIX века: Возникновение первых марксистских организаций // Ученые записки Ивановского государственного педагогического института. Иваново, 1955. Т. VII.

³⁷ Анна Ивановна Хрящева. Приехала в Иваново-Вознесенск из Суздаля. Впоследствии работала с А. А. Евдокимовым в Харькове.

³⁸ Рабочее движение в России в XIX веке... С. 678—679.

³⁹ ГАХО. Ф. 52. Оп. 4. Д. 1088. Л. 29.

⁴⁰ Там же. Л. 32.

⁴¹ Очерки истории Владимирской организации КПСС. Ярославль, 1972. С. 25.

⁴² Багаев М. А. За 10 лет... С. 68.

⁴³ Там же. С. 100.

⁴⁴ Там же. С. 91.

⁴⁵ См.: Очерки истории Ивановской организации КПСС...

⁴⁶ Текст Манифеста публикуется по кн.: Златоустовский Б. В. Стачечное движение в Иваново-Вознесенском фабричном районе, 1905—1916 гг. Иваново-Вознесенск, 1928. С. 15—16.

⁴⁷ См. Очерки истории Ивановской организации КПСС...

⁴⁸ См. Материалы по истории профессионального движения в России. 1925. Сб. 3. С. 124.

⁴⁹ ГАХО. Ф. 925. Оп. 1. Д. 14. Л. 16.

⁵⁰ Там же. Л. 69.

⁵¹ Шапиро Л. Коммунистическая партия Советского Союза... С. 79.

⁵² Варенцова О. А. «Северный рабочий Союз» и Северный комитет РСДРП. Иваново, 1949. С. 7.

⁵³ Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова. Берлин, 1924. С. 71.

Глава 2. ХАРЬКОВ

¹ Рабочее движение в Харькове. Женева, 1900. С. 4.

² Ерманский О. А. Из пережитого (1887—1921). М.; Л., 1921. С. 50.

³ Там же. С. 51.

⁴ См.: Летопись революции. Харьков, 1923. № 4.

⁵ См.: Баськов П. Г. и др. Очерки истории Харьковской областной партийной организации. Харьков, 1980.

⁶ Левицкий В. (Цедербаум В.) За четверть века. М.; Л., 1927. Т. 1. Ч. 2 (1901—1903). С. 116—117.

⁷ История городов и сел Украинской ССР: В 26 т.: Харьковская об-ласть. Киев, 1967 (на укр. яз.). С. 51—52.

⁸ Ерманский О. А. Из пережитого... С. 51—52.

⁹ Мартов Л. Развитие крупной... С. 215.

¹⁰ ГАХО. Ф. 925. Оп. 1. Д. 14. Л. 69—70.

¹¹ Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова... С. 135.

¹² Павел Николаевич Колокольников (1871—1938). Соратник А. А. Ев-

докимова по созданию профсоюзов в России. В период февральской революции — товарищ (заместитель) министра труда. Погиб в лагере.

¹³ *Дмитриев К.* Вторая конференция профессиональных союзов // Отклики современности. 1906. № 4. 25 мая.

¹⁴ В. Гриневич — партийный псевдоним Михаила Григорьевича Когана (8(20).02.1874, Ростов-на-Дону — 16.10.1942, Уотербери, США, шт. Коннектикут). Вместе с А. А. Евдокимовым и П. Н. Колокольниковым играл видную роль в организации российских профсоюзов в период революции 1905—1907 гг. В июне 1917 г. на III Всероссийской конференции профсоюзов был избран первым председателем ВЦСПС. В феврале 1922 г. уехал за границу. См. о нем: *Гарви П.* Памяти пионера рабочего дела в России // Социалистический вестник. Нью-Йорк, 1942. № 19—20. С. 254—256, а также современную российскую публикацию: Пророчество первого лидера // Единство. СПб, 1995. № 21 (173), 25 октября. С. 8—9.

¹⁵ *Гриневич В.* Профессиональное движение рабочих в России. СПб, 1908. С. 38.

¹⁶ См.: *Мартов Л.* Развитие крупной...

¹⁷ Текст доклада сохранился и находится в фонде ОВЗРТ в Харьковском госархиве. (Ф. 925. Оп. 1. Д. 8. Л. 71—72.) Доклад был также опубликован в «Отчете» Общества за 1904 г. С. 40—44.

¹⁸ См. образчик этого уничтожения: За марксистско-ленинскую историю профдвижения. М.: Профиздат, 1932. Не забыли здесь упомянуть и ОВЗРТ и одного из его руководителей — некоего «крайне правого экономиста».

¹⁹ «Общественниками» называли деятелей обществ взаимопомощи.

²⁰ С. В. Зубатов (1867—1917). В 1896—1902 гг. — начальник московского охранного отделения. Инициатор и создатель легальных рабочих обществ под наблюдением полиции. (Наиболее известное в истории России из таких обществ — то, которым руководил Г. Гапон в Петербурге.) Зубатовцы еще в 1902 г. пытались воздействовать в своем духе на ОВЗРТ, но получили «от ворот поворот»... В условиях, когда полиция определяла все и вся, это был смелый шаг.

Г. И. Шаевич — организатор рабочего союза в Одессе. В результате деятельности Союза в этом городе возникла всеобщая стачка, охватившая все Черноморское побережье. Шаевича сослали в Вологду.

Известно, что в 1904 г. в Харьков приезжал сам Гапон с целью распространения влияния своей организации, но потерпел неудачу, подробности которой неизвестны. См.: *Ксенофонтов И. Н.* Георгий Гапон: Вымысел и правда. М., 1996. С. 55.

²¹ И. З. Желудков — по профессии наборщик, был лидером мощного движения питерских печатников. Один из основателей профсоюзного движения в России. Вместе с А. А. Евдокимовым много сделал для созыва пер-

вой всероссийской конференции профсоюзов. Впоследствии работал с каде-тами. В 1931 г. привлечен чекистами в качестве свидетеля на процессе меньшевиков. См.: Процесс контрреволюционной организации меньшевиков

1 марта — 9 марта 1931 г.: Стенограмма судебного процесса: Обвинительное заключение и приговор. М., 1931. С. 151—155. На этом процессе в качестве подсудимых были старые деятели профессионального движения — В. В. Шер, Н. Н. Суханов. В качестве свидетеля показания давал уже арестованный Н. Д. Кондратьев (с. 194—210), а также К. А. Гвоздев (с. 307—311) — глава дореволюционного Петербургского союза металлистов и министр труда в последнем составе Временного правительства.

Подробные отчеты о процессе широко печатались в советской прессе, создавая атмосферу запугивания и страха среди населения.

²² В Петербурге, кроме Союза печатников, А. А. Евдокимов получил поддержку с идеей проведения съезда у членов леволиберального Союза освобождения С. Н. Прокоповича и его жены Е. Д. Кусковой. Сам Ев-докимов в 1905 г. уже полностью отошел от социал-демократии в сторону синдикализма, а политически был близок к возглавляемому «штутгарт-ским рыцарем», как назвал А. И. Солженицин П. Б. Струве, Союзу освобождения. (П. Б. Струве жил в эмиграции в Штутгарте.)

²³ М. Н. Ушаков — слесарь Путиловского завода. Создал осенью 1902 г. Санкт-Петербургское общество взаимопомощи механических рабочих, конкурировавшее с гапоновским. В 1907 г. разоблачен как агент полиции. Больше о нем ничего неизвестно.

²⁴ В своем докладе 30 марта 1905 г. А. А. Евдокимов предложил, чтобы каждый год общества взаимопомощи печатали для входящих в них членов отчеты о своей деятельности. Он говорил: «Собрание таких отчетов представляет собой как бы общий отчет о положении нашего дела в России. В таком виде оно может иметь ценное значение для лиц, принимающих руководящее участие в обществе. Если же такой материал подвергнуть обработке и издать отдельной книгой, т. е. издать “Ежегодник Рабочих Обществ Взаимопомощи”, то это издание явится полезным руководством для членов Правления и будет как нельзя более кстати к предстоящему съезду».

3 апреля 1905 г. Андрей Андреевич выступил на чрезвычайном общем собрании ОВЗРТ со специальным докладом о предполагаемом «Ежегоднике Рабочих Обществ Взаимопомощи». Собрание одобрило программу Ежегодника и ассигновало 500 рублей на образование специального издательского фонда при обществе. (См.: Отчет Харьковского общества взаимного вспоможения занимающихся ремесленным трудом за 1904 год. Харьков, 1905. С. 43, 55.) Основой сборника и должна была стать статья А. А. Евдокимова, о которой идет речь.

²⁵ Первый объезд А. А. Евдокимова (декабрь 1904 — январь 1905) // 1905—1907 гг. в профессиональном движении... М., 1925. С. 126—130.

²⁶ Осипов Е. Рабочее профессиональное движение в Харькове. Харьков, 1925. С. 118.

²⁷ См.: Аксельрод П. Б. Народная дума и рабочий съезд. Женева, 1905.

²⁸ История профсоюзов СССР. М., 1977. Ч. I. С. 28.

²⁹ Святловский В. В. Профессиональное движение в России. СПб, 1907. С. 149.

³⁰ Там же. С. 148.

³¹ Доклад Правления общему чрезвычайному собранию 4 декабря по вопросу переименования общества в профессиональный союз с соответствующим изменением Устава. — ГАХО. Ф. 925. Оп. 1. Д. 8. Л. 57, 59—60. См. также: К десятилетию рабочего общества взаимопомощи. Харьков, 1908. С. 10.

³² Социал-демократ. 1905. № 6.

³³ Е (Евдокимов А. А.). Одним росчерком пера // Современный мир. 1910. № 12. Декабрь. С. 126

³⁴ ГАХО. Ф. 925. Оп. 1. Д. 13. Л. 125.

³⁵ 1905—1907 годы в профессиональном движении... С. 123.

³⁶ См.: ГАХО. Ф. 52. Оп. 4. Д. 1088.

³⁷ Там же. Л. 81.

³⁸ Там же. Д. 1356.

³⁹ ГАРФ. ДП 102. Д-3. 1900. 183 н<аружное> н<аблюдение>. «О мешанине А. А. Евдокимове».

⁴⁰ Цит. по: Васильев П. Синдикалисты и другие группы в профессиональном движении // Сб.: Материалы по истории профессионального движения в Петербурге за 1905—1907 гг. Пг., 1926. С. 198.

⁴¹ Ю. Милонов во введении к сборнику «1905 год, профессиональное движение» (М.; Пг., 1926) писал, что Союз рабочих для защиты своих прав был организован А. А. Евдокимовым. (Указ. соч. С. 69.) Те же сведения в 1-ом издании Большой Советской Энциклопедии: «<...> в 1905 году создал полуправильный Союз рабочих для защиты своих прав». СБСЭ. М., 1931. Т. 23. С. 820.

⁴² В тюрьме Ф. А. Кондратьев сидел с 18 января по 12 апреля 1906 г. и был освобожден из нее, поскольку его избрали в выборщики в Государственную думу по городу Харьков.

⁴³ См.: ГАХО. Ф. 3. Оп. 287. Д. 2276.

⁴⁴ См.: Там же. Ф. 52. Оп. 4. Д. 1964.

⁴⁵ Там же. Ф. 3. Оп. 287. Д. 2276. Л. 6.

⁴⁶ В книге М Багаева «За десять лет» помещена фотография 1927 г. На ней «старые ивановцы», участники рабочего союза: Х. В. Новикова,

С. П. Шестернин, О. А. Варенцова, М. А. Багаев, Ф. А. Кондратьев, Н. Н. Кудряшов, А. И. Хрящева.

⁴⁷ Н. П. Баллин (1829—1904) — помощник библиотекаря в Харьковском университете, вместе с В. С. Козловым был организатором кооперативной столовой, общества потребителей и производственного кооператива в Харькове в XIX в.

⁴⁸ *Коротков М. А.* Очерки истории кооперации в России. Пг., 1925. С. 168.

⁴⁹ А. Н. Анцыферов (1867—1943). Впоследствии один из организаторов Московского народного банка. Эмигрировал после захвата власти большевиками. Его богатейший архив находится в Институте социальной истории в Амстердаме.

⁵⁰ Были, конечно, и другие причины.

⁵¹ См.: ГАРФ. Ф. 102. ДП 00 1911 20. «Агентурные сводки по городу Харьков по профессиональному движению». 1913.

⁵² См.: там же.

⁵³ *Antsiferov Alexis N.* Credit and Agricultural Cooperation // The Cooperative Movement in Russia during the War. New Haven: Yale University Press, 1929. P. 365.

⁵⁴ *В-онь* Всероссийский кооперативный съезд в С.-Петербурге. Киев, 1912. С. 43.

⁵⁵ Там же. С. 39.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 102. ДП 00 1913 94. 88 ЛБ. Л. 115. «Сводка агентурных сведений по городу Харьков по партии социалистов-революционеров за сентябрь 1913 года».

⁵⁷ Очерк деятельности комитета содействия сельской кооперации, 1908—1913. Харьков, 1913. С. 20.

⁵⁸ *Кабанов В. В.* Кооперация. Революция. Социализм. М., 1996. С. 44.

⁵⁹ Александр Соломонович Изгоев (1872, Ирбит — 1935, Хаапсалу) — член ЦК кадетской партии. Публицист, участник сборника «Вехи». После 1917 г. — эмигрант.

⁶⁰ В. Л. Бурцев (1862—1942) — знаменитый «охотник за провокатора-ми». Публицист и историк. После 1917 г. — эмигрант.

⁶¹ И. С. Книжник-Ветров (1878—1965) — участник революционного движения. Анархист. В советское время — историк.

⁶² Августа Владимировна Мезьер (1869—1935) — известный библиограф.

⁶³ *Евдокимов А. А.* Кооперативный сбыт продуктов сельского хозяйства в России. Харьков, 1911. С. 38—39.

⁶⁴ Там же. С. 98.

⁶⁵ Архив РУ ФСБ по АО. Д. П — 5374. Т. 1. Л. 263.

⁶⁶ Н. Д. Авксентьев (1878—1943) — член ЦК партии социалистов-революционеров. Председатель ВЦИК Крестьянских депутатов (февраль — лето 1917). С июля 1917 г. — министр внутренних дел Временного правительства. Эмигрант.

⁶⁷ П. А. Сорокин (1889—1968) — известный русско-американский социолог. В 1922—23 гг. жил в Праге. Состоял членом возглавляемой С. С. Масловым группы «Крестьянская Россия», будущей ТКП. П. А. Сорокин был близким другом Н. Д. Кондратьева, лидера внутрироссийской ТКП.

⁶⁸ Иван Иванович Галкин — социалист-революционер. В 1917 г. — председатель Вельского уездного земельного комитета. В 1920-х гг. находился в ссылке в Вологде. Арестован и расстрелян по делу ТКП.

⁶⁹ Малахов Г. А. С. С. Маслов — лидер ТКП — «КР». Неопубл. рукоп. Личный архив Ю. Д. Дойкова. См. также: *Дойков Ю. В.* Маслов Сергей Семенович // Золотая книга эмиграции: Первая треть XX века: Энцикло-педический биографический словарь. М., 1997. С. 399—400.

⁷⁰ Н. В. Чайковский (1850—1926). Умер в Лондоне. Существует легенда (а может, и была), что в 1917 г. в Петрограде в честь него, как старого революционера, «дедушки русской революции» была названа улица. Название сохранилось доныне, несмотря на то, что за многочисленные прегрешения перед большевиками он в 1920 г. был приговорен ими заочно к расстрелу. Во всевозможных советских и постсоветских справочниках утверждается, что улица названа в честь композитора П. И. Чайковского.

⁷¹ «Крестьянская Россия»: Трудовая Крестьянская Партия (Введение: Идеология. Программа. Тактика). Прага, 1928. С. 3.

⁷² В опубликованной в 1998 г. в Москве книге «Просим освободить из тюремного заключения. Письма в защиту репрессированных». Указана дата смерти С. С. Маслова — «после 1945». (С. 201.)

Глава 3. МОСКВА

¹ В. А. Поссе (1864—1940) — теоретик и практик кооперации. Как и С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова и В. Ф. Тотомианц, учился в Бельгии. В 1905 г. вернулся в Россию. В советское время не только выжил, но и опубликовал воспоминания «Мой жизненный путь» (М.; Л., 1929), в которых А. А. Евдокимов упоминается как «Д. Михеев, сотрудник журнала “Жизнь для всех” по кооперативным вопросам».

² ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1421. Л. 8—9.

³ См.: *Bonnell V. E.* Roots of Rebellion...

⁴ Григорий Степанович Хрусталеv-Носарь (1877—1918) — присяжный поверенный, первый председатель Совета рабочих депутатов в Петербурге в 1905 г. Расстрелян ЧК на Украине.

⁵ Василий Смесов — рабочий металлист одного из заводов на Васильевском острове в Петербурге.

⁶ Ян Вацлавович Махайский (1886—1926).

⁷ М. Н. Ушаков. См. примеч. 23 к главе 2.

⁸ Классификация течений приводится по ст.: *Васильев П.* Синдикалисты и другие группы в профессиональном движении в 1905—1907 гг. // Материалы по истории профессионального движения в Петербурге за 1905—1907 гг. Пг., 1926. С. 194. Автор статьи — участник группы Поссе.

⁹ См. передовую статью в «Союзном деле» № 1 за 1907 г.

¹⁰ См.: *Андреевич А.* (Евдокимов А. А.) Местное объединение профессиональных союзов // Союзное дело. 1907. № 2.

¹¹ Юбилейный сборник по истории движения строительных рабочих Москвы, 1914—1924. М., 1924. С. 301.

¹² См.: *Bonnell V. E.* Roots of Rebellion...

¹³ Личность А. А. Евдокимова могла бы быть прекрасным предметом для обсуждения на международной конференции историков, прошедшей в Петербурге. См. ее материалы: Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций, 1861 — февраль 1917 / Отв. ред. С. И. Потолов. СПб, 1997.

¹⁴ Николай Константинович Муравьев (1870—1936) — защитник по политическим делам, составитель завещания Л. Н. Толстого, юрисконсульт Московского народного банка. В 1917 г. возглавлял следственную комиссию по расследованию противозаконных действий царского правительства, возглавлял Московский комитет политического Красного Креста. За участие в 1922 г. в качестве адвоката подсудимых на процессе правых социалистов-революционеров подвергался высылке. На протяжении многих лет тесно сотрудничал с А. А. Евдокимовым. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

¹⁵ Михаил Григорьевич Лунц (1872, Ковно — 1907, Петербург). По окончании Ковенской гимназии учился на юридическом факультете Московского университета. Жил за границей. Сотрудничал в «Русских ведомостях». С конца 1904 г. активно работал в МСТ. Член РСДРП с 1904 г. Автор ряда работ по российскому рабочему движению, фабричному законодательству, вопросам промышленной жизни.

¹⁶ Варвара Николаевна Бобринская (Львова) (1864, Москва — 1941, Турне, Бельгия).

¹⁷ См.: Бюллетени Музея содействия труду. 1905 г. № 1. 16 ноября.

¹⁸ Представление, что большевики «руководили» профсоюзами, сохранилось доныне. См., например: *Амонжолова Д. А.* «Горячо живу и чувствую...». Петр Гермогенович Смидович: Опыт исторического портрета. М.,

1998. Большевик П. Г. Смидович возглавлял Московское ЦБК с апреля 1907 г. и до ареста в июне 1908 г. Далее ЦБК возглавили два студента-меньшевика.

¹⁹ См. его воспоминания: *Гордеев М. Г.* Полвека унижений и борьбы: Повесть жизни ресторанный человека. М., 1925.

²⁰ См.: *Милонов Ю.* Как возникли профсоюзы в России. М., 1929. *Он же.* Введение // 1905 год. Профессиональное движение / Сост. А. Кац и Ю. Милонов. М.; Пг., 1926. С. 1—83.

²¹ Иосиф Андреевич Исув (1878—1920). В 1903 г. — член Екатеринославского комитета РСДРП. С 1907 г. — член ЦК меньшевиков. После Октября 1917 г. работал в Музее содействия труду.

²² См. об этом обсуждении: *Милонов Ю.* Как возникли профсоюзы... С. 172.

²³ Там же. С. 176.

²⁴ «Наша жизнь» — ежедневная газета. Издавалась профессором Петербургского университета Л. В. Ходским. Фактический орган петербургской группы Союза освобождения.

²⁵ *Тотомиянц В.* К Всероссийскому съезду обществ взаимопомощи // *Наша жизнь*. 1 (14) октября.

²⁶ Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова... С. 135.

²⁷ Израиль Соломонович Пескин — один из наиболее видных основоположников профессионального движения в России.

²⁸ Давид Борисович Рязанов (Гольдендах) (1870—1937). При Советской власти был создателем и директором Института К. Маркса и Ф. Энгельса. См. о нем: *Рокитянский Я., Мюллер Р.* Красный диссидент...

²⁹ Владимир Владимирович Святловский (1871—1927) — доцент, профессор Петербургского (Ленинградского) университета. Социал-демократ с начала 1890-х гг. Автор книг по истории профессионального движения.

³⁰ Павел Николаевич Колокольников (1871—1938) — участник Московского рабочего союза в 1890-х гг. После февральской революции — товарищ министра труда в коалиционном временном правительстве, после октябрьского переворота — член Всероссийского Совета рабочей кооперации, редактор «Вестника рабочей кооперации». Погиб в лагере.

³¹ См.: *Багаев М. А.* Моя жизнь...

³² Там же. С. 238.

³³ *Колокольников П.* (Дмитриев К.) Отрывки из воспоминаний // *Материалы по истории профессионального движения в России*. М., 1925. Сб. 3. С. 230.

³⁴ Там же. С. 231.

³⁵ Александр Семенович Орлов. В 1917 г. был товарищем министра торговли и промышленности С. Н. Прокоповича. В 1918 г. работал в Сибири в потребкооперации. Эмигрант.

³⁶ А. Литвак (Хаим Янкель Гельфанд) (1884, Слуцк — 1932, Нью-Йорк) — член Бунда, один из пионеров еврейского рабочего движения. Автор воспоминаний «Что было».

³⁷ Речь идет о Законе от 4 марта 1917 г. «О профессиональных обществах, учреждаемых для лиц, занятых в торговых и промышленных предприятиях, и для владельцев этих предприятий». Составителем Закона был В. В. Святловский.

³⁸ Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс (1869—1962) — журналистка и писательница. Член партии кадетов. Автор воспоминаний «На путях к свободе» (Нью-Йорк, 1954), в которых ничего не говорится об этом заседании.

³⁹ Конногвардейский бульвар (в советское время — бульвар Профсоюзов), дом 15. На заседании в квартире В. В. Святловского 6(19) ноября 1905 г. было создано и Центральное бюро Петербургских профессиональных союзов.

⁴⁰ 1905—1907 гг. в профессиональном движении... С. 420.

⁴¹ Святловский В. В. История профессионального движения в России. Пг., 1925. С. 230.

⁴² Список участников конференции с некоторыми биографическими добавлениями автора приводится по кн.: 1905—1907 годы в профессиональном движении... М., 1925. По сообщению В. И. Носача, Ф. И. Озол был репрессирован.

⁴³ Никитин А. М. Московские союзы в 1906 году // Московские профессиональные союзы в годы первой революции... С. 77

⁴⁴ Е. А. Дунаев (1877—1919). Умер в Нижнем Новгороде от сыпного тифа.

⁴⁵ Авенир Евстигнеевич Ноздрин (1862 — 23 сентября 1938). Умер в советской тюрьме в Иваново.

⁴⁶ См. о нем: История социал-демократической организации 1889—1903 гг. Екатеринослав, 1923. С.9.

⁴⁷ В. Н. Крохмаль (1866—1933). Стал членом ЦК РСДРП от меньшевиков на IV съезде партии. После Октября был одним из первых репрессированных кооператоров.

⁴⁸ Разительный контраст с сегодняшним днем. Начало века и конец века... В 1998 г. в Петербурге с трудом, раз в месяц на газетной бумаге издавался тонкий (32 страницы) журнал Федерации профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области «Единство», а в Москве четыре раза в месяц выходила газета Федерации независимых профсоюзов

России и Московской федерации профсоюзов «Солидарность».

⁴⁹ *Белин А.* (Евдокимов А. А.) 2-я конференция профессиональных рабочих союзов // Без заглавия. 1906. № 13. 16 апреля. С. 17—23.

⁵⁰ М. И. Либер (Гольдман) (1880—1937). Расстрелян в СССР.

⁵¹ Д. Кольцов (Борис Абрамович Гинзбург) (1863, Могилевская губерния — 1920, Уфа).

⁵² См.: Путеводитель по резолюциям... С. 23.

⁵³ *Андреевич А.* (Евдокимов А. А.) К вопросу о съезде или конференции // Профессиональный вестник. 1907. № 4—5. Цит. по: 1905—1907 гг. в профессиональном движении. С. 513.

⁵⁴ Там же. С. 514.

⁵⁵ *Андреевич А.* (Евдокимов А. А.) Общербочий съезд в России // Союзное дело. 1907. № 1.

⁵⁶ Н. Валентинов (Н. В. Вольский) (1879—1964) — меньшевик, историк. Работал в советских учреждениях. Эмигрант-невозвращенец. Умер во Франции. Автор книги о В. И. Ленине.

⁵⁷ Зигмунд Семенович Ленский — деятель социал-демократии с 1890-х гг. После октябрьского переворота — эмигрант. Жил в Лондоне.

⁵⁸ Борис Соломонович Смолин-Цейтлин (1879 — 1920, Витебск).

⁵⁹ Сергей Петрович Тюрин — профессор политической экономии в Московском университете, участник рабочего профсоюзного движения. После 1917 г. — эмигрант. В 1935 г. преподавал экономику в Лондонском университете. Автор книг по российскому профессиональному движению. См. библиографию.

⁶⁰ «Рабочий на постройке» — журнал Московского Союза архитекторно-строительных рабочих. Вышел всего один номер. А. А. Евдокимов опубликовал в нем ряд статей.

⁶¹ 1905—1907 гг. в профессиональном движении. С. 541—542.

⁶² *Шер В. В.* Страничка воспоминаний // Материалы по истории профессионального движения в России. М., 1925. Сб. IV. С. 67.

⁶³ Виктор Павлович Ногин (1883—1924). В октябре 1917 г. был одним из главных руководителей большевистского восстания в Москве. Депутат Учредительного собрания от Москвы. Член первого советского правительства. Похоронен у Кремлевской стены на Красной площади. В 1924—1992 гг. одна из центральных московских площадей носила его имя.

⁶⁴ В. Л. Шанцер (Марат) (1867—1911) — большевик, адвокат. Умер в Москве.

⁶⁵ Станислав Вольский (1880—?). В 1917 г. боролся с Советской властью. Затем работал в лесной кооперации, Госплане, наркомате труда. Занимался литературной работой.

⁶⁶ См.: Воспоминания В. П. Ногина о Московской организации // Пролетарская революция. М., 1925. II (37).

⁶⁷ Алексей Максимович Никитин (1876 — 14 апреля 1939). Присяжный поверенный. В 1917 г. — министр почт и телеграфов Временного правительства. В последнем составе Временного правительства — министр внутренних дел. Расстрелян.

⁶⁸ См.: Воспоминания В. П. Ногина о Московской организации.

⁶⁹ Николай Карлович Мекк (1863—1929). Расстрелян по делу «Промпартии».

⁷⁰ Максим Максимович Ковалевский (1851, Харьков — 1916, Петербург) — социолог, академик. Правый кадет. Профессор Петербургского университета. Член 1-ой Государственной думы.

⁷¹ *Шер В. В.* История профессионального движения рабочих печатного дела в Москве. М., 1911, С. 329—330.

⁷² ГАРФ. ДП 102. Д. 7. Д. 6250. Л. 20.

⁷³ В фонде Московской судебной палаты сохранилось дело «О мещанине Андрее Андрееве Евдокимове». В деле имеется «Обвинительный акт о мещанине Андрее Андрееве Евдокимове» от 9 января 1909 г., где записано, что 15 и 16 июня 1907 г., по распоряжению Московского охранного отделения, чинами полиции был произведен обыск в доме Хлудовых на Рождественке в библиотеке Музея содействия труду Московского отделения Императорского русского технического общества, находившейся в заведовании делопроизводителя музея строительного техника мещанина Андрея Евдокимова. При обыске были найдены в шкафу библиотеки 131 экземпляр № 5 журнала «Профессионал» от 30 мая 1907 г. и 7 печатных воззваний «группы сознательных рабочих» к «строительным рабочим» (ЦИАМ. Ф. 131. Оп. 72. Д. 1474. Л. 2.). Евдокимов был привлечен к «дознанию в качестве обвиняемого в хранении в библиотеке Музея содействия труду с целью распространения вышеуказанных сочинений, заведомо для него возбуждающих к ниспровержению существующего в России государственного и общественного строя и вражду между хозяевами и рабочими». Евдокимов не признал себя виновным и объяснил, что не считал преступным содержание данных печатных произведений. // ЦИАМ. Арх. справка № Т206/Т-25 от 12.04.1999. Сам А. А. Евдокимов на допросе в Архангельском НКВД в 1939 г. показал, что в 1907 г. находился 6 месяцев в тюрьме. Можно предположить, что речь идет о пребывании в московской тюрьме во время дознания проводимого московской охранкой.

⁷⁴ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1421. Л. 9.

⁷⁵ *Васильев П.* Синдикалисты и другие... С. 204.

⁷⁶ См.: *Проф. Швиттау Г. Г.* Русская кооперация на международном рынке. Берлин, 1920.

⁷⁷ А. Ф. Фортунатов (1856—1925) — известный статистик. Всю жизнь проработал в Петровской (Тимирязевской) сельскохозяйственной академии, и его учениками были многие деятели российской кооперации, в т.ч. Н. Д. Кондратьев и А. Г. Дояренко — будущие лидеры ТКП.

⁷⁸ Владимир Александрович Перелешин (1869—1950). Впоследствии — первый председатель Правления Московского народного банка.

⁷⁹ Александр Генрихович Штанге — старый народник, работал в кооперации Нижегородской губернии. Впоследствии — член совета МНБ.

⁸⁰ Евдокимов А. А. Доклад // Труды первого съезда представителей кооперативных учреждений в Москве 16—21 апреля 1908 г. М, 1908. С. 6.

⁸¹ См.: Днепровский С. П. Кооператоры. М., 1968. С. 225.

⁸² См. об этом эпизоде: *Bonnell V. E. Roots of Rebellion...* P. 335.

⁸³ Альфонс Леонович Шанявский (1837—1905) — меценат, золотопромышленник, генерал-майор. Ныне здание университета на Миусской площади, дом 6 занимает Российский государственный гуманитарный университет.

⁸⁴ Александр Никифорович Минин (1883—1939). В 1909—1911 гг. работал участковым агрономом в Херсонской и Харьковской губерниях. В 1918 г. был преемником А. А. Евдокимова на посту редактора журнала «Вестник кооперативных союзов». В 1920—1929 гг. профессор Воронежского сельскохозяйственного института. Расстрелян.

⁸⁵ Владимир Агафонович Кильчевский — лидер ярославских кооператоров. Впоследствии — член Учредительного собрания. Автор ряда работ по кооперации. В 1922 г. выслан из Советской России.

⁸⁶ Николай Павлович Макаров (1887—1980) — один из руководителей ТКП. В начале 1920-х гг. был в США, где ему предлагали работу в Корнелльском университете, но в 1923 г. Н. П. Макаров вернулся в Советскую Россию, вероятно, питая иллюзии (как и многие в эмиграции) в связи с новой экономической политикой большевиков. Был репрессирован и вновь появился в публичной жизни только после смерти И. В. Сталина.

⁸⁷ Николай Петрович Огановский (1874—1938) — выдающийся специалист по сельскому хозяйству. Впоследствии — член Учредительного собрания. В 1918 г. — товарищ министра земледелия Сибирской Директории. Затем работа в советских учреждениях. См. его личный фонд в ГАРФ. В 1933 г. находился в ссылке в Уфе.

⁸⁸ «Заветы» — петербургский «толстый» журнал (1912—1914), близкий к партии социалистов-революционеров. «Мотором» журнала был С. П. Постников.

⁸⁹ См.: ГАРФ. ДП 102 00 1914. Д. 9-46-Б.

⁹⁰ Павел Алексеевич Садырин (1877—1938). В 1920-х гг. был председателем правления сельскосоюза. Расстрелян.

⁹¹ См.: ГАРФ. ДП 102 Д-4 1911. Д. 394.

⁹² Российская кооперация выдвинула трех известных женщин-деятелей кооперации Е. Д. Кускову, Л. М. Арманд и Е. О. Ленскую-Стенцель.

⁹³ В. П. Акимов (Махновец) (1872—1921) — ровесник А. А. Евдокимова и его соратник по народничеству, экономизму, синдикализму, кооперации. Умер 15 ноября 1921 г. Последние 7 лет жизни отдал кооперативной школе Центросоюза.

⁹⁴ Д. С. Коробов. Летом 1917 г. — товарищ министра продовольствия Временного правительства. В 1920 г. вместе с рядом других выдающихся кооператоров приговорен к 15 годам тюремного заключения по делу «Центросоюза». В 1927 г. состоял членом правления Хлебоцентра.

⁹⁵ Защита. 1914. № 6. С. 3.

⁹⁶ Там же. № 10. С. 3.

⁹⁷ Там же. № 26.

⁹⁸ К нашим читателям // Защита. 1914. № 53.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Борис Иванович Сыромятников (1874—?) — историк русского права и литературовед.

¹⁰¹ Цит. по: Кабанов В.В. Кооперация. Революция. Социализм. М., 1996. С. 64—65.

¹⁰² Евдокимов А. А. Возрождение села и кооперация. М., 1914. С. 15.

¹⁰³ Там же. С. 32.

¹⁰⁴ Евдокимов А. А. Кооператоры и внешкольники. М., 1915. С. 12.

¹⁰⁵ Евдокимов А. А. Обновление культуры. 2-е изд., испр. и доп. М., 1917. С. 5.

¹⁰⁶ См.: Труды Всероссийского съезда деятелей народного театра в Москве. 27 декабря 1915 г. — 5 января 1916 г. Пг., 1919. А также ст.: *Свифт* Э. Рабочий театр и пролетарская культура // Рабочие и интеллигенция в России в эпоху...

¹⁰⁷ Александр Васильевич Меркулов (Глебов) — кооперативный статистик и библиограф. Автор (совместно с И. Ф. Гриценко) капитального «Систематического указателя русской литературы по кооперации, 1856—1924». (М., 1925).

¹⁰⁸ Меркулов А. В. Вопросы кооперативного движения в России. Пг., 1918. С. 148.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ См.: Журнал Совещания представителей союзов-корреспондентов Московского народного банка 17—18 декабря 1918 г. в Москве.

¹¹¹ Кабанов В. В. Кооператоры России... С. 120. К сожалению, в беседе, состоявшейся летом 1998 г., В. В. Кабанов не смог указать автору этой книги на источник цитаты.

¹¹² Евдокимов А. А. Экономическая обсерватория // Вестник кооперативных союзов. 1916. № 5. С. 254.

Глава 4. 1917 – 1921 гг.

¹ Семен Леонтьевич Маслов (1874—1938) — один из основоположников сельскохозяйственной кооперации в России. С 1917 г. — член партии социалистов-революционеров. С сентября 1917 г. — министр земледелия во Временном правительстве. В 1919 г. избран председателем Совета объединенной сельскохозяйственной кооперации (Сельскосовет). В 1930 г. вместе с А. В. Чаяновым и Н. Д. Кондратьевым был объявлен членом ТКП. Расстрелян.

² Лекции читались с 27 марта по 5 апреля 1917 г. Они были изданы отдельным томом «Организация местных кооперативных курсов» (М., 1917). Среди авторов этих курсов лекций: А. В. Чаянов, В. П. Махновец, В. В. Хижняков, А. М. Минин, В. А. Кильчевский, А. А. Евдокимов.

³ Владимир Митрофанович Арнольди (1871—1924) — морфолог растений и альголог. Член-корреспондент РАН.

⁴ См.: Евдокимов А. А. На пути к высшей крестьянской школе // Вестник кооперативных союзов. 1916. № 10—11. С. 649.

⁵ Евдокимов А. А. На пути к высшей крестьянской школе // Евдокимов А. А., Петров А. На пути к высшей крестьянской школе. 4-е изд. М., 1918. С. 21.

⁶ Там же. С. 25.

⁷ Там же.

⁸ «Речь» — центральный орган партии конституционных демократов.

⁹ Бюллетень общества политического просвещения армии и широких слоев населения. М., 1917. № 2. 15 августа. С. 20.

¹⁰ Там же. С. 21.

¹¹ Бурцев В. Два направления // Ежемесячный журнал. 1917. № 1. С. 202—204.

¹² См.: Евдокимов А. А. Открытие первой Высшей Крестьянской Школы // Вестник кооперативных союзов. 1917. № 10—11; Вестник кооперативного кредита. 1918. № 1. С. 17—18.

¹³ См.: Струве Петр Лига русской культуры // Русская свобода. Пг.; М., 1917. № 3.

¹⁴ Русские ведомости. 1917. № 213. 19 сент. (2 окт.). С. 6.

¹⁵ См.: Лига русской культуры // Русская свобода. 1917. № 8.

¹⁶ Евдокимов А. А. Крестьянская кооперация на Государственном совещании. 12—15 августа 1917 г. // Вестник кооперативных союзов. 1917. № 8. С. 7.

¹⁷ См.: Кооперация и политика: Беседа в Русском демократическом клубе // ВКС. 1917. № 8.

¹⁸ Там же. С. 38.

¹⁹ См.: Туган-Барановский М. И. Всероссийский съезд кооперативных союзов // Вестник кооперации. 1917. № 2—3.

²⁰ Тотомлянц В. Ф. Кооперация в России. Прага, 1922. С. 148.

²¹ Всероссийский крестьянский союз. Создан в 1905 г. Руководящий орган Союза — Главный комитет. Одним из членов комитета был В. Ф. Кра-снов, народник, социалист, кооператор, коллега А. А. Евдокимова по работе в газете «Защита». В организации проведения съезда Крестьянского-го Союза большую роль сыграли также руководители партии народных социалистов А. В. Пешехонов, В. И. Анисимов, Н. В. Чайковский и беспартийные братья В. П. и С. П. Мазуренко.

²² См.: Третий съезд Всероссийского Крестьянского Союза в Москве. 31 июля — 6 августа. 1917. Курган, 1917.

²³ Семен Петрович Мазуренко (1879—?) — председатель Всероссийских съездов, член Главного комитета ВКС (Всероссийского Крестьянского Союза). С 1918 г. работал в советских учреждениях. В 1925 г. был арестован и, вероятно, казнен.

²⁴ Цит. по: Балабанов М. История рабочей кооперации в России. 4-е изд., доп. М., 1928. С. 269.

²⁵ Михеев Д. (Евдокимов А. А.) Крестьянский кооператизм: Статья вторая // ВКС. 1917. № 12. На этом номере издание ВКС как периодического органа было прекращено. Позже вышел еще ряд номеров, но А. А. Евдокимов в них уже не участвовал.

²⁶ Там же.

²⁷ А. А. Евдокимов говорит о резолюции, подготовленной комиссией под руководством Н. В. Чайковского и призывающей Учредительное собрание немедленно возобновить работу и собрать все силы для спасения родины и революции.

²⁸ Труды I очередного Всероссийского Кооперативного съезда. М., 1918. Вып. I. С. 54—55. Этот съезд был пятым по счету общероссийским кооперативным съездом.

Четыре предыдущих: 1) 1908 — Москва, 2) 1913 — Киев, 3) март 1917 — Москва, 4) октябрь 1917 — Москва (обсуждался вопрос о выборах в Учредительное собрание). Съезд в 1912 г. в Петербурге был не обще-

кооперативным, а всероссийским съездом кредитной и сельскохозяйственной кооперации.

Съезд в феврале 1918 г. был назван Первым потому, что это был первый съезд, созданный в соответствии с законом о кооперативных съездах от 1 августа 1917 г. и правилами установленными предшествующими съездами.

²⁹ Там же. С. 57.

³⁰ Там же. С. 90.

³¹ *Слетова А.* Плавучая выставка // Петроградский кооператор. 1918. № 22—24.

³² См.: *Евдокимов А. А.* Народная выставка на пароходе «Керженец». Харьков, 1919.

³³ *Евдокимов А. А.* Среднее Поволжье и постигший его неурожай. Вологда, 1921. С. 13, 15.

³⁴ Там же. С. 8.

³⁵ Об этом А. А. Евдокимов упоминает в составленном им справочнике «Сельскохозяйственная кооперация в условиях настоящего времени». Вологда, 1921.

³⁶ БСЭ. 1-е изд. М., 1931. Т. 23. С. 820.

³⁷ *Евдокимов А. А.* Сельскохозяйственная кооперация в условиях... С. 29.

³⁸ Н. И. Евдокимова (13 сентября 1894 , Архангельск — 15 июня 1979, Архангельск) — дочь уездного холмогорского врача Ивана Ивановича Боброва, окончила архангельскую гимназию. Похоронена в Холмогорах рядом с отцом, уроженцем Пензы, который по окончании Казанского университета приехал в Холмогоры и более 40 лет проработал в этом уездном городе Архангельской губернии, на родине М. В. Ломоносова.

³⁹ См.: *Евдокимов А. А.* Зимние крестьянские школы как первая ступень кооперативного образования в сельских местностях. Вологда, 1922. С. 36.

⁴⁰ Там же. С. 37, 39.

⁴¹ *Евдокимов А. А.* Сельскохозяйственная кооперация в условиях ...С. 29.

⁴² См.: *Ленин В. И.* О кооперации: Статьи и речи. М., 1924.

⁴³ Цит. по: *Ленский З.* Положение русской кооперации // Современные записки. 1920. № 1.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ *Орлов А. С.* Начало возрождения кооперации в России. Париж, 1922 (?).

⁴⁶ См.: Дело кооператоров // Известия. 1920. 1 сентября.

⁴⁷ См.: Дело кооператоров: Приговор // Известия. 1920. 5 сентября.

⁴⁸ См.: *Blanc E. T. Cooperative Movement in Russia*. The Macmillan Company, 1924. P. 279.

⁴⁹ Малахов А. Е. Русская кооперация и коммунисты. Лондон, 1921. С. 39.

⁵⁰ Важской областью называли ряд уездов, входивших в состав Архангельской и Вологодской губерний. По территории Важская область была чуть меньше Голландии.

⁵¹ Статистические сведения приводятся по: *Antsiferov A. N. Credit and Agricultural Cooperation...* P. 374—377.

⁵² См.: Малахов А. Е. Русская кооперация и коммунизм...

Подробности гибели Я. П. Леванидова были освещены нами на основе материалов архива управления ФСБ по АО в архангельской газете «Правда Севера» в 1993 г. в публикациях: О судьбе Якова Леванидова и других (22 октября) и «Жил честно и умираю честно»: Еще раз о судьбе Якова Леванидова и других (3 декабря).

⁵³ Григорий Александрович Дегтев (р. 12 ноября 1872 г.). Со времени создания Союза в 1914 г. был постоянным членом его Правления. В апреле 1918 г. вместе с А. Е. Малаховым и С. П. Костылевым был арестован большевиками и посажен в Шенкурскую тюрьму. Из тюрьмы все трое бежали, но Дегтев был вновь задержан, а больной Костылев решил сдаться властям.

⁵⁴ Дата расстрела приводится по материалам реабилитации С. П. Костылева, хранящимся в областной прокуратуре Архангельска.

⁵⁵ «Крестьянская Россия»: ТКП... С.3.

⁵⁶ Архивная справка Управления ФСБ по Новгородской области № 2489 от 2 сентября 1997 г. // Архив автора.

⁵⁷ А. А. Булатов был реабилитирован Новгородской областной прокуратурой 21 августа 1992 г. // Там же.

⁵⁸ Архив «Земгора» хранился в РЗИА в Праге. Был захвачен советской контрразведкой и ныне находится в ГАРФ. Там есть и анкетно-регистрационная карточка члена «Земгора» С. С. Маслова.

⁵⁹ Из Архангельска в Сибирь С. С. Маслов выехал на собачьей упряжке 20 сентября 1918 г. 18 ноября он прибыл в Омск, на следующий день захваченный Колчаком, который расстреливал демократов и социалистов. С. С. Маслов перешел на нелегальное положение. 15 июня 1919 г. из Омска он выехал в Советскую Россию. Перешел через линию фронта и обосновался в Уфе. «Покаялся» перед Советской властью. За год до этого также «покаялся» в Великом Устюге П. А. Сорокин.

В. И. Ленин откликнулся на «покаяние» П. А. Сорокина статьей в «Правде». Его не расстреляли. Разрешили работать в Петроградском университете. С. С. Маслову тоже разрешили заниматься «культурно-просветительной работой». 13 августа 1919 г. он был арестован вместе со своим

помощником по ПСР в 1917 г. в Вологде К. А. Новиковым. В чекистском «Заключении» от 6 ноября 1920 г. говорилось: «Принадлежность Маслова С. С. и Новикова К. А. к партии социалистов-революционеров за последние годы не установлена, и они подлежат освобождению из под ареста» и «<...> никто из других лиц показаниями Маслова и Новикова не скомпрометированы». (Справка по архивно-уголовному делу П-8975, хранящемуся в Управлении ФСБ по Вологодской области.) // Архив автора. К. А. Новиков был расстрелян в 1930-х годах. По некоторым данным, в Уфе.

⁶⁰ См.: Маслов С. С. На нелегальной работе в России. Белград, 1930.

⁶¹ Малахов Г. А. Трудовая Крестьянская партия — «Крестьянская Россия». Рукоп. С. 4—11 // Архив автора.

⁶² О чекистской провокации против находящейся в Харбине Дальне-восточной организации ТКП см.: Писманик М. Комиссар государственной безопасности. Ташкент, 1981. С. 87—89.

⁶³ См.: Гинсбург Абрам Моисеевич // Деятели революционного движения в России... М., 1933. Вып. 2. Т. 5.

Глава 5. АРХАНГЕЛЬСК

¹ Архив ФСБ по АО. Д. П-8181. Л. 60.

² Там же. С. 110.

³ В. Н. Трапезников (1874—1938) был одним из создателей, а затем, с 1900 г., руководителем Пермского рабочего союза, аналогичного Иваново-Вознесенскому рабочему союзу. В 1901 г. В. Н. Трапезников пытался создать Общество взаимного вспоможения рабочих механического производства. В Пермском государственном архиве находится личный фонд В. Н. Трапезникова, в который несколько лет назад были переданы материалы, конфискованные НКВД при аресте Трапезникова. В 1998 г. в Перми вышла подготовленная местными историками его книга «Летопись города Перми».

⁴ Елена Михайловна Тагер (1895, Петербург — 1964, Ленинград). Жена расстрелянного большевиками в Сибири поэта С. Маслова. В Архангельске находилась в ссылке за участие в деятельности АРА. Работала в Союзе кооперативов. Поэт русского «серебряного века». Исследователь Севера. Прозаик. В 1929 г. в Ленинграде вышла ее книга «Зимний берег». О рассказе Тагер на «архангельскую» тему «Попадья» высоко отозвался Глеб Струве. В 1930-х гг. была вновь арестована и много лет провела на Колыме. Автор воспоминаний об О. Э. Мандельштаме.

⁵ ГААО Ф. 1222. Оп. 1. Д. 2.

⁶ Иван Александрович Перфильев (1882—1942) — ботаник, экономист. В Архангельске жил с 1924 г. Занимал различные административные посты, в т. ч. начальника Управления островами Северного Ледовитого океана.

⁷ Александр Иннокентьевич Толмачев (1903—1979) — палеонтолог. В 1970-х гг. работал в Ленинграде.

⁸ Александр Александрович Чернов (1877—1963) — известный геолог.

⁹ См.: Русские ботаники (Ботаники России — СССР): Биографо-библиографический словарь. М., 1950. Т. 3. С. 232

¹⁰ Наука и научные работники СССР. Л., 1928. Ч. VI (Научные работники СССР без Москвы и Ленинграда). С. 120.

¹¹ Там же. С. 189.

¹² Там же. С. 214.

Вениамин Иванович Лебедев (15 декабря 1883, Петербург — 1939). С начала 1920-х гг. жил в Архангельске. В 1924—1932 гг. возглавлял архангельский Институт промышленных изысканий. Расстрелян как норвежский шпион.

¹³ Письмо Г. А. Малахова от 25 марта 1998 г. автору.

¹⁴ *Солженицын А. И.* Архипелаг Гулаг. Вермонт; Париж: IMCA-PRESS, 1989. Т. 1—2. С. 58—59.

¹⁵ ОПДФ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 946. Л. 15.

¹⁶ *Тонков В.* Северный краевой музей. Архангельск. 1935. С. 23.

¹⁷ ОПДФ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 946. Л. 15—16.

¹⁸ Там же. Л. 16.

¹⁹ Просим освободить из тюремного заключения: Письма в защиту репрессированных. М., 1998. С. 175.

²⁰ Архив ФСБ по Воронежской области. Д. 107337. Т. 9. Л. 222. Цит. по: *Базилевская В.* Письмо в редакцию // Знамя. 1991. № 2. С. 240.

²¹ См.: *Скрипников А. В. Черных В. М.* Архивы раскрывают тайны // Местные архивы об истории регионов России. СПб, 1997. С. 98—99.

²² Архив ФСБ по Новосибирской области. Д. 11516. Цит. по: *Панков С. А.* Сталинский террор в Сибири. Новосибирск, 1997. С. 88.

²³ Родной брат С. А. Мазуренко, с которым А. А. Евдокимов работал в 1917 г. в Крестьянском Союзе и «Голосе Крестьянского Союза».

²⁴ В 1957 г. Н. В. Суровцова вернулась на Украину. Была одной из многих жертв сталинского ГУЛАГа, кто присоединился к правозащитному движению. Ныне на Украине создан музей Н. В. Суровцовой и опубликованы ее обширные воспоминания. См.: *Суровцова Н.* Спогади. Київ, 1996. Архангельский музей — «Дом с числом номер сто» был описан ею в рассказе «Кэ» (по-юкагирски — друг), в 1948 г. в Нижнем Сеймчане. Умер-ла Н. В. Суровцова в 1985 г.

²⁵ Во многих регионах уже изданы первые тома «Книги памяти жертв политических репрессий». Новгород, Орел, Калуга, Томск, Иваново, Яро-славль, не говоря уже о Москве и Петербурге, помнят погибших. Архан-гельск же — странный город. По тяжести понесенных жертв он стоит, ве-роятно, на втором месте после разгромленного Сталиным Ленинграда.

По-видимому, Россия — единственная страна, у которой нет ни прош-лого, ни будущего. Люди жили и живут «начерно», одним сегодняшним днем. Выводы из трагического коммунистического прошлого не делаются.

Психологи Катарина Бейкер (США) и Юлия Гиппенрейтер (Россия) про-вели анализ феноменов, связанных со сталинскими репрессиями. Их вывод: «Соккрытие злодеяний и позорного прошлого пагубно влияет на жизнь общества. Напротив, открытие секретов и тайн, их осмысление и извлече-ние из них уроков может оказать целебное действие на общество при поисках путей функционирования».

Вывод элементарен. Но Архангельск, где историческое беспамятство очевидно — действительно странный город. «Об этом не надо», слышим в ответ... Какая уж тут книга памяти жертв политических репрессий...

²⁶ *Китицина Л.* Материалы для биографии В. И. Смирнова. (Рукоп.) 1962—63 гг. Научный архив Архангельского областного краеведческого музея. Л. 138.

²⁷ См.: Архив ФСБ по Архангельской области. Д. П–5374. В 3-х т. «По обвинению Кречкова Георгия Михайловича и других». Т. 2.

²⁸ *Попова Т. Ю.* (Цедербаум) Судьба родных Л. Мартова в России после 1917 г. М., 1996. С. 5.

²⁹ См.: *Дойков Ю.* Из работы Вологодской Чека: Чекистская мельница молола и «лучших людей России» и их палачей // Русская мысль. 1996. № 4140. 12—18 сентября.

³⁰ Дмитрий Иванович Деларов (1864—1928) — агроном, депутат 2-й Государственной думы, член партии народных социалистов. После Ок-тябрьского переворота — профессор Молочного института в Вологде. В 1918—1922 гг. — член Совета объединенной сельскохозяйственной коо-перации.

³¹ См.: Архив ФСБ по Вологодской области. Д. П–10727 «По обвинению Зайцевой Феоктисты Федоровны».

Ф. Ф. Зайцева, г. р. 1898. Уроженка Ярославской губернии. В 1918—19 гг. заведовала лазаретом на Пинежском фронте. В 1933 г. работала в архан-гельском Крайисполкоме. В 1936 г. — директор кинотеатра «Ударник». Арестована 13 января 1938 г. в Архангельске как член партии социали-стов-революционеров. 9 октября 1938 г. в Вологде ее судили на закрытом судебном заседании выездной сессии военной коллегии Верховного суда СССР под председательством корпусного военюриста Матулевича. В сте-нограмме этого «суда» говорится: «От своих показаний на предваритель-

ном следствии о том, что она была участницей антисоветской организации “Крестьянская партия” отказалась и заявила, что эти показания она дала под нажимом следствия». Ф. Ф. Зайцева была расстреляна 26 декабря 1938 г.

³² «Союзный центр» ТКП — руководящий орган ТКП в Москве. Одним из его членов, по показаниям Ф. И. Юхнева, был Федор Карлович Галевиус, г. р. 1888, бывший левый эсер, замначальника планово-экономического отдела Наркомзема СССР, видный специалист в области сельского хозяйства и известный вологодский краевед. Автор около 20 книг.

³³ Петр Иванович Гейдан — вологодский эсер. В 1917—18 гг. работал старшим инструктором Вологодского общества сельского хозяйства. Там же в то время работала и Ф. Ф. Зайцева. Примерно в 1921 г. (по другим данным — в 1919 г.) выехал в Латвию, где стал директором Вселатвийского кооперативного банка.

³⁴ Д. П–5374. Т. 2. Л. 82.

Сергей Михайлович Бараев — вологодский эсер. Автор книг, опубликованных в Вологде, Ленинграде, Москве.

³⁵ Д. П–5374. Т. 3. Л. 199.

³⁶ Д. П–10727. Л. 135.

³⁷ См.: Д. П–5374. Т. 1.

³⁸ См.: Там же. Обвинительное заключение.

³⁹ Там же. Т. 1. Л. 262.

⁴⁰ Там же. Т. 2. Л. 333 (об.).

Заключенный В. А. Медеников, находясь во внутренней тюрьме НКВД г. Архангельска, в своем заявлении на имя прокурора Архангельской области писал: «Герман Суслов умер в Кувшиновской тюрьме <...>. Не смог перенести всех ужасов противозаконных методов следствия. <...> Тем более, что сам Вольфсон (начальник 1 отделения 4 отдела УГБ УНКВД АО, лейтенант Госбезопасности. — Ю. Д.) ездил обрабатывать его, используя мой клеветнический материал, подписанный мною в полной прострации под диктовку Вольфсона и Шульмана» (В. И. Шульман — начальник 4 отдела УГБ УНКВД АО, старший лейтенант госбезопасности).

⁴¹ Павел Андреевич Жернаков, г. р. 1887. Уроженец Нижней Койдукурьи Холмогорского уезда Архангельской губернии. Член АОИР. До революции — редактор газеты кадетского направления «Архангельск». Арестован НКВД 12 мая 1938 г. в Архангельске за принадлежность к ТКП. Умер в тюрьме 20 октября 1938 г. (Архив ФСБ по АО. Д. П–4254.)

⁴² Копия хранится в архиве автора.

⁴³ Впоследствии генерал-майор.

⁴⁴ Копия хранится в архиве автора.

Глава 6. БОЛЬШАЯ МУРТА

¹ Людмила Андреевна Евдокимова (1922, Архангельск — 1995).

² *Нитобург Л.* Немецкая слобода: Роман в семи частях с прологом. М., 1933.

Лев Владимирович Нитобург (1899—1937) был редактором книги А. А. Евдокимова «Вопросы энергетики в Северном крае» (Архангельск, 1931). Расстрелян в Москве. Сообщено Э. Л. Нитобургом в июне 1999 г.

³ В. И. Жадин (1896—1974). Вероятно, речь идет о его книге «Пресно-водные моллюски СССР». Л., 1933.

⁴ Александр Иннокентьевич Толмачев (1903—1979) — палеонтолог. В 1970-х гг. работал в Ленинграде.

⁵ См. примечание 5 к главе 5.

⁶ В каталоге РГБ значится более 25 книг Л. Л. Балашова, в т. ч. биография И. А. Стебута.

⁷ Георгий Яковлевич Наливайко (1891—1974) — начальник бюро Северных портовых изысканий. Много лет возглавлял Северное отделение Географического общества СССР.

⁸ Имеется в виду Михаил Иванович Романов (1886—1956) — северный краевед. С 1919 г. работал учителем в деревне Кокшеньга. В 1936 г. сослан в Вельск. В 1937 г. приговорен к 10 годам лагерей. В 1947 г. освобожден.

⁹ *Ефименко П. С.* Заволоцкая чужь. Архангельск, 1869.

¹⁰ Александра Яковлевна Ефименко (урожд. Ставровская) (1848 — 1918) — историк Украины. Уроженка архангельской губернии. Была учительницей в Холмогорах, где вышла замуж за ссыльного этнографа П. С. Ефименко. Первая русская женщина, получившая научную степень доктора (от Харьковского университета в 1910 г.).

А. А. Евдокимов, вероятно, был с ней знаком, так же, как и с ее сыном Петром, участником харьковских социал-демократических кружков начала века. В письме речь, по-видимому, идет о работе А. Я. Ефименко «Крестьянское земледелие на Крайнем Севере».

¹¹ Анатолий Александрович Гасконский (1905, Архангельск — 1989, там же). Заведовал отделом природы в архангельском краеведческом музее в 1940 — 1986 гг.

¹² Речь идет о книге воспоминаний С. П. Шестернина «Пережитое».

АРХИВЫ

I. Архангельск

1. Государственный архив Архангельской области (ГААО)
2. Государственный архив общественно-политических движений и формирований Архангельской области (ОПДФ)
3. Личный архив автора
4. Научный архив Архангельского областного краеведческого музея
5. Управление ФСБ по Архангельской области. Архив
6. Прокуратура Архангельской области. Архив

II. Владимир

- 1(7). Государственный архив Владимирской области (ГАВО)

III. Вологда

- 1(8). Управление ФСБ по Вологодской области. Архив

IV. Иваново

- 1(9). Государственный архив Ивановской области
- 2(10). Центр документации новейшей истории Ивановской области (ЦДНИ)

V. Киев

- 1(11). Центральный государственный исторический архив Украины (ЦГИА)

VI. Москва

- 1(12). Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)
- 2(13). Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ)
- 3(14). Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ)

VII. Петербург

- 1(15). Институт русской литературы (Пушкинский дом, ИРЛИ)

VIII. Харьков

- 1(16). Государственный архив харьковской области (ГАХО)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	3
<i>Глава первая. Иваново-Вознесенск</i>	4
<i>Глава вторая. Харьков</i>	25
<i>Глава третья. Москва</i>	48
<i>Глава четвертая. 1917-1921 гг.</i>	68
<i>Глава пятая. Архангельск</i>	90
<i>Глава шестая. Большая Мурта</i>	117
Вместо заключения.....	144
Примечания.....	147
Список архивов.....	173
Список литературы.....	174
Список сокращений.....	182
<i>Приложение</i>	
Основные даты жизни и деятельности А. А. Евдокимова.....	183
Библиография работ А. А. Евдокимова.....	185